

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 3 (144)
март 2017 года

В номере:

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- 3 Федеральный закон от 07.03.2017 N 26-ФЗ
О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- 4 Федеральный закон от 28.03.2017 N 46-ФЗ
О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
- 5 Федеральный закон от 28.03.2017 N 49-ФЗ
О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»
- 11 Федеральный закон от 28.03.2017 N 50-ФЗ
О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты
- 12 Федеральный закон от 28.03.2017 N 51-ФЗ
О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

- 13 Обзор Практики Конституционного суда Российской Федерации за 2016 год
- 48 Постановление Конституционного суда РФ от 1 марта 2017 г. N 3-П
По делу о проверке конституционности части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан В.А. Семенова и Н.В. Шмакова

- 54 Постановление Конституционного суда РФ от 7 марта 2017 г. N 5-П
По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера
- 63 Постановление Конституционного суда РФ от 10 марта 2017 г. N 6-П
По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других
- 72 Постановление Конституционного суда РФ от 2 марта 2017 г. N 4-П
По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова
- 78 Постановление Конституционного суда от 17 марта 2017 г. N 8-П
По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко
- 84 Постановление Конституционного суда РФ от 16 марта 2017 г. N 7-П
По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова
- 90 Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2017 г. N 41-КГ16-42
- 92 Определение Верховного Суда РФ от 27 февраля 2017 г. N 301-ЭС16-16279
- 94 Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 6 марта 2017 г. по делу N А40-106765/14

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52

E-mail: advokat_palata@mail.ru

Усиlena административная ответственность за несоблюдение требований безопасности движения при ремонте дорог и дорожных сооружений.

7 марта 2017 года

N 26-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Принят
Государственной Думой
22 февраля 2017 года

Одобрено
Советом Федерации
1 марта 2017 года

Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; N 18, ст. 1721; N 30, ст. 3029; N 44, ст. 4295; 2003, N 27, ст. 2700, 2708, 2717; N 46, ст. 4434, 4440; N 50, ст. 4847, 4855; 2004, N 31, ст. 3229; N 34, ст. 3529, 3533; N 44, ст. 4266; 2005, N 1, ст. 9, 13, 40, 45; N 10, ст. 763; N 13, ст. 1075, 1077; N 19, ст. 1752; N 27, ст. 2719, 2721; N 30, ст. 3104, 3131; N 50, ст. 5247; N 52, ст. 5574; 2006, N 1, ст. 4, 10; N 2, ст. 172; N 6, ст. 636; N 10, ст. 1067; N 12, ст. 1234; N 17, ст. 1776; N 18, ст. 1907; N 19, ст. 2066; N 23, ст. 2380; N 31, ст. 3420, 3438, 3452; N 45, ст. 4641; N 50, ст. 5279, 5281; N 52, ст. 5498; 2007, N 1, ст. 21, 29; N 16, ст. 1825; N 26, ст. 3089; N 30, ст. 3755; N 31, ст. 4007, 4008, 4015; N 41, ст. 4845; N 43, ст. 5084; N 46, ст. 5553; 2008, N 18, ст. 1941; N 20, ст. 2251, 2259; N 30, ст. 3604; N 49, ст. 5745; N 52, ст. 6227, 6235, 6236; 2009, N 7, ст. 777; N 23, ст. 2759, 2776; N 26, ст. 3120, 3122; N 29, ст. 3597, 3642; N 30, ст. 3739; N 48, ст. 5711, 5724; N 52, ст. 6406, 6412; 2010, N 1, ст. 1; N 19, ст. 2291; N 21, ст. 2525; N 23, ст. 2790; N 27, ст. 3416; N 30, ст. 4002, 4006, 4007; N 31, ст. 4158, 4164, 4193, 4195, 4206, 4207, 4208; N 41, ст. 5192; N 49, ст. 6409; 2011, N 1, ст. 10, 23, 54; N 7, ст. 901; N 15, ст. 2039; N 17, ст. 2310; N 19, ст. 2714, 2715; N 23, ст. 3260; N 27, ст. 3873, 3881; N 29, ст. 4290, 4298; N 30, ст. 4573, 4585, 4590, 4598, 4600, 4601, 4605; N 46, ст. 6406; N 47, ст. 6602; N 48, ст. 6728; N 49, ст. 7025, 7061; N 50, ст. 7342, 7345, 7346, 7351, 7352, 7355, 7362, 7366; 2012, N 6, ст. 621; N 10, ст. 1166; N 19, ст. 2278, 2281; N 24, ст. 3069, 3082; N 29, ст. 3996; N 31, ст. 4320, 4330; N 47, ст. 6402, 6403, 6404, 6405; N 49, ст. 6757; N 53, ст. 7577, 7602, 7640; 2013, N 14, ст. 1651, 1666; N 19, ст. 2319, 2323, 2325; N 26, ст. 3207 - 3209; N 27, ст. 3454, 3469, 3470, 3477; N 30, ст. 4025, 4029 - 4032, 4034, 4036, 4040, 4044, 4078, 4082; N 31, ст. 4191; N 43, ст. 5443 - 5445, 5452; N 44, ст. 5624, 5643; N 48, ст. 6161, 6163, 6165; N 49, ст. 6327, 6341, 6343; N 51, ст. 6683, 6685, 6695, 6696; N 52, ст. 6961, 6980, 6986, 6994, 6999, 7002; 2014, N 6, ст. 557, 559, 566; N 11, ст. 1092, 1096; N 14, ст. 1562; N 19, ст. 2302, 2306, 2310, 2317, 2324 - 2327, 2330, 2335; N 26, ст. 3366, 3379; N 30, ст. 4211, 4214, 4218, 4228, 4233, 4248, 4256, 4259, 4264, 4278; N 42, ст. 5615;

N 43, ст. 5799; N 48, ст. 6636, 6638, 6642, 6643, 6651; N 52, ст. 7541, 7548, 7550, 7557; 2015, N 1, ст. 29, 35, 67, 74, 83, 85; N 10, ст. 1405, 1416; N 13, ст. 1811; N 18, ст. 2614, 2620; N 21, ст. 2981; N 24, ст. 3370; N 27, ст. 3945, 3950; N 29, ст. 4354, 4359, 4374, 4376, 4391; N 41, ст. 5629, 5637; N 44, ст. 6046; N 45, ст. 6205, 6208; N 48, ст. 6706, 6710, 6716; N 51, ст. 7249, 7250; 2016, N 1, ст. 11, 28, 59, 63, 79, 84; N 10, ст. 1323; N 11, ст. 1481, 1490, 1491, 1493; N 18, ст. 2514; N 23, ст. 3285; N 26, ст. 3871, 3876, 3877, 3884, 3887, 3891; N 27, ст. 4160, 4164, 4183, 4197, 4205, 4206, 4223, 4238, 4251, 4259, 4286, 4291, 4305; N 28, ст. 4558; N 50, ст. 6975; 2017, N 1, ст. 12, 31, 47; Российская газета, 2017, 10 февраля) следующие изменения:

1) абзац первый части 1 статьи 3.5 после слов «частью 3 статьи 11.15.2,» дополнить словами «частью 2 статьи 12.34,», после слов «частями 24, 26» дополнить словами «и 28»;

2) статью 12.34 изложить в следующей редакции:

«Статья 12.34. Несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений

1. Несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо принятие мер по своевременному устранению помех в дорожном движении, по осуществлению временного ограничения или прекращения движения транспортных средств на отдельных участках дорог в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц, ответственных за состояние дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей.

2. Те же действия, повлекшие причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, -

влечут наложение административного штрафа на должностных лиц, ответственных за состояние дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц - от четырехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

Примечания:

1. Под причинением легкого вреда здоровью следует понимать кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

2. Под причинением средней тяжести вреда здоровью следует понимать неопасное для жизни длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.»;

3) статью 19.5 дополнить частями 27 и 28 следующего содержания:

«27. Невыполнение в установленный срок законного предписания (представления) органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный надзор в области обеспечения безопасности дорожного движения, об устранении нарушений законодательства -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до двухсот тысяч рублей.

28. Повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 27 настоящей статьи, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от семидесяти тысяч до ста тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц - от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей.»;

4) в части 1 статьи 23.1 слова «статьей 12.35» заменить словами «статьями 12.34, 12.35», слова «24, 25, 26 статьи 19.5» заменить словами «24 - 28 статьи 19.5»;

5) в статье 23.3:

а) в части 1 цифры «12.32 - 12.34» заменить цифрами «12.32, 12.33»;

б) в части 2:

в пункте 5 цифры «12.32 - 12.34» заменить цифрами «12.32, 12.33»;

в пункте 8 слова «статьями 12.33, 12.34» заменить словами «статьей 12.33»;

6) пункт 1 части 2 статьи 28.3 после слов «статьи 12.27, статьями» дополнить цифрами «12.34».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
7 марта 2017 года
N 26-ФЗ

Начало действия документа - 08.04.2017.

Установлен порядок трансляции открытого судебного заседания в уголовном процессе по радио, телевидению и в сети Интернет.

28 марта 2017 года

N 46-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
15 марта 2017 года

Одобен
Советом Федерации
22 марта 2017 года

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2003, N 27, ст. 2706; N 50, ст. 4847; 2011, N 1, ст. 45; N 50, ст. 7349; 2014, N 30, ст. 4252) следующие изменения:

1) часть пятую статьи 241 изложить в следующей редакции:

«5. Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись. Фотографирование, видеозапись и (или) киносъемка, а также трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании. Трансляция открытого судебного заседания на стадии досудебного производства по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не допускается.»;

2) статью 257 дополнить частью пятой следующего содержания:

«5. Судебное разбирательство проводится в условиях, обеспечивающих установленный порядок судебного заседания и безопасность участников уголовного судопроизводства. Действия лиц, присутствующих в зале судебного заседания и осуществляющих разрешенные судом фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, трансляцию по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не должны нарушать установленный порядок судебного заседания. Эти действия могут быть ограничены судом во времени и должны осуществляться на указанных судом местах в зале судебного заседания и с учетом мнения лиц, участвующих в деле.»;

3) часть пятую статьи 259 изложить в следующей редакции:

«5. Если в ходе судебного разбирательства осуществлялись фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка допросов, трансляция по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», то об этом делается отметка

в протоколе судебного заседания. В этом случае материалы фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки прилагаются к материалам уголовного дела. При осуществлении трансляции судебного заседания в протоколе судебного заседания указывается также наименование средства массовой информации или сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», посредством которых осуществлялась трансляция.»

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
28 марта 2017 года
N 46-ФЗ

Подписан закон, устанавливающий приоритет восстановительного ремонта ТС над денежной выплатой по закону об «автогражданке».

28 марта 2017 года

N 49-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»**

Принят
Государственной Думой
17 марта 2017 года

Одобрено
Советом Федерации
22 марта 2017 года

Статья 1

Внести в Федеральный закон от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 18, ст. 1720; 2003, N 26, ст. 2566; 2005, N 30, ст. 3114; 2006, N 48, ст. 4942; 2007, N 49, ст. 6067; 2008, N 30, ст. 3616; 2009, N 9, ст. 1045; N 52, ст. 6438; 2010, N 6, ст. 565; N 17, ст. 1988; 2011, N 1, ст. 4; N 7, ст. 901; N 27, ст. 3881; N 29, ст. 4291; N 49, ст. 7040; 2012, N 25, ст. 3268; N 31, ст. 4319, 4320; 2013, N 30, ст. 4084; 2014, N 30, ст. 4224; 2015, N 48, ст. 6715; 2016, N 22, ст. 3094; N 26, ст. 3883; N 27, ст. 4293) следующие изменения:

1) в статье 1:

а) в абзаце восьмом слова «(осуществить страховую выплату)» заменить словами «(осуществить страховое возмещение в форме страховой выплаты или путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства)»;

б) в абзаце одиннадцатом слова «страховую выплату» заменить словами «страховое возмещение»;

в) в абзаце тринадцатом слова «страховая выплата» заменить словами «страховое возмещение», слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

г) в абзаце четырнадцатом слова «страховых выплатах» заменить словами «страховом возмещении», слова «по осуществлению выплат» заменить словами «по осуществлению страхового возмещения»;

д) в абзаце шестнадцатом слова «на выбранной потерпевшим по согласованию со страховщиком станции технического обслуживания из числа станций технического обслуживания, с которыми страховщиком заключены договоры, устанавливающие обязанность станции технического обслуживания осуществить восстановительный ремонт транспортного средства потерпевшего и обязанность страховщика оплатить такой ремонт в счет страховой выплаты» заменить словами «на определенной в соответствии с настоящим Федеральным законом станции технического обслуживания»;

е) дополнить абзацем следующего содержания:

«договор на организацию восстановительного ремонта - договор, заключенный между страховщиком и станцией технического обслуживания и устанавливающий в том числе обязанность станции технического обслуживания провести восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства потерпевшего и обязанность страховщика оплатить такой ремонт за счет страхового возмещения в соответствии с настоящим Федеральным законом.»;

2) в пункте 5 статьи 4 слова «страховой выплаты по обязательному страхованию» заменить словами «страховых сумм, установленных статьей 7 настоящего Федерального закона.»;

3) в пункте 2 статьи 5:

а) в подпункте «г» слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения причиненного потерпевшему вреда»;

б) дополнить подпунктом «е» следующего содержания:

«е) требования к организации восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства (далее - требования к организации восстановительного ремонта), а также порядок взаимодействия потерпевшего, страховщика и станции технического обслуживания в случае выявления недостатков такого ремонта.»;

4) в статье 8:

а) в абзаце втором пункта 1 слова «страховых и компенсационных выплат» заменить словами «страхового возмещения и компенсационных выплат»;

б) в пункте 5 слова «осуществленных страховых выплатах» заменить словами «осуществленном страховом возмещении», слова «уровне страховых выплат» заменить словами «уровне страхового возмещения»;

5) в статье 9:

а) в подпункте «б» пункта 2 слова «страховых выплат, произведенных» заменить словами «страхового возмещения, осуществленного»;

б) в абзаце третьем пункта 3 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

б) в пункте 4 статьи 10 слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

7) в статье 11:

а) в абзаце втором пункта 2 слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

б) в пункте 3 слова «страховую выплату» заменить словами «страховое возмещение», слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в) в пункте 5 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

8) в статье 11.1:

а) в пункте 4 слова «страховой выплаты, причитающейся» заменить словами «страхового возмещения, причитающегося»;

б) в пункте 5 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения», слова «страховая выплата» заменить словами «страховое возмещение»;

в) в пункте 8:

в абзаце первом слова «получивший страховую выплату» заменить словами «которому осуществлено страховое возмещение»;

в абзаце втором слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

9) в статье 12:

а) наименование изложить в следующей редакции: «Статья 12. Порядок осуществления страхового возмещения причиненного потерпевшему вреда»;

б) в пункте 1:

в абзаце первом слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце втором слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце третьем слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении», слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

в абзаце пятом слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце шестом слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в) в пункте 8:

в абзаце первом слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце третьем слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

г) в пункте 10:

в абзаце первом слова «страховую выплату» заменить словами «страховое возмещение», слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце втором слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце третьем слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

д) в пункте 11:

в абзаце первом слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце втором слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце четвертом слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце пятом слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

в абзаце шестом слова «страховой выплаты» заменить словами «страховом возмещении»;

е) в пункте 12 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

ж) в пункте 13:

в абзаце первом слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

в абзаце втором слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

з) в пункте 14 слова «страховая выплата» заменить словами «страховое возмещение»;

и) в пункте 15:

абзац первый изложить в следующей редакции: «15. Страховое возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего (за исключением легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан и зарегистрированных в Российской Федерации), может осуществляться по выбору потерпевшего»;

в абзаце втором слова «договор» заменить словами «договор на организацию восстановительного ремонта»;

абзац четвертый признать утратившим силу;

к) дополнить пунктами 15.1 - 15.3 следующего содержания:

«15.1. Страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных пунктом 16.1 настоящей статьи) в соответствии с пунктом 15.2 настоящей статьи или в соответствии с пунктом 15.3 настоящей статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абзаца второго пункта 19 настоящей статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с пунктами 15.2 и 15.3 настоящей статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего.

Минимальный гарантийный срок на работы по восстановительному ремонту поврежденного транспортного средства составляет 6 месяцев, а на кузовные работы и работы, связанные с использованием лакокрасочных материалов, 12 месяцев.

В случае выявления недостатков восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства их устранение осуществляется в порядке, установленном пунктом 15.2 или 15.3 настоящей статьи, если соглашением, заключенным в письменной форме между страховщиком и потерпевшим, не выбран иной способ устранения указанных недостатков.

Претензия потерпевшего к страховщику в отношении результатов проведенного восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства рассматривается с учетом особенностей, установленных статьей 16.1 настоящего Федерального закона.

15.2. Требованиями к организации восстановительного ремонта являются в том числе:

срок проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства (но не более 30 рабочих дней со дня представления потерпевшим такого транспортного средства на станцию технического обслуживания или передачи такого транспортного средства страховщику для организации его транспортировки до места проведения восстановительного ремонта);

критерии доступности для потерпевшего места проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства (при этом по выбору потерпевшего максимальная длина маршрута, про-

ложенного по дорогам общего пользования, от места дорожно-транспортного происшествия или места жительства потерпевшего до станции технического обслуживания не может превышать 50 километров, за исключением случая, если страховщик организовал и (или) оплатил транспортировку поврежденного транспортного средства до места проведения восстановительного ремонта и обратно);

требование по сохранению гарантийных обязательств производителя транспортного средства (восстановительный ремонт транспортного средства, с года выпуска которого прошло менее двух лет, должен осуществляться станцией технического обслуживания, являющейся юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, зарегистрированным на территории Российской Федерации и осуществляющими сервисное обслуживание таких транспортных средств от своего имени и за свой счет в соответствии с договором, заключенным с производителем и (или) импортером (дистрибьютором) транспортных средств определенных марок).

Если у страховщика заключен договор на организацию восстановительного ремонта со станцией технического обслуживания, которая соответствует установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта в отношении конкретного потерпевшего, страховщик направляет его транспортное средство на эту станцию для проведения восстановительного ремонта такого транспортного средства.

Если ни одна из станций, с которыми у страховщика заключены договоры на организацию восстановительного ремонта, не соответствует установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта в отношении конкретного потерпевшего, страховщик с согласия потерпевшего в письменной форме может выдать потерпевшему направление на ремонт на одну из таких станций. В случае отсутствия указанного согласия возмещение вреда, причиненного транспортному средству, осуществляется в форме страховой выплаты.

15.3. При наличии согласия страховщика в письменной форме потерпевший вправе самостоятельно организовать проведение восстановительного ремонта своего поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика на момент подачи потерпевшим заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков отсутствует договор на организацию восстановительного ремонта. В этом случае потерпевший в заявлении о страховом возмещении или прямом возмещении убытков указывает полное наименование выбранной станции технического обслуживания, ее адрес, место нахождения и платежные реквизиты, а страховщик выдает потерпевшему направление на ремонт и оплачивает проведенный восстановительный ремонт.»;

л) дополнить пунктом 16.1 следующего содержания:

«16.1. Страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется путем выдачи суммы

страховой выплаты потерпевшему (выгодоприобретателю) в кассе страховщика или перечисления суммы страховой выплаты на банковский счет потерпевшего (выгодоприобретателя) (наличный или безналичный расчет) в случае:

а) полной гибели транспортного средства;
б) смерти потерпевшего;
в) причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего в результате наступления страхового случая, если в заявлении о страховом возмещении потерпевший выбрал такую форму страхового возмещения;

г) если потерпевший является инвалидом, указанным в абзаце первом пункта 1 статьи 17 настоящего Федерального закона, и в заявлении о страховом возмещении выбрал такую форму страхового возмещения;

д) если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства превышает установленную подпунктом «б» статьи 7 настоящего Федерального закона страховую сумму или максимальный размер страхового возмещения, установленный для случаев оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции, либо если в соответствии с пунктом 22 настоящей статьи все участники дорожно-транспортного происшествия признаны ответственными за причиненный вред при условии, что в указанных случаях потерпевший не согласен произвести доплату за ремонт станции технического обслуживания;

е) выбора потерпевшим возмещения вреда в форме страховой выплаты в соответствии с абзацем шестым пункта 15.2 настоящей статьи или абзацем вторым пункта 3.1 статьи 15 настоящего Федерального закона;

ж) наличия соглашения в письменной форме между страховщиком и потерпевшим (выгодоприобретателем).»;

м) в пункте 17:

абзацы первый - третий изложить в следующей редакции:

«17. Если в соответствии с абзацем вторым пункта 15 или пунктами 15.1 - 15.3 настоящей статьи возмещение вреда осуществляется путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, потерпевший указывает это в заявлении о страховом возмещении или прямом возмещении убытков.

Страховщик размещает на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информацию о перечне станций технического обслуживания, с которыми у него заключены договоры на организацию восстановительного ремонта, с указанием адресов их места нахождения, марок и года выпуска обслуживаемых ими транспортных средств, примерных сроков проведения восстановительного ремонта в зависимости от объема выполняемых работ и загруженности, сведений об их соответствии установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта и поддерживает ее в актуальном состоянии. Страховщик обязан предоставлять эту информацию потерпевшему (выгодоприобретателю) для выбора им станции технического обслуживания при обращении

к страховщику с заявлением о страховом возмещении или прямом возмещении убытков.

Изменение объема работ по восстановительному ремонту поврежденного транспортного средства, срока и условий проведения восстановительного ремонта должно быть согласовано станцией технического обслуживания со страховщиком и потерпевшим.»;

в абзаце шестом слова «В направлении на ремонт страховщиком» заменить словами «В направлении на ремонт, выдаваемом страховщиком на основании абзаца второго пункта 15 настоящей статьи.»;

дополнить новым абзацем седьмым следующего содержания:

«В случае, если стоимость восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, подлежащего оплате страховщиком в соответствии с пунктом 15.2 или 15.3 настоящей статьи, превышает установленную подпунктом «б» статьи 7 настоящего Федерального закона страховую сумму или максимальный размер страхового возмещения, установленный для случаев оформления документов о дорожно-транспортном происшествии без участия уполномоченных на то сотрудников полиции, либо если в соответствии с пунктом 22 настоящей статьи все участники дорожно-транспортного происшествия признаны ответственными за причиненный вред и потерпевший в письменной форме выражает согласие на внесение доплаты за проведение восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, страховщик определяет размер доплаты, которую потерпевший должен будет произвести станции технического обслуживания, и указывает его в выдаваемом потерпевшему направлении на ремонт.»;

абзац седьмой считать абзацем восьмым и его после слов «абзаца второго пункта 15» дополнить словами «или пунктов 15.1 - 15.3»;

абзац восьмой считать абзацем девятым;

абзац девятый считать абзацем десятым и признать его утратившим силу;

н) дополнить пунктом 17.1 следующего содержания:

«17.1. В случае выявления Банком России неоднократного (два и более раза) в течение одного года нарушения страховщиком обязательств по восстановительному ремонту, в том числе обязанностей по его организации и (или) оплате, Банк России вправе принять решение об ограничении осуществления таким страховщиком возмещения причиненного вреда в натуре в соответствии с пунктами 15.1 - 15.3 настоящей статьи на срок до одного года (далее - решение об ограничении). Страховщик, получивший решение об ограничении, в отношении потерпевших, обращающихся с заявлением о страховом возмещении вреда или прямом возмещении убытков после даты принятия решения об ограничении, осуществляет возмещение вреда, причиненного транспортному средству, в форме страховой выплаты, за исключением случая, когда потерпевший, уведомленный страховщиком о принятии в отношении его решения об ограничении, подтверждает свое согласие на возмещение вреда, причиненного его транспортному средству, в натуре. В этом случае страховщик осуществляет организацию и (или) оплату восстановительного ремонта по»

врежденного транспортного средства в соответствии с пунктами 15.1 - 15.3 настоящей статьи и направляет копии документа, подтверждающего уведомление потерпевшего о принятии решения об ограничении, и заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков, содержащего указание на возмещение вреда, причиненного транспортному средству, в натуре, в профессиональное объединение страховщиков в течение трех рабочих дней со дня получения такого заявления.

Потерпевшим, которым на дату принятия Банком России решения об ограничении выданы направления на ремонт, страховщик организует и (или) оплачивает проведение восстановительного ремонта поврежденных транспортных средств в соответствии с пунктами 15.1 - 15.3 настоящей статьи.

Порядок принятия решения об ограничении устанавливается Банком России.

Информация о принятии Банком России решения об ограничении размещается на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее одного рабочего дня, следующего за днем принятия Банком России соответствующего решения.»;

о) в абзаце втором пункта 19 слова «(в том числе в случае возмещения причиненного вреда в порядке, предусмотренном абзацем вторым пункта 15 настоящей статьи)» заменить словами «(за исключением случаев возмещения причиненного вреда в порядке, предусмотренном пунктами 15.1 - 15.3 настоящей статьи)»;

п) в пункте 20 слова «страховой выплате или ее» заменить словами «страховом возмещении или его»;

р) в пункте 21:

абзац первый изложить в следующей редакции:

«21. В течение 20 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, а в случае, предусмотренном пунктом 15.3 настоящей статьи, 30 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня принятия к рассмотрению заявления потерпевшего о страховом возмещении или прямом возмещении убытков и приложенных к нему документов, предусмотренных правилами обязательного страхования, страховщик обязан произвести страховую выплату потерпевшему или после осмотра и (или) независимой технической экспертизы поврежденного транспортного средства выдать потерпевшему направление на ремонт транспортного средства с указанием станции технического обслуживания, на которой будет отремонтировано его транспортное средство и которой страховщик оплатит восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства, и срока ремонта либо направить потерпевшему мотивированный отказ в страховом возмещении.»;

в абзаце втором слова «возмещения причиненного вреда в натуре» заменить словами «срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства», слова «размера страховой выплаты» заменить словами «размера страхового возмещения», дополнить предложением следующего содержания: «При возмещении вреда на основании пунктов 15.1 - 15.3 настоящей статьи в случае нарушения установленного абзацем вторым пункта 15.2 насто-

ящей статьи срока проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства или срока, согласованного страховщиком и потерпевшим и превышающего установленный абзацем вторым пункта 15.2 настоящей статьи срок проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере 0,5 процента от определенной в соответствии с настоящим Федеральным законом суммы страхового возмещения, но не более суммы такого возмещения.»;

в абзаце третьем слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце четвертом слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения», слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в абзаце пятом слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения», слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

с) в пункте 22:

в абзаце первом слова «страховые выплаты» заменить словами «страховое возмещение»;

в абзаце втором слова «страховую выплату» заменить словами «страховое возмещение»;

т) в пункте 24 слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

у) в пункте 25 слова «произвести страховую выплату» заменить словами «осуществить страховое возмещение», слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении», слово «ее» заменить словом «его»;

10) в статье 12.1:

а) подпункт «д» пункта 3 дополнить предложением следующего содержания: «Данные указанных справочников должны обновляться не реже одного раза в течение шести месяцев, в том числе на основании сведений об оплате страховщиками проведенного восстановительного ремонта поврежденных транспортных средств станциям технического обслуживания в соответствии с настоящим Федеральным законом.»;

б) в пункте 6 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

11) в статье 14:

а) в абзаце первом пункта 1 слово «выплатившему» заменить словом «осуществившему», слова «произведенной потерпевшему страховой выплаты» заменить словами «осуществленного потерпевшему страхового возмещения»;

б) в пункте 2 слова «произведенной страховой выплаты» заменить словами «осуществленного страхового возмещения»;

12) в статье 14.1:

.....
примечание.

Подпункт «а» пункта 12 статьи 1 вступает в силу с 25 сентября 2017 года.

а) подпункт «б» пункта 1 после слова «двух» дополнить словами «и более»;

б) в абзаце втором пункта 4 слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

в) в пункте 5 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

г) в пункте 6 слова «введения в отношении такого страховщика в соответствии с законодательством Российской Федерации процедур, применяемых в деле о банкротстве,» заменить словами «принятия арбитражным судом решения о признании такого страховщика банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве)»;

д) в пункте 7 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

е) в пункте 9 слова «введения в отношении такого страховщика в соответствии с законодательством Российской Федерации процедур, применяемых в деле о банкротстве,» заменить словами «принятия арбитражным судом решения о признании такого страховщика банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве)», слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

13) в статье 15:

а) дополнить пунктом 3.1 следующего содержания:

«3.1. В заявлении о заключении договора обязательного страхования страхователь вправе указать станцию (станции) технического обслуживания, которая соответствует предусмотренным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта и выбрана им из предложенного страховщиком перечня станций технического обслуживания, либо при наличии согласия страховщика в письменной форме иную станцию технического обслуживания, на которой страховщиком, застраховавшим ответственность страхователя, при наступлении страхового случая будет организован и (или) оплачен восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства в рамках прямого возмещения убытков.

При подаче потерпевшим заявления о прямом возмещении убытков в случае отсутствия у страховщика возможности организовать проведение восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на указанной им при заключении договора обязательного страхования станции технического обслуживания потерпевший вправе выбрать возмещение причиненного вреда в форме страховой выплаты или согласиться на проведение восстановительного ремонта на другой предложенной страховщиком станции технического обслуживания, подтвердив свое согласие в письменной форме.»;

б) в абзаце втором пункта 7.1 слова «выплатить за счет собственных средств компенсацию в счет возмещения причиненного потерпевшему вреда в размере, определенном в соответствии со статьей 12 настоящего Федерального закона» заменить словами «за счет собственных средств возместить причиненный вред в порядке, установленном настоящим Федеральным законом для осуществления страхового возмещения», второе предложение исключить;

в) в абзаце первом пункта 10 слова «осуществленных страховых выплатах и о предстоящих страховых выплатах» заменить словами «осуществленном страховом возмещении и о предстоящем страховом возме-

щении», слова «страховых выплатах» заменить словами «страховом возмещении»;

г) в пункте 10.1 слова «страховых выплат» заменить словами «случаев страхового возмещения»;

д) абзац первый пункта 11 изложить в следующей редакции:

«11. Банком России устанавливаются форма заявления о заключении договора обязательного страхования, форма страхового полиса обязательного страхования, форма документа, содержащего сведения о страховании, форма заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков и форма бланка извещения о дорожно-транспортном происшествии.»;

14) в пункте 1 статьи 16.1:

а) в абзаце первом слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения», слова «страховой выплате» заменить словами «страховом возмещении»;

б) абзац второй после слов «страховой выплаты» дополнить словами «, несоблюдения станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства, нарушения иных обязательств по проведению восстановительного ремонта транспортного средства»;

15) в статье 18:

а) в пункте 1:

в абзаце первом слова «страховая выплата» заменить словами «страховое возмещение», слово «осуществлена» заменить словом «осуществлено»;

подпункт «а» изложить в следующей редакции:

«а) принятия арбитражным судом решения о признании страховщика банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве)»;

б) в пункте 2:

в абзаце первом слова «страховая выплата» заменить словами «страховое возмещение», слово «осуществлена» заменить словом «осуществлено»;

подпункт «а» изложить в следующей редакции:

«а) принятия арбитражным судом решения о признании страховщика банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве)»;

в) в пункте 2.1 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

16) в пункте 5 статьи 19 после слов «пункта 15» дополнить словами «и пунктов 15.1 - 15.3», слова «в счет страховой выплаты» исключить;

17) в статье 20:

а) в пункте 2 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения»;

б) в пункте 3 слова «возмещения в счет страховой выплаты» заменить словами «выплаты в счет страхового возмещения»;

18) в пункте 1 статьи 21 слова «страховых выплатах» заменить словами «страховом возмещении», слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

19) в пункте 2 статьи 22 слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

20) в пункте 1 статьи 26:

Федеральный закон от 28.03.2017 N 50-ФЗ

а) в подпункте «а» слова «страховых выплатах» заменить словами «страховом возмещении», слова «указанных страховых выплат» заменить словами «указанного страхового возмещения»;

б) в подпункте «в.1» слова «и в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве страховщика» заменить словами «и в случае принятия арбитражным судом решения о признании страховщика банкротом и об открытии конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве)»;

в) в подпункте «м» слова «страховых выплат» заменить словами «страхового возмещения»;

21) в абзаце втором пункта 1 статьи 26.1 слова «средних сумм страховых выплат, определенных» заменить словами «среднего размера страхового возмещения, определенного»;

22) в абзаце втором пункта 6 статьи 30 слова «страховой выплаты» заменить словами «страхового возмещения».

Статья 2

Абзацы сорок первый и пятьдесят первый пункта 12 статьи 1 Федерального закона от 21 июля 2014 года N 223-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, N 30, ст. 4224) признать утратившими силу.

Статья 3

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении тридцати дней после дня его официального опубликования, за исключением подпункта «а» пункта 12 статьи 1 настоящего Федерального закона.

2. Подпункт «а» пункта 12 статьи 1 настоящего Федерального закона вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня официального опубликования настоящего Федерального закона.

3. Положения подпункта «б» пункта 1 статьи 14.1 Федерального закона от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в редакции настоящего Федерального закона) применяются к отношениям, возникшим в результате дорожно-транспортных происшествий, произошедших после дня вступления в силу подпункта «а» пункта 12 статьи 1 настоящего Федерального закона.

4. Федеральный закон от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в редакции настоящего Федерального закона) применяется к договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключенным после дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
28 марта 2017 года
N 49-ФЗ

Начало действия документа - 08.04.2017.

В случае приостановления предварительного следствия, прекращения уголовного дела или уголовного преследования должен решаться вопрос об отмене применяемых мер безопасности либо о дальнейшем их применении.

28 марта 2017 года

N 50-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Принят
Государственной Думой
7 марта 2017 года

Одобен
Советом Федерации
22 марта 2017 года

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3015; 2003, N 27, ст. 2706; N 50, ст. 4847; 2010, N 1, ст. 4; 2013, N 52, ст. 6997; 2015, N 13, ст. 1806; N 27, ст. 3981; 2016, N 27, ст. 4256) следующие изменения:

1) статью 208 дополнить частью восьмой следующего содержания:

«8. Если по уголовному делу ранее принято решение о применении при осуществлении государственной защиты мер безопасности, то следователь с согласия руководителя следственного органа одновременно с приостановлением предварительного следствия выносит постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их полной или частичной отмене, если для дальнейшего применения мер безопасности отсутствуют основания, предусмотренные законодательством Российской Федерации, на основании информации, полученной из органа, осуществляющего меры безопасности, или по ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, либо на основании письменного заявления лиц, указанных в части 2 статьи 16 Федерального закона от 20 августа 2004 года N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», которые подлежат рассмотрению в установленные сроки. О вынесенном постановлении уведомляется орган, осуществляющий меры безопасности, а также лицо, в отношении которого вынесено такое постановление.»;

2) статью 213 дополнить частью шестой следующего содержания:

«6. Если по уголовному делу ранее принято решение о применении при осуществлении государственной защиты мер безопасности, то следователь с согласия руководителя следственного органа одновременно с прекращением уголовного дела или уголовного преследования выносит постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их полной или частичной отмене, если для дальнейшего применения

мер безопасности отсутствуют основания, предусмотренные законодательством Российской Федерации, на основании информации, полученной из органа, осуществляющего меры безопасности, или по ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, либо на основании письменного заявления лиц, указанных в части 2 статьи 16 Федерального закона от 20 августа 2004 года N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», которые подлежат рассмотрению в установленные сроки. О вынесенном постановлении уведомляется орган, осуществляющий меры безопасности, а также лицо, в отношении которого вынесено такое постановление.»;

3) статью 239 дополнить частью пятой следующего содержания:

«5. Если по уголовному делу ранее принято решение о применении при осуществлении государственной защиты мер безопасности, то судья одновременно с прекращением уголовного дела или уголовного преследования выносит постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их полной или частичной отмене, если для дальнейшего применения мер безопасности отсутствуют основания, предусмотренные законодательством Российской Федерации, на основании информации, полученной из органа, осуществляющего меры безопасности, или по ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, либо на основании письменного заявления лиц, указанных в части 2 статьи 16 Федерального закона от 20 августа 2004 года N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», которые подлежат рассмотрению в установленные сроки. О вынесенном постановлении уведомляется орган, осуществляющий меры безопасности, а также лицо, в отношении которого вынесено такое постановление.»;

4) часть вторую.1 статьи 313 изложить в следующей редакции:

«2.1. В случае осуществления в отношении осужденного государственной защиты суд выносит определение или постановление о дальнейшем применении мер безопасности либо об их отмене, если для дальнейшего применения мер безопасности отсутствуют основания, предусмотренные законодательством Российской Федерации. О вынесенном определении или постановлении уведомляется орган, осуществляющий меры безопасности, а также лицо, в отношении которого вынесено такое определение или постановление.».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
28 марта 2017 года
N 50-ФЗ

Начало действия документа - 08.04.2017.

Вещественные доказательства в виде изъятого игрового оборудования, используемого при незаконных организации и проведении азартных игр, будут уничтожаться по решению суда. Установлено, что порядок уничтожения определяется Правительством РФ. Об уничтожении вещественных доказательств составляется протокол в соответствии с требованиями статьи 166 УПК РФ.

28 марта 2017 года

N 51-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
15 марта 2017 года

Одобен
Советом Федерации
22 марта 2017 года

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2003, N 27, ст. 2706; 2006, N 31, ст. 3452; 2007, N 24, ст. 2830; N 31, ст. 4011; N 50, ст. 6235; 2010, N 17, ст. 1985; N 27, ст. 3427; 3428; N 30, ст. 4003; 2011, N 29, ст. 4286; N 50, ст. 7350; 2012, N 24, ст. 3070; N 31, ст. 4332; N 49, ст. 6752; 2013, N 30, ст. 4028; N 48, ст. 6165; N 52, ст. 6997; 2014, N 30, ст. 4246; 2015, N 1, ст. 47; N 27, ст. 3981; 2016, N 1, ст. 60; N 27, ст. 4256; N 28, ст. 4559) следующие изменения:

1) в пункте 10.1 части второй статьи 29 слова «пунктах 3, 6 и 7» заменить словами «пунктах 3 и 6 - 8»;

2) в статье 82:

а) часть вторую дополнить пунктом 8 следующего содержания:

«8) изъятого игрового оборудования, которое использовалось при незаконных организации и (или) проведении азартных игр, передаются для уничтожения по решению суда в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, о чем составляется протокол в соответствии с требованиями статьи 166 настоящего Кодекса. К материалам уголовного дела приобщаются материалы фото- и киносъемки, видеозаписи вещественных доказательств, а также может быть приобщен образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования.»;

б) в части четвертой.1 слова «пунктами 3, 6 и 7» заменить словами «пунктами 3 и 6 - 8»;

3) в части третьей.1 статьи 165 слова «6 и 7» заменить цифрами «6 - 8».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
28 марта 2017 года
N 51-ФЗ

СЕКРЕТАРИАТ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБЗОР
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2016 ГОД

Настоящий обзор подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) и посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом в 2016 году (постановления, определения по жалобам и запросам), которые могут оказать воздействие на правоприменительную практику.

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 19 января 2016 года N 2-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года N 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения, как исключившие возможность установления в процессе правоприменения смягчающих ответственности обстоятельств и их учет при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее - Закон).

Конституционный Суд признал оспоренные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, как исключившие возможность индивидуализировать наказание за нарушение установленных Законом требований с учетом смягчающих ответственности обстоятельств.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений принятие решения об учете смягчающих ответственности обстоятельств при применении соответствующих санкций за нарушение положений законодательства о страховых взносах допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке. Если санкция была применена должностным лицом фонда, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер ответственности), рассмотрев соответствующее заявление привлекаемого к ответственности лица, не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему штрафа.

2. Постановлением от 16 февраля 2016 года N 4-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24

Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о выезде из Российской Федерации иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по визе, срок действия которой на день выезда истек, получившего разрешение на временное проживание в Российской Федерации и при этом не оформившего новую визу, и о привлечении в этом случае такого иностранного гражданина к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, как устанавливающие в конституционно значимых целях режим пересечения Государственной границы Российской Федерации, в рамках которого при выезде иностранного гражданина из Российской Федерации осуществляется проверка наличия у него законных оснований въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, и предусматривающие административную ответственность за его нарушение.

В то же время указанные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как позволяющие привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина - в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, - на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

Данным Постановлением не затрагивается регулирование порядка последующего въезда лиц, имеющих разрешение на временное проживание в Российской Федерации, на ее территорию после их выезда за пределы Российской Федерации в период действия указанного разрешения и не ставится под сомнение законодательное требование о наличии действующей визы для их въезда на территорию Российской Федерации.

3. Постановлением от 17 февраля 2016 года N 5-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Предметом рассмотрения являлись положения пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Федерации» и части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам, имеющим вид на жительство и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за однократное неисполнение ими требования о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Конституционный Суд признал положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее указанный вид административного наказания за неисполнение требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно не допускает возможность отказа от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд - учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства - придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений судам при применении части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в случае однократного неисполнения иностранным гражданином правил уведомления о подтверждении проживания в Российской Федерации следует руководствоваться выраженными в данном Постановлении правовыми позициями.

4. Постановлением от 30 марта 2016 года N 9-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку, ограничивая двумя месяцами срок, который с момента прекращения действия лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции дается юридическому лицу для реализации имеющихся у него остатков такой продукции, позволяли признавать их находящимися в незаконном обороте, а потому подлежащими изъятию и уничтожению - применительно к винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмо-

тренных данным положением, не достигает срока, необходимого для завершения ее производства согласно требованиям технологического процесса, притом что само производство было начато в период действия соответствующей лицензии.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают по истечении двух месяцев с момента прекращения действия данной лицензии принудительное безвозмездное изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков принадлежащей ему указанной винодельческой продукции, притом что само производство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований и что, начиная его, лицензиат не мог предполагать, что лицензия на новый срок не будет им получена.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать:

остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию. При этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя. Как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

5. Постановлением от 13 апреля 2016 года N 11-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается вопрос об освобождении от обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной законом для ветеранов боевых действий.

Оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в силу своей неопределенности в системе действующего правового регулирования они допускают обложение налогом на доходы физических лиц указанной выплаты.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений оспоренные положения не могут служить основанием такого налогообложения.

6. Постановлением от 19 апреля 2016 года N 12-П Конституционный Суд разрешил вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Рос-

сийской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России».

Предметом рассмотрения являлся вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьей 32 (часть 3), постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», вынесенного на основании статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

Конституционный Суд признал невозможным исполнение указанного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики), которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, поскольку предписание статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, обладающей верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе, со всей определенностью означает императивный запрет, согласно которому не имеют избирательных прав без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, определенные уголовным законом.

Конституционный Суд признал возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике исполнение данного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, поскольку в соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу, исключается наказание в виде лишения свободы и тем самым лишение избирательных прав осужденных, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести и тяжкие преступления лишение свободы, как более строгий вид наказания из числа предусмотренных Особенной частью данного Кодекса за совершение соответствующего преступления, назначается по приговору суда и, следовательно, влечет лишение избирательных прав только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания.

Исполнение названного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер индивидуального характера, которые предусмотрены действующим законодательством, в отношении граждан С.Б. Анчугова и В.М. Гладкова признано невозможным, поскольку указанные граждане были приговорены к лишению свободы на длительные сроки за совершение особо тяжких преступлений, а потому не могли рассчитывать - даже согласно критериям, выработанным Европейским Судом по правам человека, - на доступ к избирательным правам.

7. Постановлением от 26 апреля 2016 года N 13-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Оспоренные нормы являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на основании содержащихся в них положений об отнесении вопросов сбора и вывоза, а также утилизации и переработки отходов к вопросам местного значения, подлежащим решению органами местного самоуправления соответствующих муниципальных образований, в правоприменительной практике допускается возложение на муниципальные районы обязанности по ликвидации несанкционированного складирования отходов, размещенных неустановленными лицами на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих муниципальных районов.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагали и не предполагают возложения указанной обязанности на органы местного самоуправления муниципальных районов, если такие органы не были наделены соответствующими государственными полномочиями.

8. Постановлением от 31 мая 2016 года N 14-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн» и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Предметом рассмотрения являлись нормативные положения, устанавливающие в системе правового регулирования обязательных публичных платежей институт платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн (далее - большегрузные транспортные средства), в том числе определяющие в рамках данного института элементы указанной платы, полномочия Правительства Российской Федерации по регулированию ее размера и порядка взимания, функции оператора системы взимания платы и основания применения административной ответственности за неисполнение обязанности плательщика по ее внесению.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку:

предполагается обязанность Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации обеспечивать и поддерживать такое состояние правового регулирования обязательных платежей в дорожные

фонды, при котором не допускается избыточность совокупного экономического бремени, возлагаемого на собственников (владельцев) большегрузных транспортных средств системой обязательных платежей в дорожные фонды, на основе анализа целесообразности и экономической обоснованности как каждого конкретного платежа (его размера), так и системы в целом, а также с учетом сбалансированности интересов уровней бюджетной системы Российской Федерации;

размер платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения большегрузными транспортными средствами, не может превышать размер вреда (в денежном выражении), дополнительно причиняемого такими транспортными средствами (с учетом усредненных расчетов) по сравнению с транспортными средствами, имеющими меньшую разрешенную максимальную массу; поскольку данная плата относится к неналоговым платежам, федеральный законодатель был вправе наделить Правительство Российской Федерации правомочием определять конкретный размер данного обязательного публичного платежа;

не допускается повышение установленной в настоящее время Правительством Российской Федерации платы - помимо индексации ее размера в нормативно закреплённых пределах - без указания на такую возможность в федеральном законе и без предоставления плательщикам гарантий адаптации к ее повышению; при этом с соблюдением требования о гарантиях адаптации плательщиков к повышению платы должны осуществляться отмена или увеличение понижающего коэффициента к размеру платы в случае, если пределы его действия во времени не определены;

возложение на собственников (владельцев) большегрузных транспортных средств обязанности по внесению данной платы наряду с предусмотренными Налоговым кодексом Российской Федерации транспортным налогом и акцизом на бензин и дизельное топливо - учитывая, что объекты обложения названными публичными платежами не совпадают, - не ведет к двойному обложению указанных лиц;

оператор не вправе ограничивать доступ плательщика (потенциального плательщика) к использованию системы взимания платы, в том числе отказывать ему в совершении действий, необходимых для доступа к этой системе, если такая возможность и ее основания не предусмотрены нормативно. Совершение же непосредственно оператором действий, сопоставимых по форме и последствиям с применяемыми исключительно органами публичной власти мерами административного принуждения, в любом случае недопустимо;

исключается распоряжение оператором денежными средствами, внесенными в счет платы, кроме как их перечисление в федеральный бюджет, а также - в установленных нормативными правовыми актами случаях - возврат плательщику, и, соответственно, не допускается использование оператором этих денежных средств для иных целей;

не допускается наложение административного наказания в виде административного штрафа за несоблюдение требований, предусмотренных данными

нормативными положениями, при отсутствии вины лица, привлекаемого к административной ответственности; при производстве по делу об административном правонарушении такое лицо во всяком случае не лишено возможности приводить доказательства в обоснование того, что наличие в его действиях (бездействии) формальных признаков объективной стороны состава данного административного правонарушения было вызвано зависящими от него обстоятельствами, обусловленными сложившейся дорожной обстановкой, состоянием транспортной инфраструктуры или иными подобными причинами.

Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации положения пункта 4 Правил взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 года N 504, в той мере, в какой ими не исключается возможность принятия оператором системы взимания платы - индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом как участниками гражданского оборота нормативных правовых актов (актов нормотворческого (властно-распорядительного) характера), в том числе касающихся установления порядка внесения платы и перечисления ее в доход федерального бюджета, а также возврата плательщику излишне уплаченных сумм.

Конституционный Суд, установив срок (до 15 ноября 2016 года) для внесения надлежащих изменений в действующее нормативное регулирование, указал, что этим не отменяется обязанность внесения платы на основе действующего регулирования, в том числе применения до указанной даты принятых оператором актов.

9. Постановлением от 5 июля 2016 года N 15-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о праве органов местного самоуправления оспаривать результаты определения кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости, не находящихся в собственности муниципального образования, но расположенных на его территории.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, как устанавливающее в целях обеспечения прав и законных интересов собственников объектов недвижимости, расположенных на территории муниципального образования, общий порядок оспаривания органами местного самоуправления результатов определения кадастровой стоимости, который предусматривает возможность такого оспаривания в отношении объектов недвижимости, находящихся в муниципальной собственности.

Оспоренное положение было при этом признано не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Федерации в той мере, в какой оно препятствует органам местного самоуправления оспаривать в судебном порядке результаты определения кадастровой стоимости земельного участка, не находящегося в собственности муниципального образования, но расположенного на его территории, в случаях, когда по заявлению собственника этого земельного участка его кадастровая стоимость была существенно снижена на основании установления рыночной стоимости, чем могут быть затронуты права и законные интересы данного муниципального образования, в том числе связанные с поступлениями налоговых доходов в местный бюджет.

10. Постановлением от 4 октября 2016 года № 18-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие нормативным основанием для решения вопроса о признании гражданина Украины, не имеющего на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов (т.е. по состоянию на 18 марта 2014 года) регистрации по месту жительства на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, гражданином Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации, указав, что в целях решения вопроса о признании названной категории граждан Украины гражданами Российской Федерации:

под постоянным проживанием гражданина Украины на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 18 марта 2014 года понимается его фактическое постоянное проживание на данной территории на указанную дату;

установление данного факта постоянного проживания осуществляется на основе совокупности доказательств, лежащих в области жилищных, трудовых, межличностных и иных отношений и свидетельствующих о том, что на указанную дату лицо выбрало территорию, на которой фактически постоянно проживает, как место своих приоритетных каждодневных жизненных интересов и своими действиями установило или выразило явное стремление к установлению с ней реальной связи;

вступившее в законную силу решение суда об установлении указанного факта постоянного проживания является достаточным и безусловным основанием для признания его уполномоченным органом в установленном порядке гражданином Российской Федерации.

11. Постановлением от 20 октября 2016 года № 20-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той части, в какой на их основании принимается решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Конституционный Суд признал спорное регулирование соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно направлено на защиту здоровья как конституционно значимой ценности и в этих целях предусматривает возможность принятия в отношении указанного лица решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации в случае отказа либо уклонения от лечения, а также нарушения им установленного порядка лечения, влекущих возникновение реальной угрозы для здоровья населения.

Вместе с тем оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они создают непреодолимые препятствия для въезда указанного лица в Российскую Федерацию - вне зависимости от факта его последующего документально подтвержденного излечения от данного инфекционного заболевания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суд вправе отменить решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, принятое в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, в случае документального подтверждения факта его излечения от данного заболевания и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, для прохождения которого такому лицу должна быть предоставлена возможность въехать на территорию Российской Федерации.

12. Постановлением от 25 октября 2016 года № 21-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются - в рамках реализации Алтайским краем полномочий по установлению порядка и нормативов заготовки гражданами древесины для собственных нужд на территории Алтайского края - основания для постановки граждан на учет как испытывающих потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства.

Оспоренные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исходят из приоритетности удовлетворения потребности в древесине граждан, проживающих на территории Алтайского края, для целей осуществления ими права на жилище.

Вместе с тем Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют признать испытывающими потребность в древесине для индивидуального жилищного стро-

ительства проживающих на территории Алтайского края граждан, которые не относятся к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с жилищным законодательством или к снятым с такого учета ввиду использования указанных в оспоренной норме форм удовлетворения потребности в жилье, не связанных с предоставлением жилого помещения, и тем самым лишают таких граждан права на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края.

13. Постановлением от 17 ноября 2016 года N 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренная норма являлась предметом рассмотрения постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о сроке административного задержания лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, в случае если это лицо в момент административного задержания находится в состоянии опьянения.

Оспоренное положение, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

14. Постановлением от 29 ноября 2016 года N 26-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос об обращении в доход Российской Федерации принадлежащих лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они:

предполагают необходимость учета при определении оснований применения данной меры государственного принуждения всего объема законных доходов, которые были получены указанными лицами и могли быть использованы для приобретения соответствующего имущества, в том числе законных доходов, не отраженных в представленных государственным (муниципальным) служащим сведениях о

доходах, и позволяют указанным лицам представлять доказательства законности происхождения своих доходов;

не препятствуют суду принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и - с особенностями, установленными данным Кодексом, - несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, которые подлежат оценке судом по его внутреннему убеждению с учетом правовых позиций, выраженных в данном Постановлении;

не препятствуют суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества.

15. Постановлением от 30 ноября 2016 года N 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что для указанной цели доход такого индивидуального предпринимателя подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

16. Определением от 31 марта 2016 года N 449-О-Р Конституционный Суд дал официальное разъяснение Постановления от 16 декабря 2014 года N 33-П по делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах

депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Конституционный Суд разъяснил, что для обеспечения исполнения вынесенного по конкретному делу судебного решения, содержащего вывод о незаконности передачи депутатского мандата лицу, ранее уже получавшему его, а затем добровольно прекратившему исполнение депутатских полномочий досрочно, и независимо от наличия для этого специальных оснований, установленных действующим законодательством, Государственная Дума обязана оформить прекращение депутатских полномочий этого лица путем незамедлительного принятия соответствующего правового акта с момента вступления судебного решения в законную силу.

При проведении процедуры замещения вакантного депутатского мандата зарегистрированному кандидату, входящему в состав федерального списка кандидатов и не получавшему мандат депутата Государственной Думы, должна обеспечиваться возможность претендовать на замещение депутатского мандата в порядке очередности. При этом соответствующая политическая партия вправе отступить от очередности расположения зарегистрированных кандидатов в федеральном списке кандидатов.

17. Определением от 9 февраля 2016 года N 213-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными положениями регулируются вопросы исполнения постановления о наложении административного штрафа.

Конституционный Суд указал, что отсутствие в оспоренных положениях, равно как и в иных статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях специальных положений о компенсации убытков, причиненных незаконным применением административного штрафа, не препятствует возмещению в полном объеме вреда, причиненного физическому или юридическому лицу исполнением постановления о наложении административного штрафа, признанного после его уплаты незаконным, в порядке гражданского судопроизводства.

18. Определением от 9 февраля 2016 года N 214-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 4 статьи 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно оспоренным положениям дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, - не позднее 48 часов с момента его задержания.

Конституционный Суд отметил, что соблюдение установленных оспоренными положениями сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено применение административного ареста или административного выдворения, не должно приводить к ограничению права лица, в отношении которого

ведется производство по делу об административном правонарушении, пользоваться помощью защитника (адвоката), а потому судья (орган, должностное лицо), рассматривающие дело об административном правонарушении, не вправе ссылаться на них как на безусловное обстоятельство, препятствующее реализации этого права.

19. Определением от 10 февраля 2016 года N 216-О Конституционный Суд выявил смысл положений подпункта «в» пункта 6.4 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям недействительными признаются подписи избирателей, участников референдума, указавших в подписном листе сведения, не соответствующие действительности. В этом случае подпись признается недействительной только при наличии официальной справки органа, осуществляющего регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, либо на основании заключения эксперта, привлеченного к проверке в соответствии с пунктом 3 данной статьи.

Конституционный Суд указал, что суд, осуществляющий повторную проверку сведений, содержащихся в подписных листах, в целях проверки законности и обоснованности решения избирательной комиссии, не может быть связан исключительно данными официальной справки уполномоченного государственного органа, использованной избирательной комиссией. Он вправе запросить у уполномоченного органа информацию, необходимую для проверки достоверности сведений, содержащихся в подписных листах, при наличии достаточных сомнений в обоснованности выводов избирательной комиссии об их несоответствии действительности и должен выносить свое решение на основе оценки всей совокупности доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности.

20. Определениями от 6 июня 2016 года N 1169-О и N 1170-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

На основании оспоренных положений решается вопрос об отнесении к объекту обложения страховыми взносами вознаграждений, выплачиваемых членам совета директоров и ревизионной комиссии акционерного общества в связи с выполнением возложенных на них обязанностей по управлению и контролю деятельности общества.

Конституционный Суд указал, что действующее регулирование предполагает отнесение указанного вознаграждения к объекту обложения страховыми взносами независимо от того, содержится ли условие о его выплате в договоре, заключаемом между членом соответствующего органа и обществом, и позволяет считать такие выплаты осуществляемыми в рамках гражданско-правовых договоров, поскольку в противном случае право-

вой режим обложения страховыми взносами для одной и той же выплаты будет ставиться в зависимость от формального критерия (наличие или отсутствие условия о ней в договоре), что приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства.

21. Определением от 7 июля 2016 года N 1358-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статей 32 и 35 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Оспоренными положениями определяются некоторые особенности порядка освещения выборов и референдумов в средствах массовой информации, а также условия допуска представителей средств массовой информации к освещению работы избирательных комиссий при подсчете голосов избирателей и подведении итогов голосования.

Конституционный Суд отметил, что оспоренные законоположения об аккредитации представителей средств массовой информации носят уведомительный характер, предполагающий, что все представители средств массовой информации, которые отвечают законным требованиям, подлежат аккредитации.

Кроме того, положения о двухмесячном стаже аккредитуемых работников не могут рассматриваться как предполагающие обязательное наличие трудового или возмездного гражданско-правового договора, заключенного не менее чем за два месяца до дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов (референдума), о работе именно в конкретном средстве массовой информации. Соответственно, его применение в качестве основания для отказа в аккредитации журналистов, которые на день официального опубликования решения о назначении выборов имеют достаточный профессиональный стаж работы в средствах массовой информации на основании трудового или возмездного гражданско-правового договора, но вступили в соответствующие правоотношения с редакцией того средства массовой информации, которое подает заявку на их аккредитацию, позже, чем за два месяца до назначения выборов, не исключало бы вывод об умалении конституционных прав и свобод, в частности свободы массовой информации.

22. Определением от 7 июля 2016 года N 1422-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Оспоренными положениями, по мнению заявителей, не гарантируется присутствие избирателей, представителей от общественных объединений при подсчете голосов, установлении итогов голосования в помещении избирательной комиссии, а также незамедлительное получение ими заверенной копии протокола об итогах голосования, что препятствует осуществлению эффективной судебной защиты нарушенных избирательных прав граждан.

Конституционный Суд указал, что действующее избирательное законодательство предусматривает различные способы как непосредственного выявления и фиксации гражданами обстоятельств, указывающих на наличие признаков нарушений избирательного законодательства при подведении итогов выборов, так и на основе гарантирования представителям средств массовой информации возможности присутствовать в помещении для голосования в день голосования, в дни досрочного голосования, осуществлять наблюдение за голосованием и подсчетом голосов избирателей, производить фото- и видеосъемку, получать копии протокола участковой комиссии об итогах голосования.

Кроме того, действующее регулирование не препятствует гражданам на основе ставших им известными, в том числе из неформализованных источников, фактов о допущенных нарушениях при подсчете голосов и определении результатов голосования обжаловать соответствующие решения и действия (бездействие) избирательных комиссий на том избирательном участке, где такие граждане приняли участие в голосовании.

23. Определением от 7 июля 2016 года N 1428-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7 и части 1.1 статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также части 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными нормами закрепляются отдельные условия проведения публичных мероприятий (в том числе требования к их участникам, включая запрет на сокрытие своего лица, а также предельная численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется). Оспоренными положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливаются меры административной ответственности за нарушение порядка проведения публичного мероприятия.

Конституционный Суд указал, что оспоренные законоположения не препятствуют проведению в специально отведенных местах без предварительного уведомления публичных мероприятий любой формы (вида), если количество их участников не превышает предельной численности лиц, установленной законом субъекта Российской Федерации, которая не может быть менее ста человек, что, в свою очередь, исключает наступление административной ответственности за проведение соответствующих публичных мероприятий без подачи уведомления в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления.

При квалификации тех или иных действий участников публичного мероприятия в качестве подпадающих под запрет на сокрытие своего лица необходимо обращать внимание на мотивы и цели таких действий, используемые способы и средства, наступившие последствия, их влияние на безопасность и общественный порядок, включая реагирование на замечания организатора публичного ме-

роприятия и представителей правоохранительных органов.

24. В Определении от 7 июля 2016 года N 1435-О-Р Конституционный Суд указал, что определение Конституционного Суда, подлежащее применению в нормативном единстве с постановлением, в котором подтверждается конституционность правовой нормы лишь в данном им истолковании, и содержащее - в связи с тем что заявитель обратился в Конституционный Суд до вынесения такого постановления - указание на пересмотр его дела, наравне с постановлением, в котором норма признается неконституционной, обладает обратной силой в отношении обратившихся в Конституционный Суд граждан, объединений граждан (организаций). Дела, послужившие для заявителей, по чьим жалобам были приняты такие определения, поводом для обращения в Конституционный Суд, во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами. Такой пересмотр также должен осуществляться независимо от того, имеются или отсутствуют основания для пересмотра, предусмотренные другими, помимо Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», нормативными правовыми актами.

При этом то обстоятельство, что положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации связывают необходимость пересмотра дела заявителя только с установленной Конституционным Судом неконституционностью нормы, не может служить препятствием для использования этой процедуры и применительно к случаям принятия постановления Конституционного Суда, в котором выявляется ее конституционно-правовой смысл.

25. Определением от 15 сентября 2016 года N 1742-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Оспариваемые положения устанавливают, что при представлении федеральных списков кандидатов, списков кандидатов по одномандатным избирательным округам на выборах депутатов Государственной Думы, выдвинутых политической партией, ее уполномоченный представитель представляет, в частности, сведения о принадлежащем каждому кандидату, его супругу и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, а также сведения о расходах по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной в течение последних трех лет, если сумма сделки превышает общий доход такого кандидата и его супруга за три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка.

Конституционный Суд отметил, что оспариваемые законоположения недвусмысленно определяют обязательные для выполнения требования о представлении сведений финансово-имущественного характера в отношении кандидата, его супруга и несовершеннолетних детей в качестве единых и равных условий выдвижения кандидатов в соответствующем списке. При этом соответствующие сведения должны быть представлены в отношении детей кандидата, не достигших совершеннолетия на отчетную дату, каковой является первое число месяца, в котором осуществлено официальное опубликование (публикация) решения о назначении соответствующих выборов.

Соблюдение прав и законных интересов отдельных кандидатов, исключенных из соответствующего списка, обеспечивается возможностью обжаловать такое решение в вышестоящую избирательную комиссию или в суд, который при рассмотрении дела обязан исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы.

26. Определением от 27 сентября 2016 года N 1782-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 1 статьи 55 и части 9 статьи 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование (часть 1 статьи 55); при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным статьей 55 данного Кодекса (часть 9 статьи 208).

Конституционный Суд отметил, что введение федеральным законодателем требования к гражданам, участвующим в делах об оспаривании нормативных правовых актов в указанных судах, в случае отсутствия у них высшего юридического образования вести дело через представителя, имеющего высшее юридическое образование, - учитывая гарантированное им право на доступ к суду при рассмотрении конкретных дел без соблюдения этого условия - не выходит за пределы дискреции федерального законодателя.

27. Определением от 27 сентября 2016 года N 2017-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно оспоренным положениям закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до

вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Конституционный Суд указал, что оспоренные положения не препятствуют признанию обратной силы правил (норм), установленных международным договором Российской Федерации, устраняющих противоправность деяний (действий, бездействия), подпадающих под признаки административного правонарушения.

28. Определением от 11 октября 2016 года N 2152-О Конституционный Суд выявил смысл положений Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе».

Оспоренными нормами в действующее регулирование включаются положения о торговом сборе как местном налоге.

Конституционный Суд отметил, что установленный правовой механизм позволяет плательщикам торгового сбора вычесть суммы уплаченного торгового сбора из суммы иных подлежащих уплате с дохода (прибыли) налогов и, соответственно, в случае, если сбор превысит или будет равен размеру подлежащих уплате налогов, у них не возникнет обязанности по уплате таких налогов. Кроме того, они могут на законных основаниях избежать необходимости уплаты торгового сбора, перейдя на патентную систему налогообложения.

Следовательно, оспоренное правовое регулирование не позволяет прийти к выводу о том, что введение законодателем торгового сбора влечет за собой несоразмерность обременения в сфере налогообложения либо иным образом препятствует реализации гражданами их конституционных прав по осуществлению предпринимательской деятельности.

29. Определением от 10 ноября 2016 года N 2363-О-Р Конституционный Суд подтвердил порядок исполнения Постановления от 25 июня 2015 года N 17-П до внесения в законодательство об охоте и сохранении охотничьих ресурсов соответствующих изменений.

Конституционный Суд указал, что право на занятие охотхозяйственной деятельностью, возникшее у российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в силу долгосрочных лицензий на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов, подлежит прекращению после истечения сроков охотхозяйственных соглашений, заключенных на основании таких лицензий, за исключением случаев, когда до вступления в силу указанного Постановления ими в соответствии с частью 3 статьи 71 Федерального закона от 24 июля 2009 года N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были заключены новые охотхозяйственные соглашения или в установленном порядке инициировано заключение таких соглашений без проведения аукциона.

30. Определением от 10 ноября 2016 года N 2561-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 4.1 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям (в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 года N 245-ФЗ) при реализации на территории Российской Федерации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротами, налоговая база определяется как сумма дохода от реализации этого имущества с учетом налога. При этом налоговая база определяется налоговым агентом отдельно по каждой операции по реализации указанного имущества. В этом случае налоговыми агентами признаются покупатели указанного имущества и (или) имущественных прав, за исключением физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Указанные лица обязаны исчислить расчетным методом, удерживать из выплачиваемых доходов и уплатить в бюджет соответствующую сумму налога.

Конституционный Суд отметил, что оставление залогодержателем за собой не реализованного путем продажи с публичных торгов предмета залога в погашение требований по обеспеченному залогом обязательству применительно к рассматриваемому периоду относилось к операциям реализации для целей исчисления налога на добавленную стоимость, в которых передающая сторона должна была исчислить этот налог, а получающая - имела право заявить исчисленную сумму налога к вычету. Допустимость такого истолкования спорного регулирования Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации подтверждается и принятием впоследствии Федерального закона от 24 ноября 2014 года N 366-ФЗ, которое повлекло отмену оспоренной нормы и исключение из перечня операций, признаваемых объектом обложения налогом на добавленную стоимость, операций по реализации имущества должников, признанных банкротами.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

31. Постановлением от 14 января 2016 года N 1-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы (выслуги лет) данно-

го лица будет установлено, что его продолжительность не достигает необходимой для возникновения указанного права.

Оспоренная норма была признана соответствующей Конституции Российской Федерации, как закрепляющая условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющаяся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности.

Вместе с тем оспоренное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, как предполагающее безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом необходимого для возникновения права на данную пенсию стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений суды общей юрисдикции при оценке правомерности прекращения соответствующих выплат должны учитывать продолжительность периода, прошедшего с момента назначения пенсии, продолжительность периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимость для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

32. Постановлением от 29 марта 2016 года N 8-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «а» части первой статьи 16.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Оспариваемое положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно служит основанием для решения вопроса о зачислении в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудника данного учреждения или органа в связи с его выведением за штат при сокращении численности или штата и о последующем увольнении этого лица по сокращению штатов, притом что замещаемая им должность в рамках данных организационно-штатных мероприятий не подлежит сокращению.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможность произвольного зачисления в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудников, должности которых не подлежат сокращению в рамках проводимых организационно-штатных мероприятий, а также их последующего увольнения.

33. Постановлением от 19 июля 2016 года N 16-П Конституционный Суд дал оценку конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств

и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей».

Оспариваемые нормативные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку они служат основанием для определения объема пенсионного обеспечения родителей двух и более детей, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они являются элементом правового механизма пенсионного обеспечения членов семей военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, и устанавливают для родителей таких лиц льготные условия пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

Одновременно Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения при назначении пенсии по случаю потери кормильца родителям двух (или более) военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, не позволяют учитывать для определения размера их пенсионного обеспечения факт гибели двух (или более) детей.

34. Постановлением от 11 октября 2016 года N 19-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие основанием для решения вопроса о размере пособия по безработице гражданам, трудовой договор с которыми был расторгнут в связи с призывом на военную службу, обратившимся в органы государственной службы занятости населения после увольнения с военной службы по призыву в связи с истечением ее срока (т.е. более чем через 12 месяцев с момента увольнения с работы), притом что до призыва на военную службу такие граждане имели оплачиваемую работу не менее 26 недель на условиях полного рабочего дня (полной рабочей недели) или на условиях неполного рабочего дня (неполной рабочей недели) с пересчетом на 26 недель с полным рабочим днем (полной рабочей неделей).

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой позволяют засчитывать срок военной службы по призыву в период перерыва в трудовой деятельности в целях определения размера пособия по безработице указанной категории граждан.

35. Определением от 10 февраля 2016 года N 218-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей 4 и 4.1 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Оспоренными положениями (в редакции, действовавшей до 1 января 2013 года) определяется для индивидуальных предпринимателей период уплаты страховых взносов в фиксированных размерах с начала деятельности - календарного месяца, в котором произведена его государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, и до ее прекращения - по дате государственной регистрации прекращения физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Оспариваемые заявителем законоположения в системе действовавшего до 1 января 2013 года правового регулирования не предполагали возложения на индивидуального предпринимателя обязанности по уплате страховых взносов за период, в течение которого предпринимательская деятельность не осуществлялась в связи с уходом за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а также исключения данного периода из страхового стажа индивидуального предпринимателя, необходимого для назначения трудовой (с 1 января 2015 года - страховой) пенсии.

36. Определением от 7 июля 2016 года N 1416-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 10 статьи 64 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям назначения государственного гражданского служащего (гражданина), состоящего в кадровом резерве, на вакантную должность государственной гражданской службы осуществляется с его согласия по решению представителя нанимателя.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оспоренное правовое регулирование, предусматривающее в исключение из общего правила о замещении должности государственной гражданской службы по результатам конкурса особый внеконкурсный порядок назначения на должность государственной гражданской службы лиц, состоящих в кадровом резерве, не означает возникновение права на замещение конкретной вакантной должности у лица, включенного в кадровый резерв федерального государственного органа, поскольку такие правовые последствия включения в кадровый резерв Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не предусмотрены, что не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя.

III

Конституционные основы частного права

37. Постановлением от 15 февраля 2016 года N 3-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Оспариваемая норма являлась предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается

вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, согласно которому срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

Конституционный Суд признал оспоренные в данном аспекте положения не соответствующими Конституции Российской Федерации. Названные законоположения не могут рассматриваться в качестве основания для применения данной нормы абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации к указанным требованиям.

38. Постановлением от 10 марта 2016 года N 7-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служили основанием для исчисления срока предъявления исполнительного документа к исполнению, прерванного таким предъявлением, после возвращения исполнительного документа взыскателю на основании его заявления.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют - при неоднократном прерывании указанного срока - всякий раз исчислять его течение заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

39. Постановлением от 12 апреля 2016 года N 10-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлись следующие взаимосвязанные положения Жилищного кодекса Российской Федерации:

часть 1 статьи 169 - постольку, поскольку ею устанавливается в качестве общего правила обязанность

собственников помещений в многоквартирном доме уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;

часть 4 статьи 170, определяющая перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников в связи с избранием ими в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумулирования соответствующих денежных средств на специальном счете;

часть 7 статьи 170 - постольку, поскольку ею предусматривается принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в случае, если собственники помещений в установленный законом срок не выбрали способ формирования фонда капитального ремонта или если выбранный ими способ не был реализован;

часть 4 статьи 179, допускающая возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, для финансирования капитального ремонта в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, и предоставляющая субъекту Российской Федерации право ограничить такую возможность условием расположения указанных многоквартирных домов на территории определенного муниципального образования или нескольких муниципальных образований.

Конституционный Суд признал оспоренное положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений - независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности - в формировании фондов капитального ремонта. Это не исключает необходимость оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т.е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки проведения капитального ремонта, причем независимо от избранного собственниками помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае - при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции Российской Федерации оспоренное положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, поскольку оно является элементом единого правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного собственниками помещений способа участия в финансировании

расходов на капитальный ремонт, и одновременно направлено на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда.

Не противоречащим Конституции Российской Федерации было признано также положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, поскольку оно предполагает принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

В случае принятия собственниками помещений на основании части 1 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете предписание части 5 той же статьи относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления такого решения в силу не должно применяться, если изначально решение было принято не собственниками помещений, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета выявленного настоящим Постановлением конституционно-правового смысла этого положения, притом что соответствующий факт установлен решением суда и капитальный ремонт в этом доме проведен не был.

Конституционный Суд признал не противоречащей Конституции Российской Федерации часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, как предполагающую, что очередность капитального ремонта определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение соответствующих работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникновения неотложной потребности в капитальном ремонте. При этом очередность капитального ремонта может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжаловано и неисполнение региональной программы капитального ремонта, ее установившей.

40. Постановлением от 10 ноября 2016 года N 23-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании судом разрешается вопрос о защите прав собственников индивидуальных жилых домов на относящиеся к не-

движимому имуществу объекты инфраструктуры, обслуживающей эти домовладения.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают, что регистрация права собственности товарищества собственников жилья на объекты обслуживающей индивидуальные жилые дома инфраструктуры препятствует использованию собственниками таких домов, расположенных в границах управляемой товариществом территории, судебной защиты своих гражданских прав.

41. Постановлением от 13 декабря 2016 года N 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются полномочия суда при применении мер ответственности за нарушение индивидуальным предпринимателем исключительных прав на произведение или на объект смежных прав, а также на товарный знак в случае, если обладатель нарушенных интеллектуальных прав в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса использует в качестве способа защиты право требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или приравненное к нему средство индивидуализации.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько принадлежащих ему результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем одного противоправного действия.

Конституционный Суд при этом признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют суду в случае такого нарушения прав правообладателя определить общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование

объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубого характера.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке оспоренных нормативных положений, применяют их, руководствуясь настоящим Постановлением.

42. Определением от 9 февраля 2016 года N 220-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 6 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу. Участники соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к такому иску, в том числе имеющие иные основания для оспаривания данного решения, в последующем не вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Конституционный Суд отметил, что само по себе непредоставление требуемой информации - в случае, когда лицо, оспаривающее решение собрания, заблаговременно использовало все доступные ему формы уведомления других участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с таким иском, но по не зависящим от него причинам не предоставило соответствующую информацию каждому участнику гражданско-правового сообщества персонально, - не может служить препятствием для принятия судом искового заявления к своему производству.

43. Определением от 10 ноября 2016 года N 2371-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение, согласно которому решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица, заявители оспаривали в той мере, в какой оно допускает возможность возложить обязанности по осуществлению ликвидации кредитного потребительского кооператива на его учредителей, которые вышли из кооператива.

Конституционный Суд указал, что суд, рассматривающий дело о ликвидации кредитного кооператива, вправе, не ограничиваясь содержащимися в Едином государственном реестре юридических лиц сведениями, всесторонне и наиболее полным образом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исследовать все доказательства, могущие служить подтверждением совершенного в предусмотренном законом

порядке выхода члена кредитного кооператива из объединения, в результате которого вышедший участник, в том числе выступавший его учредителем, разрывает корпоративную связь с юридическим лицом и не может обременяться несением дополнительных обязанностей, связанных с его дальнейшей деятельностью, в частности обязанностей по осуществлению ликвидации организации и возмещению соответствующих расходов.

Конституционный Суд сделал вывод о том, что оспариваемое положение, будучи общей нормой, применимой как к унитарным, так и к корпоративным юридическим лицам и, соответственно, - к учредителям унитарных и участникам (членам) корпоративных организаций, не предполагает возложения обязанности по осуществлению ликвидации корпоративного юридического лица на его учредителей, которые не являются его членами, и не препятствует осуществлению права на выход из кооператива.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

44. Постановлением от 25 февраля 2016 года N 6-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку - с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, - ими исключается предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Оспоренные положения, притом что на их основании уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Уголовные дела по обвинению женщин в совершении указанных преступлений, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления данного решения в силу, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых - судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей.

Если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела заявителя) не подлежат, в том числе

в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

45. Постановлением от 20 июля 2016 года N 17-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспариваемые нормативные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании определяется процессуальный статус лица, уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, применительно к решению вопроса о необходимости предупреждения такого лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний при допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении других соучастников преступления.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что:

обвиняемый по выделенному уголовному делу может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении; такое лицо не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, не является свидетелем по основному уголовному делу;

на обвиняемого по выделенному уголовному делу при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования статей 307 и 308 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации правила о предупреждении допрашиваемых лиц о такой ответственности;

обвиняемый по выделенному уголовному делу при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о предусмотренных главой 40.1 УПК Российской Федерации последствиях нарушения при даче показаний обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

46. Постановлением от 8 ноября 2016 года N 22-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служат основанием

для решения вопроса о привлечении к полной материальной ответственности военнослужащего в связи с наличием в инкриминируемом ему деянии признаков состава преступления, если уголовное дело в отношении него было прекращено органом предварительного расследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо - при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований - в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

В то же время оспоренные нормативные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как допускающие возможность привлечения такого военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный указанному имуществу, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым - фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением. Это касается и постановления суда, принятого в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

47. Постановлением от 15 ноября 2016 года N 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о регламентации (ограничении) права на длительные свидания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным

к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации.

48. Определением от 15 января 2016 года N 4-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии».

Оспоренной нормой названного постановления предписывается прекратить находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда уголовные дела о совершенных до дня вступления его в силу преступлений, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в их совершении, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Конституционный Суд отметил, что, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного деяния, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной. Стороны же, не согласные с оценкой указанным органом степени возмещения ущерба, вправе оспорить принятое им решение в судебном порядке, предусмотренном для обжалования решений таких органов, правомочных применять акт об амнистии, как органы предварительного расследования.

49. Определением от 14 января 2016 года N 15-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения определяют пределы судебного разбирательства, порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции и принимаемые им решения, а также порядок отмены приговора или изменения иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Конституционный Суд отметил, что при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации

действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

50. Определением от 10 февраля 2016 года N 226-О Конституционный Суд выявил смысл положений части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регламентировано участие обвинителя в судебном разбирательстве и установлено, что государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой этого Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте, либо путем переквалификации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

Конституционный Суд отметил, что решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания.

51. Определением от 6 июня 2016 года N 1232-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями устанавливается в том числе перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей по уголовным делам.

Конституционный Суд отметил, что режим адвокатской тайны неприменим к материалам, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) признаков преступления, в том числе преступления против правосудия, к орудиям и предметам преступления, - иначе ставился бы под сомнение правомерный характер действий адвоката и его доверителя. Следовательно, и на сведения, свидетельствующие о совершении уголовно-противоправных деяний и ставшие известными от доверителя не являющемуся адвокатом представителю по гражданскому делу при исполнении им обязанностей представителя, также не распространяются конституционные гарантии конфиденциальности и такие сведения не охватываются свидетельским иммунитетом указанного лица в уголовном судопроизводстве.

52. Определением от 6 июня 2016 года N 1436-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей пятой, шестой и седьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регулируются сроки содержания под стражей, а также порядок продления предельного срока содержания под стражей при

ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченого расследованием уголовного дела.

Конституционный Суд отметил, что оспариваемые положения предполагают, что при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченого расследованием уголовного дела продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения и на устанавливаемый судом разумный срок. Такой срок определяется с учетом необходимости обеспечения права обвиняемого на ознакомление по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника и права иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, существа заявленных участниками производства по уголовному делу ходатайств о дополнении материалов уголовного дела, времени, необходимого для их рассмотрения, разрешения и ознакомления со вновь приобщенными к делу материалами. При этом не исключается возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоответственно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с осуществлением процедуры ознакомления с материалами оконченого расследованием уголовного дела.

53. Определением от 11 октября 2016 года N 2164-О Конституционный Суд выявил смысл положений части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Положениями части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации предусматривается ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. Статьей 42 УПК Российской Федерации закреплен процессуальный статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Конституционный Суд указал, что переквалификация уголовно-противоправного деяния с оконченого преступления на покушение сама по себе не предопределяет автоматическую утрату лицом, в отношении которого это деяние совершено, статуса потерпевшего.

Кроме того, Конституционный Суд отметил, что лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая привлекаемых с их согласия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, должна быть обеспечена защита имущественных прав и интересов, в том числе путем возврата законным владельцам использованного в ходе оперативно-розыскных мероприятий имущества, а в случае причинения имущественного ущерба - возмещения такового.

54. Определением от 13 декабря 2016 года N 2580-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 311 и части третьей статьи 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случаях вынесения оправдательного приговора, обвинительного приговора без назначения наказания, обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания, обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно. При этом определение или постановление суда о прекращении уголовного дела, принятое в ходе судебного производства по уголовному делу, подлежит немедленному исполнению в той его части, которая касается освобождения обвиняемого или подсудимого из-под стражи.

Конституционный Суд указал, что решение суда об освобождении от наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, принимается в отношении лица, осужденного за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда, и по сути является коррекцией уголовного наказания. Обращение к исполнению этого решения лишь после его вступления в законную силу, т.е. по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке либо в день вынесения судом апелляционной инстанции определения или постановления, не может расцениваться как несоразмерное ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность лица, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы на основании приговора суда.

Документ предоставлен КонсультантПлюс

СЕКРЕТАРИАТ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОБЗОР ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2016 ГОД

Настоящий обзор подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) и посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом в 2016 году (постановления, определения по жалобам и запросам), которые могут оказать воздействие на правоприменительную практику.

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 19 января 2016 года N 2-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года N 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения, как исключившие возможность установления в процессе правоприменения смягчающих ответственность обстоятельств и их учет при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее - Закон).

Конституционный Суд признал оспоренные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, как исключившие возможность индивидуализировать наказание за нарушение установленных Законом требований с учетом смягчающих ответственность обстоятельств.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений принятие решения об учете смягчающих ответственность обстоятельств при применении соответствующих санкций за нарушение положения законодательства о страховых взносах допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке. Если санкция была применена должностным лицом фонда, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер ответственности), рассмотрев соответствующее заявление привлекаемого к ответственности лица, не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему штрафа.

2. Постановлением от 16 февраля 2016 года N 4-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государ-

ственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о выезде из Российской Федерации иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по визе, срок действия которой на день выезда истек, получившего разрешение на временное проживание в Российской Федерации и при этом не оформившего новую визу, и о привлечении в этом случае такого иностранного гражданина к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, как устанавливающие в конституционно значимых целях режим пересечения Государственной границы Российской Федерации, в рамках которого при выезде иностранного гражданина из Российской Федерации осуществляется проверка наличия у него законных оснований въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, и предусматривающие административную ответственность за его нарушение.

В то же время указанные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как позволяющие привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина - в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, - на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

Данным Постановлением не затрагивается регулирование порядка последующего въезда лиц, имеющих разрешение на временное проживание в Российской Федерации, на ее территорию после их выезда за пределы Российской Федерации в период действия указанного разрешения и не ставится под сомнение законодательное требование о наличии действующей визы для их въезда на территорию Российской Федерации.

3. Постановлением от 17 февраля 2016 года № 5-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Предметом рассмотрения являлись положения пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О право-

вом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам, имеющим вид на жительство и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за однократное неисполнение ими требования о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Конституционный Суд признал положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее указанный вид административного наказания за неисполнение требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно не допускает возможность отказа от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд - учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства - придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений судам при применении части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в случае однократного неисполнения иностранным гражданином правил уведомления о подтверждении проживания в Российской Федерации следует руководствоваться выраженными в данном Постановлении правовыми позициями.

4. Постановлением от 30 марта 2016 года № 9-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку, ограничивая двумя месяцами срок, который с момента прекращения действия лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции дается юридическому лицу для реализации имеющихся у него остатков такой продукции, позволяли признавать их находящимися в незаконном обороте, а потому подлежащими изъятию и уничтожению - применительно к винодельческой продукции, выдержка

которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным положением, не достигает срока, необходимого для завершения ее производства согласно требованиям технологического процесса, притом что само производство было начато в период действия соответствующей лицензии.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают по истечении двух месяцев с момента прекращения действия данной лицензии принудительное безвозмездное изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков принадлежащей ему указанной винодельческой продукции, притом что само производство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований и что, начиная его, лицензиат не мог предполагать, что лицензия на новый срок не будет им получена.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать:

остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию. При этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя. Как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

5. Постановлением от 13 апреля 2016 года N 11-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается вопрос об освобождении от обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной законом для ветеранов боевых действий.

Оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в силу своей неопределенности в системе действующего правового регулирования они допускают обложение налогом на доходы физических лиц указанной выплаты.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений оспоренные положения не могут служить основанием такого налогообложения.

6. Постановлением от 19 апреля 2016 года N 12-П Конституционный Суд разрешил вопрос о возможно-

сти исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России».

Предметом рассмотрения являлся вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации, в том числе ее статьей 32 (часть 3), постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», вынесенного на основании статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

Конституционный Суд признал невозможным исполнение указанного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики), которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, поскольку предписание статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, обладающей верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе, со всей определенностью означает императивный запрет, согласно которому не имеют избирательных прав без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, определенных уголовным законом.

Конституционный Суд признал возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике исполнение данного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограниченный избирательных прав, поскольку в соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу, исключается наказание в виде лишения свободы и тем самым лишение избирательных прав осужденных, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести и тяжкие преступления лишение свободы, как более строгий вид наказания из числа предусмотренных Особенной частью данного Кодекса за совершение соответствующего преступления, назначается по приговору суда и, следовательно, влечет лишение избирательных прав только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей наказания.

Исполнение названного постановления Европейского Суда по правам человека в части мер индивидуального характера, которые предусмотрены действующим законодательством, в отношении граждан С.Б. Анчугова и В.М. Гладкова признано невозможным, поскольку указанные граждане были приговорены к лишению свободы на длительные сроки за совершение особо тяжких преступлений, а потому не могли рассчитывать - даже согласно критериям, выработанным Европейским Судом по правам человека, - на доступ к избирательным правам.

7. Постановлением от 26 апреля 2016 года N 13-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Оспоренные нормы являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на основании содержащихся в них положений об отнесении вопросов сбора и вывоза, а также утилизации и переработки отходов к вопросам местного значения, подлежащим решению органами местного самоуправления соответствующих муниципальных образований, в правоприменительной практике допускается возложение на муниципальные районы обязанности по ликвидации несанкционированного складирования отходов, размещенных неустановленными лицами на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих муниципальных районов.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагали и не предполагают возложения указанной обязанности на органы местного самоуправления муниципальных районов, если такие органы не были наделены соответствующими государственными полномочиями.

8. Постановлением от 31 мая 2016 года N 14-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн» и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Предметом рассмотрения являлись нормативные положения, устанавливающие в системе правового регулирования обязательных публичных платежей институт платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн (далее - большегрузные транспортные средства), в том числе определяющие в рамках данного института элементы указанной платы, полномочия Правительства Российской Федерации по регулированию ее размера и порядка взимания, функции оператора системы взимания платы и основания применения административной ответственности за неисполнение обязанности плательщика по ее внесению.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку:

предполагается обязанность Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации обеспечивать и поддерживать такое состояние правового регулирования обязательных платежей в дорожные

фонды, при котором не допускается избыточность совокупного экономического бремени, возлагаемого на собственников (владельцев) большегрузных транспортных средств системой обязательных платежей в дорожные фонды, на основе анализа целесообразности и экономической обоснованности как каждого конкретного платежа (его размера), так и системы в целом, а также с учетом сбалансированности интересов уровней бюджетной системы Российской Федерации;

размер платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения большегрузными транспортными средствами, не может превышать размер вреда (в денежном выражении), дополнительно причиняемого такими транспортными средствами (с учетом усредненных расчетов) по сравнению с транспортными средствами, имеющими меньшую разрешенную максимальную массу; поскольку данная плата относится к неналоговым платежам, федеральный законодатель был вправе наделить Правительство Российской Федерации правомочием определять конкретный размер данного обязательного публичного платежа;

не допускается повышение установленной в настоящее время Правительством Российской Федерации платы - помимо индексации ее размера в нормативно закрепленных пределах - без указания на такую возможность в федеральном законе и без предоставления плательщикам гарантий адаптации к ее повышению; при этом с соблюдением требования о гарантиях адаптации плательщиков к повышению платы должны осуществляться отмена или увеличение понижающего коэффициента к размеру платы в случае, если пределы его действия во времени не определены;

возложение на собственников (владельцев) большегрузных транспортных средств обязанности по внесению данной платы наряду с предусмотренными Налоговым кодексом Российской Федерации транспортным налогом и акцизом на бензин и дизельное топливо - учитывая, что объекты обложения названными публичными платежами не совпадают, - не ведет к двойному обложению указанных лиц;

оператор не вправе ограничивать доступ плательщика (потенциального плательщика) к использованию системы взимания платы, в том числе отказывать ему в совершении действий, необходимых для доступа к этой системе, если такая возможность и ее основания не предусмотрены нормативно. Совершение же непосредственно оператором действий, сопоставимых по форме и последствиям с применяемыми исключительно органами публичной власти мерами административного принуждения, в любом случае недопустимо;

исключается распоряжение оператором денежными средствами, внесенными в счет платы, кроме как их перечисление в федеральный бюджет, а также - в установленных нормативными правовыми актами случаях - возврат плательщику, и, соответственно, не допускается использование оператором этих денежных средств для иных целей;

не допускается наложение административного наказания в виде административного штрафа за не-

соблюдение требований, предусмотренных данными нормативными положениями, при отсутствии вины лица, привлекаемого к административной ответственности; при производстве по делу об административном правонарушении такое лицо во всяком случае не лишено возможности приводить доказательства в обоснование того, что наличие в его действиях (бездействии) формальных признаков объективной стороны состава данного административного правонарушения было вызвано не зависящими от него обстоятельствами, обусловленными сложившейся дорожной обстановкой, состоянием транспортной инфраструктуры или иными подобными причинами.

Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации положения пункта 4 Правил взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 года N 504, в той мере, в какой ими не исключается возможность принятия оператором системы взимания платы - индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом как участниками гражданского оборота нормативных правовых актов (актов нормотворческого (властно-распорядительного) характера), в том числе касающихся установления порядка внесения платы и перечисления ее в доход федерального бюджета, а также возврата плательщику излишне уплаченных сумм.

Конституционный Суд, установив срок (до 15 ноября 2016 года) для внесения надлежащих изменений в действующее нормативное регулирование, указал, что этим не отменяется обязанность внесения платы на основе действующего регулирования, в том числе применения до указанной даты принятых оператором актов.

9. Постановлением от 5 июля 2016 года N 15-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о праве органов местного самоуправления оспаривать результаты определения кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости, не находящихся в собственности муниципального образования, но расположенных на его территории.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, как устанавливающее в целях обеспечения прав и законных интересов собственников объектов недвижимости, расположенных на территории муниципального образования, общий порядок оспаривания органами местного самоуправления результатов определения кадастровой стоимости, который предусматривает возможность такого оспаривания в отношении объектов недвижимости, находящихся в муниципальной собственности.

Оспоренное положение было при этом признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно препятствует органам местного самоуправления оспаривать в судебном порядке результаты определения кадастровой стоимости земельного участка, не находящегося в собственности муниципального образования, но расположенного на его территории, в случаях, когда по заявлению собственника этого земельного участка его кадастровая стоимость была существенно снижена на основании установления рыночной стоимости, чем могут быть затронуты права и законные интересы данного муниципального образования, в том числе связанные с поступлениями налоговых доходов в местный бюджет.

10. Постановлением от 4 октября 2016 года N 18-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие нормативным основанием для решения вопроса о признании гражданина Украины, не имеющего на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов (т.е. по состоянию на 18 марта 2014 года) регистрации по месту жительства на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, гражданином Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации, указав, что в целях решения вопроса о признании названной категории граждан Украины гражданами Российской Федерации:

под постоянным проживанием гражданина Украины на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 18 марта 2014 года понимается его фактическое постоянное проживание на данной территории на указанную дату;

установление данного факта постоянного проживания осуществляется на основе совокупности доказательств, лежащих в области жилищных, трудовых, межличностных и иных отношений и свидетельствующих о том, что на указанную дату лицо выбрало территорию, на которой фактически постоянно проживает, как место своих приоритетных каждодневных жизненных интересов и своими действиями установило или выразило явное стремление к установлению с ней реальной связи;

вступившее в законную силу решение суда об установлении указанного факта постоянного проживания является достаточным и безусловным основанием для признания его уполномоченным органом в установленном порядке гражданином Российской Федерации.

11. Постановлением от 20 октября 2016 года N 20-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1

части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той части, в какой на их основании принимается решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Конституционный Суд признал спорное регулирование соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно направлено на защиту здоровья как конституционно значимой ценности и в этих целях предусматривает возможность принятия в отношении указанного лица решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации в случае отказа либо уклонения от лечения, а также нарушения им установленного порядка лечения, влекущих возникновение реальной угрозы для здоровья населения.

Вместе с тем оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они создают непреодолимые препятствия для въезда указанного лица в Российскую Федерацию - вне зависимости от факта его последующего документально подтвержденного излечения от данного инфекционного заболевания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суд вправе отменить решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, принятое в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, в случае документального подтверждения факта его излечения от данного заболевания и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, для прохождения которого такому лицу должна быть предоставлена возможность въехать на территорию Российской Федерации.

12. Постановлением от 25 октября 2016 года N 21-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются - в рамках реализации Алтайским краем полномочий по установлению порядка и нормативов заготовки гражданами древесины для собственных нужд на территории Алтайского края - основания для постановки граждан на учет как испытывающих потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства.

Оспоренные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исходят из приоритетности удовлетворения потребности в древесине граждан, проживающих на территории Алтайского края, для целей осуществления ими права на жилище.

Вместе с тем Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конститу-

ции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют признать испытывающими потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства проживающих на территории Алтайского края граждан, которые не относятся к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с жилищным законодательством или к снятым с такого учета ввиду использования указанных в оспоренной норме форм удовлетворения потребности в жилье, не связанных с предоставлением жилого помещения, и тем самым лишают таких граждан права на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края.

13. Постановлением от 17 ноября 2016 года N 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренная норма являлась предметом рассмотрения постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о сроке административного задержания лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, в случае если это лицо в момент административного задержания находится в состоянии опьянения.

Оспоренное положение, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

14. Постановлением от 29 ноября 2016 года N 26-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос об обращении в доход Российской Федерации принадлежащих лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они:

предполагают необходимость учета при определении оснований применения данной меры государственного принуждения всего объема законных доходов, которые были получены указанными лицами и могли быть использованы для приобретения соответствующего имущества, в том числе законных

доходов, не отраженных в представленных государственным (муниципальным) служащим сведениях о доходах, и позволяют указанным лицам представлять доказательства законности происхождения своих доходов;

не препятствуют суду принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и - с особенностями, установленными данным Кодексом, - несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, которые подлежат оценке судом по его внутреннему убеждению с учетом правовых позиций, выраженных в данном Постановлении;

не препятствуют суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества.

15. Постановлением от 30 ноября 2016 года N 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что для указанной цели доход такого индивидуального предпринимателя подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

16. Определением от 31 марта 2016 года N 449-О-Р Конституционный Суд дал официальное разъяснение Постановления от 16 декабря 2014 года N 33-П по делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об

основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Конституционный Суд разъяснил, что для обеспечения исполнения вынесенного по конкретному делу судебного решения, содержащего вывод о незаконности передачи депутатского мандата лицу, ранее уже получавшему его, а затем добровольно прекратившему исполнение депутатских полномочий досрочно, и независимо от наличия для этого специальных оснований, установленных действующим законодательством, Государственная Дума обязана оформить прекращение депутатских полномочий этого лица путем незамедлительного принятия соответствующего правового акта с момента вступления судебного решения в законную силу.

При проведении процедуры замещения вакантного депутатского мандата зарегистрированному кандидату, входящему в состав федерального списка кандидатов и не получавшему мандат депутата Государственной Думы, должна обеспечиваться возможность претендовать на замещение депутатского мандата в порядке очередности. При этом соответствующая политическая партия вправе отступить от очередности расположения зарегистрированных кандидатов в федеральном списке кандидатов.

17. Определением от 9 февраля 2016 года N 213-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными положениями регулируются вопросы исполнения постановления о наложении административного штрафа.

Конституционный Суд указал, что отсутствие в оспоренных положениях, равно как и в иных статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях специальных положений о компенсации убытков, причиненных незаконным применением административного штрафа, не препятствует возмещению в полном объеме вреда, причиненного физическому или юридическому лицу исполнением постановления о наложении административного штрафа, признанного после его уплаты незаконным, в порядке гражданского судопроизводства.

18. Определением от 9 февраля 2016 года N 214-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 4 статьи 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно оспоренным положениям дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, - не позднее 48 часов с момента его задержания.

Конституционный Суд отметил, что соблюдение установленных оспоренными положениями сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено примене-

ние административного ареста или административно-выдворения, не должно приводить к ограничению права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, пользоваться помощью защитника (адвоката), а потому судья (орган, должностное лицо), рассматривающее дело об административном правонарушении, не вправе ссылаться на них как на безусловное обстоятельство, препятствующее реализации этого права.

19. Определением от 10 февраля 2016 года N 216-О Конституционный Суд выявил смысл положений подпункта «в» пункта 6.4 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям недействительными признаются подписи избирателей, участников референдума, указавших в подписном листе сведения, не соответствующие действительности. В этом случае подпись признается недействительной только при наличии официальной справки органа, осуществляющего регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, либо на основании заключения эксперта, привлеченного к проверке в соответствии с пунктом 3 данной статьи.

Конституционный Суд указал, что суд, осуществляющий повторную проверку сведений, содержащихся в подписных листах, в целях проверки законности и обоснованности решения избирательной комиссии, не может быть связан исключительно данными официальной справки уполномоченного государственного органа, использованной избирательной комиссией. Он вправе запросить у уполномоченного органа информацию, необходимую для проверки достоверности сведений, содержащихся в подписных листах, при наличии достаточных сомнений в обоснованности выводов избирательной комиссии об их несоответствии действительности и должен выносить свое решение на основе оценки всей совокупности доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности.

20. Определениями от 6 июня 2016 года N 1169-О и N 1170-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 1 статьи 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

На основании оспоренных положений решается вопрос об отнесении к объекту обложения страховыми взносами вознаграждений, выплачиваемых членам совета директоров и ревизионной комиссии акционерного общества в связи с выполнением возложенных на них обязанностей по управлению и контролю деятельности общества.

Конституционный Суд указал, что действующее регулирование предполагает отнесение указанного вознаграждения к объекту обложения страховыми взносами независимо от того, содержится ли условие о его выплате в договоре, заключаемом между членом соответствующего органа и обществом, и позволяет

считать такие выплаты осуществляемыми в рамках гражданско-правовых договоров, поскольку в противном случае правовой режим обложения страховыми взносами для одной и той же выплаты будет ставиться в зависимость от формального критерия (наличие или отсутствие условия о ней в договоре), что приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства.

21. Определением от 7 июля 2016 года N 1358-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статей 32 и 35 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Оспоренными положениями определяются некоторые особенности порядка освещения выборов и референдумов в средствах массовой информации, а также условия допуска представителей средств массовой информации к освещению работы избирательных комиссий при подсчете голосов избирателей и подведении итогов голосования.

Конституционный Суд отметил, что оспоренные законоположения об аккредитации представителей средств массовой информации носят уведомительный характер, предполагающий, что все представители средств массовой информации, которые отвечают законным требованиям, подлежат аккредитации.

Кроме того, положения о двухмесячном стаже аккредитуемых работников не могут рассматриваться как предполагающие обязательное наличие трудового или возмездного гражданско-правового договора, заключенного не менее чем за два месяца до дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов (референдума), о работе именно в конкретном средстве массовой информации. Соответственно, его применение в качестве основания для отказа в аккредитации журналистов, которые на день официального опубликования решения о назначении выборов имеют достаточный профессиональный стаж работы в средствах массовой информации на основании трудового или возмездного гражданско-правового договора, но вступили в соответствующие правоотношения с редакцией того средства массовой информации, которое подает заявку на их аккредитацию, позже, чем за два месяца до назначения выборов, не исключало бы вывод об умалении конституционных прав и свобод, в частности свободы массовой информации.

22. Определением от 7 июля 2016 года N 1422-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Оспоренными положениями, по мнению заявителей, не гарантируется присутствие избирателей, представителей от общественных объединений при подсчете голосов, установлении итогов голосования в помещении избирательной комиссии, а также незамедлительное получение ими заверенной копии протокола об итогах голосования, что препятствует

осуществлению эффективной судебной защиты нарушенных избирательных прав граждан.

Конституционный Суд указал, что действующее избирательное законодательство предусматривает различные способы как непосредственного выявления и фиксации гражданами обстоятельств, указывающих на наличие признаков нарушений избирательного законодательства при подведении итогов выборов, так и на основе гарантирования представителям средств массовой информации возможности присутствовать в помещении для голосования в день голосования, в дни досрочного голосования, осуществлять наблюдение за голосованием и подсчетом голосов избирателей, производить фото- и видеосъемку, получать копии протокола участковой комиссии об итогах голосования.

Кроме того, действующее регулирование не препятствует гражданам на основе ставших им известными, в том числе из неформализованных источников, фактов о допущенных нарушениях при подсчете голосов и определении результатов голосования обжаловать соответствующие решения и действия (бездействие) избирательных комиссий на том избирательном участке, где такие граждане приняли участие в голосовании.

23. Определением от 7 июля 2016 года N 1428-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7 и части 1.1 статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также части 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными нормами закрепляются отдельные условия проведения публичных мероприятий (в том числе требования к их участникам, включая запрет на сокрытие своего лица, а также предельная численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется). Оспоренными положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливаются меры административной ответственности за нарушение порядка проведения публичного мероприятия.

Конституционный Суд указал, что оспоренные законоположения не препятствуют проведению в специально отведенных местах без предварительного уведомления публичных мероприятий любой формы (вида), если количество их участников не превышает предельной численности лиц, установленной законом субъекта Российской Федерации, которая не может быть менее ста человек, что, в свою очередь, исключает наступление административной ответственности за проведение соответствующих публичных мероприятий без подачи уведомления в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления.

При квалификации тех или иных действий участников публичного мероприятия в качестве подпадающих под запрет на сокрытие своего лица необходимо обращать внимание на мотивы и цели таких действий, используемые способы и средства, наступившие последствия, их влияние на безопасность и обществен-

ный порядок, включая реагирование на замечания организатора публичного мероприятия и представителей правоохранительных органов.

24. В Определении от 7 июля 2016 года N 1435-О-Р Конституционный Суд указал, что определение Конституционного Суда, подлежащее применению в нормативном единстве с постановлением, в котором подтверждается конституционность правовой нормы лишь в данном им истолковании, и содержащее - в связи с тем что заявитель обратился в Конституционный Суд до вынесения такого постановления - указание на пересмотр его дела, наравне с постановлением, в котором норма признается неконституционной, обладает обратной силой в отношении обратившихся в Конституционный Суд граждан, объединений граждан (организаций). Дела, послужившие для заявителей, по чьим жалобам были приняты такие определения, поводом для обращения в Конституционный Суд, во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами. Такой пересмотр также должен осуществляться независимо от того, имеются или отсутствуют основания для пересмотра, предусмотренные другими, помимо Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», нормативными правовыми актами.

При этом то обстоятельство, что положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации связывают необходимость пересмотра дела заявителя только с установленной Конституционным Судом неконституционностью нормы, не может служить препятствием для использования этой процедуры и применительно к случаям принятия постановления Конституционного Суда, в котором выявляется ее конституционно-правовой смысл.

25. Определением от 15 сентября 2016 года N 1742-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 5 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Оспариваемые положения устанавливают, что при представлении федеральных списков кандидатов, списков кандидатов по одномандатным избирательным округам на выборах депутатов Государственной Думы, выдвинутых политической партией, ее уполномоченный представитель представляет, в частности, сведения о принадлежащем каждому кандидату, его супругу и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, и обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации, а также сведения о расходах по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной в течение последних трех лет, если сумма сделки превышает общий доход такого кандидата и его супруга за три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка.

Конституционный Суд отметил, что оспариваемые законоположения недвусмысленно определяют обязательные для выполнения требования о представлении сведений финансово-имущественного характера в отношении кандидата, его супруга и несовершеннолетних детей в качестве единых и равных условий выдвижения кандидатов в соответствующем списке. При этом соответствующие сведения должны быть представлены в отношении детей кандидата, не достигших совершеннолетия на отчетную дату, каковой является первое число месяца, в котором осуществлено официальное опубликование (публикация) решения о назначении соответствующих выборов.

Соблюдение прав и законных интересов отдельных кандидатов, исключенных из соответствующего списка, обеспечивается возможностью обжаловать такое решение в вышестоящую избирательную комиссию или в суд, который при рассмотрении дела обязан исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы.

26. Определением от 27 сентября 2016 года N 1782-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 1 статьи 55 и части 9 статьи 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование (часть 1 статьи 55); при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным статьей 55 данного Кодекса (часть 9 статьи 208).

Конституционный Суд отметил, что введение федеральным законодателем требования к гражданам, участвующим в делах об оспаривании нормативных правовых актов в указанных судах, в случае отсутствия у них высшего юридического образования вести дело через представителя, имеющего высшее юридическое образование, - учитывая гарантированное им право на доступ к суду при рассмотрении конкретных дел без соблюдения этого условия - не выходит за пределы дискреции федерального законодателя.

27. Определением от 27 сентября 2016 года N 2017-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно оспоренным положениям закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т.е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до

вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Конституционный Суд указал, что оспоренные положения не препятствуют признанию обратной силы правил (норм), установленных международным договором Российской Федерации, устраняющих противоправность деяний (действий, бездействия), подпадающих под признаки административного правонарушения.

28. Определением от 11 октября 2016 года N 2152-О Конституционный Суд выявил смысл положений Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе».

Оспоренными нормами в действующее регулирование включаются положения о торговом сборе как местном налоге.

Конституционный Суд отметил, что установленный правовой механизм позволяет плательщикам торгового сбора вычесть суммы уплаченного торгового сбора из суммы иных подлежащих уплате с дохода (прибыли) налогов и, соответственно, в случае, если сбор превысит или будет равен размеру подлежащих уплате налогов, у них не возникнет обязанность по уплате таких налогов. Кроме того, они могут на законных основаниях избежать необходимости уплаты торгового сбора, перейдя на патентную систему налогообложения.

Следовательно, оспоренное правовое регулирование не позволяет прийти к выводу о том, что введение законодателем торгового сбора влечет за собой несоразмерность обременения в сфере налогообложения либо иным образом препятствует реализации гражданами их конституционных прав по осуществлению предпринимательской деятельности.

29. Определением от 10 ноября 2016 года N 2363-О-Р Конституционный Суд подтвердил порядок исполнения Постановления от 25 июня 2015 года N 17-П до внесения в законодательство об охоте и сохранении охотничьих ресурсов соответствующих изменений.

Конституционный Суд указал, что право на занятие охотхозяйственной деятельностью, возникшее у российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в силу долгосрочных лицензий на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов, подлежит прекращению после истечения сроков охотхозяйственных соглашений, заключенных на основании таких лицензий, за исключением случаев, когда до вступления в силу указанного Постановления ими в соответствии с частью 3 статьи 71 Федерального закона от 24 июля 2009 года N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были заключены новые охотхозяйственные соглашения или в установленном порядке инициировано заключение таких соглашений без проведения аукциона.

30. Определением от 10 ноября 2016 года N 2561-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 4.1 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям (в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 года N 245-ФЗ) при реализации на территории Российской Федерации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротами, налоговая база определяется как сумма дохода от реализации этого имущества с учетом налога. При этом налоговая база определяется налоговым агентом отдельно по каждой операции по реализации указанного имущества. В этом случае налоговыми агентами признаются покупатели указанного имущества и (или) имущественных прав, за исключением физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Указанные лица обязаны исчислить расчетным методом, удерживать из выплачиваемых доходов и уплатить в бюджет соответствующую сумму налога.

Конституционный Суд отметил, что оставление залогодержателем за собой не реализованного путем продажи с публичных торгов предмета залога в погашение требований по обеспеченному залогом обязательству применительно к рассматриваемому периоду относилось к операциям реализации для целей исчисления налога на добавленную стоимость, в которых передающая сторона должна была исчислить этот налог, а получающая - имела право заявить исчисленную сумму налога к вычету. Допустимость такого истолкования спорного регулирования Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации подтверждается и принятием впоследствии Федерального закона от 24 ноября 2014 года N 366-ФЗ, которое повлекло отмену оспоренной нормы и исключение из перечня операций, признаваемых объектом обложения налогом на добавленную стоимость, операций по реализации имущества должников, признанных банкротами.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

31. Постановлением от 14 января 2016 года N 1-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы (выслуги лет) данно-

го лица будет установлено, что его продолжительность не достигает необходимой для возникновения указанного права.

Оспоренная норма была признана соответствующей Конституции Российской Федерации, как закрепляющая условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющаяся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности.

Вместе с тем оспоренное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, как предполагающее безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом необходимо для возникновения права на данную пенсию стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений суды общей юрисдикции при оценке правомерности прекращения соответствующих выплат должны учитывать продолжительность периода, прошедшего с момента назначения пенсии, продолжительность периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимость для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

32. Постановлением от 29 марта 2016 года N 8-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «а» части первой статьи 16.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Оспариваемое положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно служит основанием для решения вопроса о зачислении в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудника данного учреждения или органа в связи с его выведением за штат при сокращении численности или штата и о последующем увольнении этого лица по сокращению штатов, притом что замещаемая им должность в рамках данных организационно-штатных мероприятий не подлежит сокращению.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможность произвольного зачисления в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудников, должности которых не подлежат сокращению в рамках проводимых организационно-штатных мероприятий, а также их последующего увольнения.

33. Постановлением от 19 июля 2016 года N 16-П Конституционный Суд дал оценку конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, орга-

нах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей».

Оспариваемые нормативные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку они служат основанием для определения объема пенсионного обеспечения родителей двух и более детей, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они являются элементом правового механизма пенсионного обеспечения членов семей военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, и устанавливают для родителей таких лиц льготные условия пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

Одновременно Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения при назначении пенсии по случаю потери кормильца родителям двух (или более) военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел, не позволяют учитывать факт гибели двух (или более) детей.

34. Постановлением от 11 октября 2016 года N 19-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие основанием для решения вопроса о размере пособия по безработице гражданам, трудовой договор с которыми был расторгнут в связи с призывом на военную службу, обратившимся в органы государственной службы занятости населения после увольнения с военной службы по призыву в связи с истечением ее срока (т.е. более чем через 12 месяцев с момента увольнения с работы), притом что до призыва на военную службу такие граждане имели оплачиваемую работу не менее 26 недель на условиях полного рабочего дня (полной рабочей недели) или на условиях неполного рабочего дня (неполной рабочей недели) с пересчетом на 26 недель с полным рабочим днем (полной рабочей неделей).

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой позволяют засчитывать срок военной службы по призыву в период перерыва в трудовой деятельности в целях определения размера пособия по безработице указанной категории граждан.

35. Определением от 10 февраля 2016 года N 218-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей 4 и 4.1 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Оспоренными положениями (в редакции, действовавшей до 1 января 2013 года) определяется для индивидуальных предпринимателей период уплаты страховых взносов в фиксированных размерах с начала деятельности - календарного месяца, в котором произведена его государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, и до ее прекращения - по дату государственной регистрации прекращения физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Оспариваемые заявителем законоположения в системе действовавшего до 1 января 2013 года правового регулирования не предполагали возложения на индивидуального предпринимателя обязанности по уплате страховых взносов за период, в течение которого предпринимательская деятельность не осуществлялась в связи с уходом за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а также исключения данного периода из страхового стажа индивидуального предпринимателя, необходимого для назначения трудовой (с 1 января 2015 года - страховой) пенсии.

36. Определением от 7 июля 2016 года N 1416-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 10 статьи 64 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям назначение государственного гражданского служащего (гражданина), состоящего в кадровом резерве, на вакантную должность государственной гражданской службы осуществляется с его согласия по решению представителя нанимателя.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оспоренное правовое регулирование, предусматривающее в исключение из общего правила о замещении должности государственной гражданской службы по результатам конкурса особый внеконкурсный порядок назначения на должность государственной гражданской службы лиц, состоящих в кадровом резерве, не означает возникновение права на замещение конкретной вакантной должности у лица, включенного в кадровый резерв федерального государственного органа, поскольку такие правовые последствия включения в кадровый резерв Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не предусмотрены, что не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя.

III

Конституционные основы частного права

37. Постановлением от 15 февраля 2016 года N 3-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Оспариваемая норма являлась предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решается

вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, согласно которому срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

Конституционный Суд признал оспоренные в данном аспекте положения не соответствующими Конституции Российской Федерации. Названные законоположения не могут рассматриваться в качестве основания для применения данной нормы абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации к указанным требованиям.

38. Постановлением от 10 марта 2016 года N 7-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служили основанием для исчисления срока предъявления исполнительного документа к исполнению, прерванного таким предъявлением, после возвращения исполнительного документа взыскателю на основании его заявления.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют - при неоднократном прерывании указанного срока - всякий раз исчислять его течение заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительный время.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

39. Постановлением от 12 апреля 2016 года N 10-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлись следующие взаимосвязанные положения Жилищного кодекса Российской Федерации:

часть 1 статьи 169 - постольку, поскольку ею устанавливается в качестве общего правила обязанность

собственников помещений в многоквартирном доме уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;

часть 4 статьи 170, определяющая перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников в связи с избранием ими в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумулирования соответствующих денежных средств на специальном счете;

часть 7 статьи 170 - постольку, поскольку ею предусматривается принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в случае, если собственники помещений в установленный законом срок не выбрали способ формирования фонда капитального ремонта или если выбранный ими способ не был реализован;

часть 4 статьи 179, допускающая возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, для финансирования капитального ремонта в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, и предоставляющая субъекту Российской Федерации право ограничить такую возможность условием расположения указанных многоквартирных домов на территории определенного муниципального образования или нескольких муниципальных образований.

Конституционный Суд признал оспоренное положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений - независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности - в формировании фондов капитального ремонта. Это не исключает необходимость оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т.е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки проведения капитального ремонта, причем независимо от избранного собственниками помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае - при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Конституционный Суд признал не противоречащим Конституции Российской Федерации оспоренное положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, поскольку оно является элементом единого правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного собственниками помещений способа участия в финансировании

расходов на капитальный ремонт, и одновременно направлено на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда.

Не противоречащим Конституции Российской Федерации было признано также положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, поскольку оно предполагает принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

В случае принятия собственниками помещений на основании части 1 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете предписание части 5 той же статьи относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления такого решения в силу не должно применяться, если изначально решение было принято не собственниками помещений, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета выявленного настоящим Постановлением конституционно-правового смысла этого положения, притом что соответствующий факт установлен решением суда и капитальный ремонт в этом доме проведен не был.

Конституционный Суд признал не противоречащей Конституции Российской Федерации часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, как предполагающую, что очередность капитального ремонта определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение соответствующих работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникновения неотложной потребности в капитальном ремонте. При этом очередность капитального ремонта может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжаловано и неисполнение региональной программы капитального ремонта, ее установившей.

40. Постановлением от 10 ноября 2016 года N 23-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании судом разрешается вопрос о защите прав собственников

индивидуальных жилых домов на относящиеся к недвижимому имуществу объекты инфраструктуры, обслуживающей эти домовладения.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают, что регистрация права собственности товарищества собственников жилья на объекты обслуживающей индивидуальной жилые дома инфраструктуры препятствует использованию собственниками таких домов, расположенных в границах управляемой товариществом территории, судебной защиты своих гражданских прав.

41. Постановлением от 13 декабря 2016 года N 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются полномочия суда при применении мер ответственности за нарушение индивидуальным предпринимателем исключительных прав на произведение или на объект смежных прав, а также на товарный знак в случае, если обладатель нарушенных интеллектуальных прав в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса использует в качестве способа защиты право требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или приравненное к нему средство индивидуализации.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько принадлежащих ему результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем одного противоправного действия.

Конституционный Суд при этом признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют суду в случае такого нарушения прав правообладателя определить общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впер-

вые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубого характера.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке оспоренных нормативных положений, применяют их, руководствуясь настоящим Постановлением.

42. Определением от 9 февраля 2016 года N 220-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 6 статьи 181.4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу. Участники соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к такому иску, в том числе имеющие иные основания для оспаривания данного решения, в последующем не вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Конституционный Суд отметил, что само по себе непредоставление требуемой информации - в случае, когда лицо, оспаривающее решение собрания, заблаговременно использовало все доступные ему формы уведомления других участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с таким иском, но по не зависящим от него причинам не предоставило соответствующую информацию каждому участнику гражданско-правового сообщества персонально, - не может служить препятствием для принятия судом искового заявления к своему производству.

43. Определением от 10 ноября 2016 года N 2371-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение, согласно которому решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица, заявители оспаривали в той мере, в какой оно допускает возможность возложить обязанности по осуществлению ликвидации кредитного потребительского кооператива на его учредителей, которые вышли из кооператива.

Конституционный Суд указал, что суд, рассматривающий дело о ликвидации кредитного кооператива, вправе, не ограничиваясь содержащимися в Едином государственном реестре юридических лиц сведениями, всесторонне и наиболее полным образом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исследовать все доказательства, могущие служить подтверждением совершенного в предусмотренном законом

порядке выхода члена кредитного кооператива из объединения, в результате которого вышедший участник, в том числе выступавший его учредителем, разрывает корпоративную связь с юридическим лицом и не может обременяться несением дополнительных обязанностей, связанных с его дальнейшей деятельностью, в частности обязанностей по осуществлению ликвидации организации и возмещению соответствующих расходов.

Конституционный Суд сделал вывод о том, что оспариваемое положение, будучи общей нормой, применимой как к унитарным, так и к корпоративным юридическим лицам и, соответственно, - к учредителям унитарных и участникам (членам) корпоративных организаций, не предполагает возложения обязанности по осуществлению ликвидации корпоративного юридического лица на его учредителей, которые не являются его членами, и не препятствует осуществлению права на выход из кооператива.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

44. Постановлением от 25 февраля 2016 года N 6-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку - с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, - ими исключается предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Оспоренные положения, притом что на их основании уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Уголовные дела по обвинению женщин в совершении указанных преступлений, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления данного решения в силу, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых - судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей.

Если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела заявителя) не подлежат, в том числе

в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

45. Постановлением от 20 июля 2016 года N 17-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспариваемые нормативные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании определяется процессуальный статус лица, уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, применительно к решению вопроса о необходимости предупреждения такого лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний при допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении других соучастников преступления.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что:

обвиняемый по выделенному уголовному делу может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении; такое лицо не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, не является свидетелем по основному уголовному делу;

на обвиняемого по выделенному уголовному делу при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования статей 307 и 308 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации правила о предупреждении допрашиваемых лиц о такой ответственности;

обвиняемый по выделенному уголовному делу при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу предупреждается о предусмотренных главой 40.1 УПК Российской Федерации последствиях нарушения при даче показаний обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от судебного следствия каких-либо существенных сведений.

46. Постановлением от 8 ноября 2016 года N 22-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служат основанием

для решения вопроса о привлечении к полной материальной ответственности военнослужащего в связи с наличием в инкриминируемом ему деянии признаков состава преступления, если уголовное дело в отношении него было прекращено органом предварительного расследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенно пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо - при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований - в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

В то же время оспоренные нормативные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как допускающие возможность привлечения такого военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный указанному имуществу, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым - фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением. Это касается и постановления суда, принятого в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

47. Постановлением от 15 ноября 2016 года N 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о регламентации (ограничении) права на длительные свидания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исключают возможность предостав-

ления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации.

48. Определением от 15 января 2016 года N 4-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии».

Оспоренной нормой названного постановления предписывается прекратить находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда уголовные дела о совершенных до дня вступления его в силу преступлений, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в их совершении, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Конституционный Суд отметил, что, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного деяния, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной. Стороны же, не согласные с оценкой указанным органом степени возмещения ущерба, вправе оспорить принятое им решение в судебном порядке, предусмотренном для обжалования решений таких органов, правомочных применять акт об амнистии, как органы предварительного расследования.

49. Определением от 14 января 2016 года N 15-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения определяют пределы судебного разбирательства, порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции и принимаемые им решения, а также порядок отмены приговора или изменения иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Конституционный Суд отметил, что при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся

основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

50. Определением от 10 февраля 2016 года N 226-О Конституционный Суд выявил смысл положений части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регламентировано участие обвинителя в судебном разбирательстве и установлено, что государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой этого Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте, либо путем переквалификации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

Конституционный Суд отметил, что решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания.

51. Определением от 6 июня 2016 года N 1232-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями устанавливается в том числе перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей по уголовным делам.

Конституционный Суд отметил, что режим адвокатской тайны неприменим к материалам, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) признаков преступления, в том числе преступления против правосудия, к орудиям и предметам преступления, - иначе ставился бы под сомнение правомерный характер действий адвоката и его доверителя. Следовательно, и на сведения, свидетельствующие о совершении уголовно-противоправных деяний и ставшие известными от доверителя не являющемуся адвокатом представителю по гражданскому делу при исполнении им обязанностей представителя, также не распространяются конституционные гарантии конфиденциальности и такие сведения не охватываются свидетельским иммунитетом указанного лица в уголовном судопроизводстве.

52. Определением от 6 июня 2016 года N 1436-О Конституционный Суд выявил смысл положений частей пятой, шестой и седьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регулируются сроки содержания под стражей, а также порядок продления предельного срока содержания под стражей при озна-

комлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием уголовного дела.

Конституционный Суд отметил, что оспариваемые положения предполагают, что при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами оконченного расследованием уголовного дела продление срока содержания обвиняемого под стражей, превышающего предусмотренный для стадии предварительного расследования предельный срок содержания под стражей, допускается лишь при сохранении оснований и условий применения данной меры пресечения и на устанавливаемый судом разумный срок. Такой срок определяется с учетом необходимости обеспечения права обвиняемого на ознакомление по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника и права иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите, существа заявленных участниками производства по уголовному делу ходатайств о дополнении материалов уголовного дела, времени, необходимого для их рассмотрения, разрешения и ознакомления со вновь приобщенными к делу материалами. При этом не исключается возможность применения предусмотренных законом средств компенсаторного характера в случае несоразмерно длительного содержания под стражей при обстоятельствах, связанных с осуществлением процедуры ознакомления с материалами оконченного расследованием уголовного дела.

53. Определением от 11 октября 2016 года N 2164-О Конституционный Суд выявил смысл положений части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Положениями части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации предусматривается ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. Статьей 42 УПК Российской Федерации закреплен процессуальный статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Конституционный Суд указал, что переквалификация уголовно-противоправного деяния с оконченного преступления на покушение сама по себе не предопределяет автоматическую утрату лицом, в отношении которого это деяние совершено, статуса потерпевшего.

Кроме того, Конституционный Суд отметил, что лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая привлекаемых с их согласия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, должна быть обеспечена защита имущественных прав и интересов, в том числе путем возврата законным владельцам использованного в ходе оперативно-розыскных мероприятий имущества, а в случае причинения им имущественного ущерба - возмещения такового.

54. Определением от 13 декабря 2016 года N 2580-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 311 и части третьей статьи 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному

освобождению в зале суда в случаях вынесения оправдательного приговора, обвинительного приговора без назначения наказания, обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания, обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно. При этом определение или постановление суда о прекращении уголовного дела, принятое в ходе судебного производства по уголовному делу, подлежит немедленному исполнению в той его части, которая касается освобождения обвиняемого или подсудимого из-под стражи.

Конституционный Суд указал, что решение суда об освобождении от наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, принимается в отношении лица, осужденного за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда, и по сути является коррекцией уголовного наказания. Обращение к исполнению этого решения лишь после его вступления в законную силу, т.е. по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке либо в день вынесения судом апелляционной инстанции определения или постановления, не может расцениваться как несоразмерное ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность лица, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы на основании приговора суда.

Конституционный Суд РФ подтвердил право сотрудников органов внутренних дел, получивших вред здоровью при прохождении службы, на получение единовременного пособия.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 1 марта 2017 г. N 3-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЧАСТИ
5 СТАТЬИ 43 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОЛИЦИИ»
В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В.А. СЕМЕНОВА
И Н.В. ШМАКОВА

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан В.А. Семенова и Н.В. Шмакова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И. Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части 5 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» при получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере двух миллионов рублей.

1.1. Гражданин В.А. Семенов в период прохождения службы в органах внутренних дел на должности инспектора дорожно-патрульной службы в управле-

нии Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД по Республике Хакасия дважды получал травмы при выполнении служебных обязанностей. Заключением военно-врачебной комиссии он был признан ограниченно годным к службе (категория «В») вследствие военной травмы и годным к прохождению службы в должностях, отнесенных к 4 группе предназначения, а 28 июля 2014 года в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» уволен со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе. Постоянно действующая комиссия МВД по Республике Хакасия по вопросам выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам органов внутренних дел или их близким родственникам решением от 22 августа 2014 года отказала В.А. Семенову в выплате единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Исковые требования В.А. Семенова о взыскании данного единовременного пособия года оставлены без удовлетворения решением Абаканского городского суда Республики Хакасия от 24 октября 2014 года, которое было отменено апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 15 января 2015 года со ссылкой на отсутствие в МВД по Республике Хакасия вакантных должностей, соответствующих 4 группе предназначения, и наличие всех условий для выплаты истцу единовременного пособия. С этим не согласилась Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменившая указанное апелляционное определение и признавшая законным решение суда первой инстанции (определение от 2 ноября 2015 года). В передаче надзорной жалобы В.А. Семенова для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года.

По тому же основанию 29 июня 2014 года был уволен со службы в органах внутренних дел гражданин Н.В. Шмаков, замещавший должность инспектора патрульно-постовой службы в Вологодском линейном отделе МВД России на транспорте и в результате получения травмы при выполнении служебных обязанностей признанный военно-врачебной комиссией ограниченно годным к службе (категория «В») и годным к прохождению службы в должностях, отнесенных к 4 группе предназначения.

Отказ в выплате единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», Н.В. Шмаков обжаловал в Вологодский городской суд Вологодской области, который решением от 27 октября 2014 года в удовлетворении исковых требований о взыскании данного единовременного

пособия отказал. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 4 февраля 2015 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения, с чем согласились вышестоящие суды, отказавшие Н.В. Шмакову в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (определения судьи Вологодского областного суда от 21 апреля 2015 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2015 года).

Оставляя требования В.А. Семенова и Н.В. Шмакова без удовлетворения, суды исходили из того, что травмы, полученные истцами при выполнении служебных обязанностей, не исключают дальнейшего прохождения ими службы в органах внутренних дел, в связи с чем им определена категория годности к службе «В», позволяющая продолжить службу на должностях 4 группы предназначения, а значит, право на получение соответствующего единовременного пособия у них не возникло. Кроме того, как указали суды, рассматривавшие дело по иску Н.В. Шмакова, основанием для его увольнения явился поданный им рапорт, что свидетельствует о его добровольном волеизъявлении на прекращение службы; вопрос же о возможности перемещения истца по службе (переводе на другие должности в органах внутренних дел) судами не разрешался.

Нарушение частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» своих прав, гарантированных статьями 1, 2, 7, 19 (часть 1), 37, 39, 41, 45, 55 (часть 3) и 71 Конституции Российской Федерации, граждане В.А. Семенов и Н.В. Шмаков усматривают в том, что содержащаяся в ней норма допускает возможность отказа в выплате предусмотренного ею единовременного пособия получившим увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей сотрудникам полиции, уволенным со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, часть 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащейся в ней нормы - с учетом того, что ее действие в силу части 2 статьи 56 данного Федерального закона распространяется на сотрудников органов вну-

тренних дел, не являющихся сотрудниками полиции, - решается вопрос о выплате единовременного пособия получившему в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья сотруднику органов внутренних дел, признанному военно-врачебной комиссией ограниченно годным к прохождению службы (категория «В») и уволенному с нее в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» - на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и в котором охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка инвалидов, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7), гарантируются равенство прав и свобод человека и гражданина (статья 19, часть 2), социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности и в иных случаях, предусмотренных законом (статья 39, часть 1).

Приведенные положения Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 37 (часть 3) и 41 (часть 1), закрепляющими право на труд и право на охрану здоровья, в том числе при осуществлении профессиональной деятельности, обязывают государство разработать эффективный организационно-правовой механизм возмещения гражданину вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья в связи с выполнением трудовых (служебных) обязанностей. Соответственно, государство должно стремиться к максимальному социальному эффекту при возмещении гражданам такого вреда, используя для этого все необходимые средства, включая частноправовые (добровольное страхование, возмещение вреда) и публично-правовые (государственное страхование, социальное обеспечение, денежные компенсации) институты.

Граждане, реализующие свое право на труд посредством прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, в том числе в полиции, которая представляет собой, по смыслу статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 32 (часть 4), 72 (пункт «б» части 1) и 114 (пункт «е» части 1), особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается правовой статус лиц, несущих такую службу, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним; обязанности, возлагаемые на сотрудников органов внутренних дел, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых услови-

ях, зачастую сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, что в силу статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1) и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации влечет обязанность государства гарантировать адекватное возмещение вреда, причиненного их жизни или здоровью в связи с выполнением служебных обязанностей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 года N 17-П, от 15 июля 2009 года N 13-П, от 20 июля 2011 года N 21-П и др.). Выбор правовых средств, направленных на возмещение такого вреда, относится к дискреции федерального законодателя, который, осуществляя с учетом конституционных требований правовое регулирование в данной сфере, обязан предусматривать эффективные гарантии реализации прав сотрудников органов внутренних дел, соответствующие правовой природе и целям возмещения причиненного вреда, характеру возникающих между ними и государством правоотношений.

3. Учитывая особый характер обязанностей государства по отношению к сотрудникам органов внутренних дел как лицам, выполняющим конституционно значимые функции, и необходимость обеспечения государственной поддержки тем из них, кто получил в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, в том числе повлекшее установление инвалидности, федеральный законодатель закрепил в числе особых публично-правовых способов возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью этих лиц, обязательное государственное страхование их жизни и здоровья, специальное пенсионное обеспечение и систему мер социальной защиты, предназначение которых - компенсировать в максимальном объеме последствия изменения их материального и социального статуса, обеспечив соразмерный полученному вреду уровень его возмещения.

В частности, наряду с выплатой страховых сумм по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, как это вытекает из части 1 статьи 43 Федерального закона «О полиции», сотрудникам органов внутренних дел, получившим в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, исключающее возможность дальнейшего прохождения службы, предоставляются и другие имеющие целью возмещение вреда здоровью денежные выплаты и иные виды компенсаций, включая единовременное пособие, предусмотренное частью 5 той же статьи.

При установлении сотруднику органов внутренних дел, уволенному со службы, инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возможность дальнейшего прохождения службы, ему выплачиваются ежемесячная денежная компенсация, исчисляемая исходя из размера оклада месячного денежного содержания и размера ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), принимаемых для исчисления пенсий (часть 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции»), пенсия по инвалидности, назначаемая на основании Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года N 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших во-

енную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей», и ежемесячное материальное обеспечение, предусмотренное Указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2005 года N 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы».

За лицами, уволенными со службы в органах внутренних дел и ставшими инвалидами вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, сохраняется право на бесплатное медицинское обеспечение, в том числе на изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, медицинскими изделиями по назначению врача в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также на лечение в санаторно-курортных организациях данного федерального органа за плату в размере 25 процентов стоимости путевки, определяемой его руководителем (часть 7 статьи 11 Федерального закона от 19 июля 2011 года N 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Кроме того, на них распространяются меры социальной поддержки, предусмотренные статьей 14 Федерального закона от 12 января 1995 года N 5-ФЗ «О ветеранах» для инвалидов боевых действий, включая компенсацию расходов на оплату жилья и коммунальных услуг в размере 50 процентов, предоставление ежегодного отпуска в удобное для них время, а также дополнительного отпуска без сохранения заработной платы, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование за счет средств работодателя, внеочередной прием в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной и полустационарной форме, внеочередное обслуживание организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги в форме социального обслуживания на дому, и др.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования создан специальный публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудников органов внутренних дел, который имеет своим предназначением восполнение понесенных ими материальных потерь, обусловленных невозможностью дальнейшего прохождения службы вследствие полученного увечья или иного повреждения здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей.

Положение части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» является неотъемлемым элементом данного публично-правового механизма, а предусмотренная им выплата представляет собой дополнительную

социальную гарантию, установленную специальным законом для соответствующей категории граждан, в отношении которых государство берет на себя обязательство компенсировать причиненный вред.

4. Право на получение единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в отличие от страховых сумм, выплачиваемых в рамках обязательного государственного страхования жизни и здоровья, обусловлено как фактом получения увечья или иного повреждения здоровья при осуществлении служебной деятельности, так и невозможностью в связи с этим продолжать службу в органах внутренних дел.

Невозможность прохождения службы подтверждается установлением сотруднику полиции на основании заключения военно-врачебной комиссии определенной категории годности к службе («Б», «В» или «Д») и увольнением с нее по соответствующему основанию, предусмотренному Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Это следует из пункта 22 Инструкции о порядке осуществления выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации или их близким родственникам (утверждена приказом МВД России от 18 июня 2012 года N 590), относящегося к числу документов, необходимых для решения вопроса о выплате единовременного пособия в случае повреждения здоровья сотрудника, копию заключения военно-врачебной комиссии о категории годности к службе в органах внутренних дел сотрудника, получившего увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей, приведшее к расторжению контракта и его увольнению, с указанием причинной связи увечья или иного повреждения здоровья в формулировке «военная травма» и документ, подтверждающий прекращение службы в органах внутренних дел по основаниям, указанным в пункте 14 данной Инструкции.

Однако в этом пункте указание на какие-либо основания прекращения службы отсутствует, и согласно сложившейся правоприменительной практике сотрудники органов внутренних дел, включая полицию, получившие в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, в зависимости от установленной им категории годности к службе, определяемой военно-врачебной комиссией в соответствии с Инструкцией о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (утверждена приказом МВД России от 14 июля 2010 года N 523), увольняются со службы по двум основаниям, предусмотренным статьей 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно: или по болезни - на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних

дел (категория «Д») (пункт 1 части 3), или по состоянию здоровья - на основании ее заключения об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе (категории «Б» и «В») (пункт 8 части 2).

В случае признания сотрудника органов внутренних дел негодным к службе (категория «Д») контракт с ним подлежит безусловному расторжению, а сотрудник - увольнению, т.е. продолжение службы на каких бы то ни было должностях для него невозможно. Поэтому при увольнении по пункту 1 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ему выплачивается единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции». Сотрудники же, признанные ограниченно годными к службе (категория «В») и годными к службе с незначительными ограничениями (категория «Б»), увольняются только при отсутствии возможности перемещения по службе, т.е. перевода на другие должности в органах внутренних дел, подходящие им по состоянию здоровья, или при отказе от такого перевода. Соответственно, в случае перемещения по службе они не приобретают право на получение указанного единовременного пособия, поскольку закон связывает его выплату с невозможностью дальнейшего прохождения службы.

4.1. Если перемещение по службе (перевод на другую должность) сотрудника органов внутренних дел, в том числе сотрудника полиции, признанного ограниченно годным к службе (категория «В») или годным к службе с незначительными ограничениями (категория «Б»), оказывается невозможным, он подлежит увольнению в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которое должно быть произведено с соблюдением установленного законом порядка и гарантий принадлежащих сотрудникам органов внутренних дел прав.

В частности, поскольку названный Федеральный закон связывает увольнение по данному основанию исключительно с отсутствием возможности перемещения сотрудника по службе (перевода на другую должность в органах внутренних дел), что, в свою очередь, может быть обусловлено отсутствием вакантных должностей в органах внутренних дел, несоответствием профессиональных качеств сотрудника требованиям, предусмотренным для занятия имеющейся вакантной должности, и другими обстоятельствами, при наличии вакантных должностей в органах внутренних дел сотруднику, признанному ограниченно годным к службе или годным к службе с незначительными ограничениями, соответствующие должности (с учетом квалификационных требований по каждой из них) должны быть предложены.

Если сотрудник органов внутренних дел отказался от перевода на предложенную вакантную должность, подходящую ему по состоянию здоровья, то, по бук-

важному смыслу части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», он не вправе претендовать на предусмотренное данной нормой единовременное пособие, поскольку возможность дальнейшего прохождения службы для него сохранялась, но, реализуя конституционное право на свободное распоряжение своими способностями к труду, он добровольно отказался от ее прохождения. В этом случае сотрудник органов внутренних дел может быть уволен как по пункту 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющему такой отказ в качестве основания для увольнения, так и по пункту 8 части 2 той же статьи, т.е. по состоянию здоровья (на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе). Однако и при увольнении по состоянию здоровья решающее значение имеет добровольный отказ сотрудника от продолжения службы.

4.2. Согласно части 8 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при наличии одновременно нескольких оснований прекращения или расторжения контракта, предусмотренных частью 1, пунктами 1, 3, 4, 8, 9, 11, 12 и 16 части 2 и пунктами 1 и 3 части 3 данной статьи, контракт прекращается или расторгается по одному из этих оснований по выбору сотрудника органов внутренних дел.

Следовательно, сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены по основанию, предусмотренному пунктом 8 части 2 данной статьи, и по собственной инициативе, избрав такое основание из двух или более возможных. Однако это обстоятельство само по себе не может оказывать влияния на приобретение права на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», поскольку - с учетом универсальности конституционного принципа равенства, в силу которого все сотрудники органов внутренних дел, признанные ограниченно годными к прохождению службы, должны быть поставлены в равные условия, и по смыслу действующего правового регулирования порядка прохождения службы в органах внутренних дел - тем из них, кто по собственной инициативе избрал увольнение со службы по состоянию здоровья, и тем, у кого право выбора не возникло, необходимо предоставление одних и тех же гарантий, т.е. и тем и другим должны быть предложены имеющиеся вакантные должности, подходящие им по состоянию здоровья.

Соответственно, для приобретения права на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», сотрудники органов внутренних дел, признанные ограниченно годными к службе (категория «В»), должны быть уволены со службы по основанию, предусмотренному пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федера-

ции и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в связи с отсутствием вакантных должностей в органах внутренних дел либо другими обстоятельствами, свидетельствующими об объективной невозможности перемещения по службе. Это означает, что сотрудники органов внутренних дел, получившие увечье или иное повреждение здоровья, исключающие дальнейшее прохождение службы в силу отсутствия возможности перемещения по службе (перевода на другую должность в органах внутренних дел), имеют право на единовременное пособие, предусмотренное частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

5. Аналогичное правовое регулирование действовало и до внесения в него изменений, связанных с принятием Федерального закона «О полиции».

Так, к числу сотрудников милиции, для которых вследствие телесных повреждений, полученных при осуществлении служебной деятельности, исключалось дальнейшее прохождение службы, относились наряду с сотрудниками, которые заключением военно-врачебной комиссии о категории годности к военной службе признавались не годными к службе (категория «Д»), и сотрудники, которые признавались ограниченно годными к службе (категория «В») при отсутствии возможности перемещения по службе (пункт 19 утвержденного приказом МВД России от 15 октября 1999 года N 805 Инструкции о порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику органов внутренних дел, а также ущерба, причиненного имуществу сотрудника органов внутренних дел или его близких). Тем самым сотрудники милиции, признанные ограниченно годными к службе и уволенные в связи с невозможностью перемещения по службе, имели право на получение соответствующего единовременного пособия. Как следует из полученного Конституционным Судом Российской Федерации сообщения полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, при принятии Федерального закона «О полиции» не предполагалось изменение круга лиц, имеющих право на получение единовременного пособия в связи с получением увечья или иного повреждения здоровья и невозможностью дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел.

С учетом того, что часть 5 статьи 43 данного Федерального закона по своему содержанию аналогична части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года N 1026-1 «О милиции», а формулировка основания увольнения сотрудников, признанных ограниченно годными к службе, претерпела лишь редакционные изменения, для действующего правового регулирования сохраняет свое значение вывод, к которому пришел Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении вопроса о конституционности части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции»: право на предусмотренное данной нормой единовременное пособие должно быть обеспечено всем сотрудникам органов внутренних дел, получившим телесные повреждения в связи с осуществлением служебной деятельности и уволенным со службы по ограниченному состоянию здоровья (на ос-

новании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности по состоянию здоровья исполнять служебные обязанности в соответствии с занимаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе), на равных основаниях (Постановление от 20 июля 2011 года N 21-П).

Данный вывод, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, согласуется с вытекающей из статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1) и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанностью государства предоставить этим лицам материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда их здоровью при прохождении службы. Соответственно, лишение сотрудников органов внутренних дел, признанных ограниченно годными к службе и уволенных на основании пункта 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», права на получение единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в случае если увольнение не связано с их отказом от предложенной вакантной должности в органах внутренних дел, подходящей им по состоянию здоровья, приводило бы к нарушению конституционного принципа равенства, означающего, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающим из закрепленного ею принципа равенства, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (постановления от 3 июня 2004 года N 11-П, от 5 апреля 2007 года N 5-П, от 10 ноября 2009 года N 17-П, от 20 декабря 2010 года N 21-П и др.).

6. Таким образом, часть 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» - в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», - не может расцениваться как препятствующая выплате предусмотренного ею единовременного пособия сотруднику органов внутренних дел, получившему увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей и уволенному со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии

с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе, за исключением случаев, когда увольнению предшествовал отказ сотрудника от перевода на другую должность в органах внутренних дел, подходящую ему по состоянию здоровья.

Федеральный законодатель в рамках предоставленной ему дискреции вправе осуществить дифференциацию размеров единовременного пособия, предусмотренного частью 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции», в зависимости от степени полученного сотрудником органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей повреждения здоровья и, соответственно, степени утраты им способности к прохождению службы в органах внутренних дел.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», - не препятствует выплате предусмотренного ею единовременного пособия сотруднику органов внутренних дел, получившему увечье или иное повреждение здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей и уволенному со службы по состоянию здоровья на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе, за исключением случаев, когда увольнению предшествовал отказ сотрудника от перевода на другую должность в органах внутренних дел, подходящую ему по состоянию здоровья.

2. Правоприменительные решения в отношении граждан Семенова Владимира Анатольевича и Шмакова Николая Викторовича подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Конфискация орудия преступления в рамках прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям признана не противоречащей Конституции РФ.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 7 марта 2017 г. N 5-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА
1 ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 81 И СТАТЬИ 401.6
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ
ГРАЖДАНИНА А.Е. ПЕВЗНЕРА

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя гражданина А.Е. Певзнера - адвоката М.А. Крупского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы гражданина А.Е. Певзнера. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И. Бойцова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации - М.А. Мельниковой, от Федеральной таможенной службы - В.А. Алтуфьевой, от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.А. Васильевой, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации - И.Н. Соловьева, от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека - Н.Л. Евдокимовой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах; при этом орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1 части третьей статьи 81); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401.6).

1.1. В отношении гражданина Российской Федерации А.Е. Певзнера, имеющего также гражданство Федеративной Республики Германия, органами предварительного расследования было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 188 «Контрабанда» УК Российской Федерации, выразившегося в перемещении в марте 2003 года с территории Финляндии через таможенную границу России без декларирования принадлежащей ему и его супруге картины Карла Брюллова «Христос во гробе» (стоимостью на момент пересечения таможенной границы не менее 9 416 160 руб.), отнесенной к культурным ценностям, для перемещения которых через таможенную границу установлены специальные правила.

Выборгский городской суд Ленинградской области постановлением от 27 ноября 2013 года, вынесенным в процедуре предварительного слушания, удовлетворил ходатайство стороны защиты в части прекращения данного уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а в части требования о возвращении картины ее законным владельцам отказал и, руководствуясь пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, постановил картину, как признанную в качестве орудия преступления вещественным доказательством, конфисковать, оставив ее на хранении в Государственном Русском музее.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского областного суда решение суда первой инстанции изменила в части, касающейся конфискации картины, и, руководствуясь пунктом 6 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, обязала передать ее после надлежащего таможенного оформления органами таможенного контроля Российской Федерации законным владельцам, чье право собственности не оспаривалось (апелляционное определение от 24 июня 2014 года). Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что картина была лишь предметом уголовно наказуемого деяния, а не орудием контрабанды или каким-либо иным предметом из числа перечисленных в пунктах 1 - 5 части тре-

твеей статьи 81 УПК Российской Федерации и, следовательно, ее судьба не могла быть решена на основании этих законоположений.

В передаче кассационных представлений уполномоченных прокуроров на данное апелляционное определение для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции было отказано постановлением судьи Ленинградского областного суда от 23 сентября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2014 года, которое, в свою очередь, постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2015 года было отменено с передачей кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в президиум Ленинградского областного суда.

Отклоняя доводы кассационного представления о необходимости применения при решении вопроса о судьбе картины положений статьи 104.1 УК Российской Федерации и пункта 4.1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, предусматривающих конфискацию имущества, являющегося предметом незаконного перемещения через таможенную границу, президиум Ленинградского областного суда мотивировал свое решение тем, что указанные законоположения на момент совершения инкриминируемого А.Е. Певзнеру деяния в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовали и обратной силы не имеют, а частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ранее действовавшей редакции конфискация вещественных доказательств предусматривалась только в отношении орудия преступления, но не его предмета (постановление от 15 сентября 2015 года).

С выводами, содержащимися в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 24 июня 2014 года и постановлении президиума Ленинградского областного суда от 15 сентября 2015 года, не согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая определением от 28 апреля 2016 года, принятым по итогам рассмотрения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, оставила без изменения постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 27 ноября 2013 года. Отклоняя возражения стороны защиты, ссылавшейся на невозможность принятия по истечении года с момента вынесения апелляционного определения решения о конфискации принадлежащей А.Е. Певзнеру картины, как ухудшающего его положение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что в силу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации при вынесении постановления о прекращении уголовного дела суд обязан решить вопрос о вещественных доказательствах, к каковым в данном случае относится эта картина, и такое решение не может расцениваться как ухудшающее положение лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, а потому его принятие не ограничено временными рамками.

1.2. Согласно статьям 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующим предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Гражданин А.Е. Певзнер обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с двумя жалобами. В первой им оспаривается конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, во второй - конституционность статьи 401.6 данного Кодекса. Поскольку обе нормы применены судом в одном и том же конкретном деле и послужили основанием для вынесения одних и тех же судебных решений, а их несоответствие Конституции Российской Федерации заявитель связывает с недопустимым, как он полагает, вмешательством в право собственности на имущество, изъятое в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заявитель оспаривает конституционность пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в первоначальной редакции, действовавшей на момент возбуждения в отношении него уголовного дела о контрабанде и предусматривавшей в рамках решения вопроса о вещественных доказательствах в случае вынесения приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела конфискацию лишь орудий преступления, принадлежащих обвиняемому. Нарушение названным законоположением своих прав, гарантированных статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 35 (части 1 - 3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что оно обязывает суд при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования конфисковать принадлежащее лицу, не признанному в установленном законом порядке виновным в совершении уголовно наказуемого деяния, имущество, признанное в качестве орудия преступления вещественным доказательством (если это имущество не подлежит передаче в соответствующие учреждения или уничтожению).

В связи с ратификацией Федеральным законом от 26 апреля 2004 года N 26-ФЗ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности

от 15 ноября 2000 года (вступила в силу с 29 сентября 2003 года), пунктом 1 статьи 12 которой признается возможность конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, федеральный законодатель, обеспечивая выполнение Россией принятых на себя международно-правовых обязательств, аналогичным образом конкретизировал возможные объекты конфискации как в Уголовном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ), так и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 530-ФЗ). Поскольку более широкое понятие «средства совершения преступления», включающее и орудия преступления, вошло в понятийный аппарат института конфискации в указанных отраслях законодательства в период вынесения судами различных инстанций решений, связанных с последствиями прекращения уголовного дела заявителя в связи с истечением срока давности уголовного преследования, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным осуществить проверку конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации в ныне действующей редакции.

Статья 401.6 УПК Российской Федерации, по мнению заявителя, не соответствует статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (часть 1) и 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащаяся в ней норма вследствие своей неопределенности не позволяет выработать единообразный подход к вопросу, допускается ли пересмотр в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения о возвращении законному владельцу, в отношении которого уголовное дело прекращено, его имущества по основаниям, связанным с признанием такого имущества в качестве орудия преступления вещественным доказательством, по истечении годичного срока со дня вступления этого решения в силу, что ведет к нарушению принципа равенства перед законом и произвольному вмешательству в право частной собственности.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации - постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о конфискации имущества, принадлежащего на праве собственности лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством по данному уголовному делу, и статья 401.6 данного Кодекса - постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о допустимости пересмотра в кассационном порядке судебного решения о возвращении указанного имущества лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

2. В соответствии со статьями 2, 17 (часть 2) и 18 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека, составляют обязанность государства и обеспечиваются правосудием. Исходя из этого Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2), гарантирует, что право частной собственности охраняется законом и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 35, части 1 и 3), и допускает возможность ограничения данного права - наряду с другими правами и свободами человека и гражданина - федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Приведенным конституционным положениям, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права - общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондирует статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности и ее защиту не умаляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Таким образом, гарантированное Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами как составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации) право частной собственности предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только возможность реализации собственником составляющих его правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и налагаемые федеральным законом ограничения, обусловленные - в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 35 - необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и свобод других лиц, если такие ограничения вводятся на основе общеправовых принципов и конституционных критериев справедливости и соразмерности (пропорциональности), не затрагивают само существо данного конституционного права и не приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 28 января 2010 года № 2-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.).

3. По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в постановлениях от 20 мая 1997 года N 8-П и от 16 июля 2008 года N 9-П, конституционные гарантии охраны права частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, и конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере; при этом в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности.

Возможность вторжения в право частной собственности в целях защиты публичных интересов получила нормативную конкретизацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, который, называя в числе основных начал гражданского законодательства неприкосновенность собственности (пункт 1 статьи 1), допускает тем не менее возможность принудительного прекращения права собственности по предусмотренным законом основаниям, включая конфискацию, определяемую как безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (подпункт 6 пункта 2 статьи 235 и пункт 1 статьи 243).

Придание конфискации статуса имущественной санкции в рамках публичного правопорядка не исключает ее институирования и в качестве наказания: так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях относит назначаемую судьей конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения к одному из видов административных наказаний и определяет ее как принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей (пункт 4 части 1 статьи 3.2 и часть 1 статьи 3.7).

Констатируя в ряде своих решений принципиальную допустимость закрепления в федеральном законе в качестве способа защиты публичных интересов в сфере экономической безопасности Российской Федерации, составляющей одну из основ ее суверенитета, а также финансовой системы, которая ставится под угрозу при перемещении товаров через таможенную границу незаконным образом, конфискации имущества, явившегося орудием или иным средством совершения либо непосредственным предметом таможенного правонарушения, осуществляемой по решению суда независимо от установления собственника такого имущества, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что осуществление прав пользования и распоряжения перемещаемым имуществом без выполнения всех необходимых обязанностей, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу и выбором таможенного режима, фактически сделало бы невозможным само

таможенное регулирование и достижение тех конституционно защищаемых целей, для которых оно предназначено, со всеми вытекающими последствиями, в том числе криминогенного характера (постановления от 11 марта 1998 года N 8-П, от 14 мая 1999 года N 8-П и от 27 апреля 2001 года N 7-П).

Вместе с тем конфискация имущества может рассматриваться в качестве специальной публично-правовой меры, содержание которой заключается в осуществлении в судебном порядке принудительного лишения правонарушителя, т.е. вопреки его воле, права собственности на имущество, определенным образом связанное с совершением правонарушения, и безвозмездном его обращении в собственность государства, - в отличие от реквизиции, т.е. возмездного принудительного изъятия имущества в случаях, не связанных с противоправным поведением собственника этого имущества (статья 242 ГК Российской Федерации). Формально-юридические предпосылки для избрания подобной модели нормативного регулирования содержит статья 2 УК Российской Федерации, согласно которой для осуществления охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, а также других перечисленных в ней задач данный Кодекс устанавливает, в частности, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Именно в качестве иной меры уголовно-правового характера, состоящей в принудительном безвозмездном обращении по решению суда в собственность государства имущества, в том числе орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, конфискация была возвращена в Уголовный кодекс Российской Федерации (глава 15.1, статьи 104.1 - 104.3) Федеральным законом от 27 июля 2006 года N 153-ФЗ - после ее исключения из данного Кодекса как вида наказания Федеральным законом от 8 декабря 2003 года N 162-ФЗ.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 8 июля 2004 года N 251-О и от 24 марта 2005 года N 146-О, само по себе исключение конфискации имущества как вида наказания из уголовного закона не может считаться препятствием для сохранения в уголовно-процессуальном законодательстве, которое имеет собственный предмет правового регулирования, института конфискации имущества, признанного в качестве орудия преступления вещественным доказательством по уголовному делу. Такой подход согласуется с международными стандартами в сфере обеспечения конфискации использовавшегося или предназначавшегося для использования при совершении преступлений имущества, допустимость изъятия которого у собственника закреплена в Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года (ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 года N 62-ФЗ): согласно ее статье 1 термин «конфискация» означает не только наказание, но и меру, назначенную судом в результате судопроизводства по уголовному делу или уголовным делам и состоящую в лишении имущества (подпункт

«d»); при этом под орудиями преступления понимается любое имущество, использованное или предназначенное для использования любым способом, целиком или частично, для совершения преступления или преступлений (подпункт «с»). Обязательства о принятии мер, необходимых для обеспечения в рамках внутренней правовой системы возможности конфискации имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении соответствующих преступлений, вытекают также из Конвенции против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, для целей которой понятие «конфискация» означает окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа (подпункт «g» статьи 2 и статья 12).

Европейский Суд по правам человека, учитывая сложившуюся в Российской Федерации длительную судебную практику, допускающую конфискацию по делам о контрабанде предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу, пришел к выводу, что данная мера в отношении перемещаемых денежных средств, приобретенных к уголовному делу о контрабанде в качестве вещественного доказательства, не противоречит критерию законности вмешательства в осуществление права собственности, закрепленному в статье 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если она основана на национальном праве, применение которого в его содержательном истолковании компетентными судебными органами достаточно предсказуемо (постановление от 6 ноября 2008 года по делу «Исмаилов против России»).

Таким образом, отсутствие конфискации в перечне уголовных наказаний, установленных ныне действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает возможность принудительного прекращения по судебному решению права собственности на имущество в форме конфискации принадлежащих обвиняемому на праве собственности орудий преступления, иных средств его совершения, предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу (предметов преступления), что не освобождает федерального законодателя от обязанности соблюдать конституционные критерии допустимости такого ограничения права собственности, основанные на общеправовых принципах справедливости и соразмерности (пропорциональности).

4. Реализуя свои полномочия по регулированию отношений в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, вытекающие из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель - в силу ее статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) - правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения, обеспечивая тем самым как дифференциацию уголовной ответственности, так и восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследо-

ванию (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года N 16-П).

Завершение производства по уголовному делу в отношении конкретного лица - посредством вынесения приговора (обвинительного или оправдательного) либо определения или постановления о прекращении уголовного дела (как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям) - обязывает к окончательному определению в соответствующем итоговом решении и юридической судьбы вещественных доказательств, которые хранились до завершения производства по делу и не были ранее уничтожены, реализованы или возвращены законному владельцу. Этот вопрос, согласно части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, разрешается следующим образом: орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1); предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются (пункт 2); изъятые из незаконного оборота товары подлежат уничтожению (пункт 2.1); предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений могут быть переданы им (пункт 3); деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (пункт 4); деньги, ценности и иное имущество, указанные в пунктах «а» - «в» части первой статьи 104.1 УК Российской Федерации, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 данной части (пункт 4.1); документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их ходатайству (пункт 5); остальные предметы передаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства; споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (пункт 6).

Уголовный кодекс Российской Федерации, часть первая его статьи 104.1 в ныне действующей редакции, определяет конфискацию как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, указанного в данной статье, на основании обвинительного приговора. Что касается конфискации вещественных доказательств, то, по смыслу части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 104.1 УК Российской Федерации, такие имущественные объекты, как орудия или иные средства совершения преступления, которые в качестве вещественных доказательств обеспечивают выявление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, после завершения производства по данному делу, по существу, утрачивают свое процессуальное качество, но могут сохранять значимость как объекты вещного права (если только

они не запрещены к обращению и не изъяты из незаконного оборота) и как таковые подлежат конфискации, которая в этих случаях, имея целью удержание самого правонарушителя и других лиц от противозаконного использования принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием инкриминируемого лицу уголовно наказуемого деяния.

Следовательно, конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой - в контексте действующего уголовного законодательства - публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (как это имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях), а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания.

5. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах; в рамках уголовного судопроизводства это предполагает, по меньшей мере, установление на основе исследованных доказательств обстоятельств дела и их правильную правовую оценку; в целях обеспечения прав и законных интересов таких участников процесса, как обвиняемый и потерпевший, им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования (постановления от 2 февраля 1996 года N 4-П, от 17 июля 2002 года N 13-П, от 8 декабря 2003 года N 18-П, от 2 июля 2013 года N 16-П и др.).

Исходя из приведенной правовой позиции, основанной в том числе на статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой каждый человек, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, решение суда о конфискации имущества, в том числе признанного по уголовному делу вещественным доказательством, не может иметь формальный характер - оно должно основываться на непосредственном исследовании судом, а также сторонами, которые действуют на условиях полного равноправия, доказательств и фактических обстоятельств дела, что составляет содержание справедливого судебного разбирательства; такое решение, как правило, подлежит включению в итоговый судебный акт в качестве его составной части.

5.1. Обращаясь к вопросу о правовой природе прекращения уголовного преследования по нереабилити-

тирующим основаниям, гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых принимается такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений (постановления от 3 мая 1995 года N 4-П, от 28 октября 1996 года N 18-П, от 15 января 1999 года N 1-П, от 24 апреля 2003 года N 7-П, от 20 декабря 2010 года N 21-П, от 14 июля 2011 года N 16-П и др.) пришел к следующим выводам:

решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела - обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке, благодаря чему лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства;

прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, а значит, если обвиняемый (подсудимый) не возражает против прекращения уголовного преследования, нет оснований считать его права и законные интересы нарушенными решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности);

если лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность (в рамках предусмотренных статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации гарантий) судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию. Исходя из этого действующее законодательство не допускает прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, - в таком случае, как следует из части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Такой подход согласуется с обязанностью государства охранять достоинство личности (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения.

Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданином по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами. Поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт, т.е. систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия, в том числе определение судьбы вещественных доказательств в виде орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, выраженное обвиняемым (подсудимым) несогласие с возможным прекращением его права собственности на признанные вещественными доказательствами имущественные объекты как последствием прекращения уголовного дела - учитывая системный характер, неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений - равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом.

Соответственно, для прекращения уголовного дела по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, требуется отсутствие возражений обвиняемого (подсудимого) против применения данного основания с учетом юридических последствий относительно принадлежащего ему имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством. При этом - в силу общих принципов уголовного процесса, основанных на вытекающих из статей 19 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципах равенства и справедливости и нашедших отражение в том числе в части третьей статьи 78 УК Российской Федерации, - предполагается, что обвиняемый (подсудимый) не препятствует осуществлению законного уголовного преследования и не уклоняется от следствия или суда.

5.2. Конфискация как лишение собственника его имущества в смысле статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации предполагает только принудительное, т.е. вопреки воле собственника, его изъятие по решению суда. Если же собственник выражает свое согласие на изъятие принадлежащего ему имущества, то конфискация в значительной мере утрачивает свойство принудительности и, как следствие, свои существенные признаки во всей их полноте, превращаясь в исполнение заключенного между обвиняемым (подсудимым) и государством публично-правового соглашения *sui generis*, соотносимого по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству), в частности нашедшими отражение в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 17 сентября 1987 года R (87) 18 «Относительно упрощения проце-

дуры уголовного правосудия». В этом случае конституционное право собственности не нарушается.

В целях соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) и справедливости судебного разбирательства (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) последствия прекращения уголовного дела, включая предусмотренную частью третьей статьи 81 УПК Российской Федерации конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, должны быть ему предварительно разъяснены.

Соответственно, процедура прекращения уголовного дела судом по такому нереабилитирующему основанию, как истечение срока давности уголовного преследования, влекущего конфискацию принадлежащего обвиняемому (подсудимому) орудия или иных средств совершения преступления и тем самым - прекращение права собственности на них, а следовательно, лишение собственника его имущества, с необходимостью предполагает надлежащее информирование обвиняемого (подсудимого) о последствиях принятия такого решения, что позволит ему осознанно - в рамках гарантий, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством, - определить свою позицию по данному вопросу, равно как и в целом в отношении прекращения уголовного дела. Если после надлежащих разъяснений обвиняемый (подсудимый) выразит свое несогласие с прекращением его права собственности на указанное имущество, что означает невозможность прекращения уголовного дела, производство по данному делу должно продолжиться в общем порядке. В таком случае судебное разбирательство, в ходе которого уголовное дело разрешается по существу, может быть окончено вынесением обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания (часть восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации), при постановлении которого, согласно пункту 12 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации, судом разрешается и вопрос о судьбе вещественных доказательств, в том числе о конфискации орудий, оборудования и иных средств совершения преступления.

Данные требования распространяются и на случаи прекращения судом уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу предметов искусства и других культурных ценностей, представляющих собой - в силу своего значения для развития и сохранения национальной культуры - особый объект правового, в том числе международно-правового, регулирования. В частности, исходя из обязанности каждого государства охранять свое культурное достояние от опасностей криминального оборота, Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, от 14 ноября 1970 года предусматривает ряд мер противодействия подобной практике, включая контроль за вывозом и ввозом культурных ценностей, пресечение их незаконного перемещения и передачи права собственности, а также установление уголов-

ного или административного наказания для лиц, ответственных за нарушение предусмотренных данной Конвенцией запрещений. Соответственно, в контексте статей 35 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации обращенное к лицам, пересекающим таможенную границу, требование о предъявлении достоверной таможенной декларации направлено на предупреждение скрытых ввоза и вывоза культурных ценностей, а конфискационная мера как возможное следствие неисполнения этой обязанности является частью регулятивной системы, призванной бороться с подобными правонарушениями и отвечающей - в международно-правовом аспекте - общему интересу.

5.3. Таким образом, пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - предполагает, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено - при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

6. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости (постановления от 2 февраля 1996 года N 4-П, от 6 июля 1998 года N 21-П, от 14 февраля 2000 года N 2-П, от 11 мая 2005 года N 5-П, от 5 февраля 2007 года N 2-П, от 25 марта 2014 года N 8-П и др.).

Поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, подобная проверка применительно к производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как имеющему резервное значение дополнительному способу обеспечения их законности означает, по существу, возможность преодоления окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, федеральный законодатель, располагающий при осуществлении правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства на основе предписаний статей 2, 46 - 53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств России достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных мер по обеспечению прав всех участников уголовного процесса, призван соблюдать

баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей, учитывая при этом международно-правовое требование неопровержимости окончательных судебных решений в качестве общего правила, и устанавливая такие институциональные и процедурные условия их пересмотра, которые, исключая возможность необоснованного возобновления судебного разбирательства, использовались бы лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела, и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность.

Следовательно, при определении сроков, в пределах которых допускается обжалование судебных актов, вступивших в законную силу, федеральному законодателю надлежит исходить из того, что участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей; соответственно, пересмотр и отмена окончательного приговора, если это влечет ухудшение положения осужденного, должны быть обусловлены достаточно кратким сроком, с тем чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора (постановления от 17 июля 2002 года N 13-П, от 11 мая 2005 года N 5-П и от 5 февраля 2007 года N 2-П).

6.1. Регламентируя производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает следующие требования: основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (часть первая статьи 401.15); пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (статья 401.6).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28 января 2014 года N 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обратил внимание судов на то, что круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду существенного нарушения уголовного закона (неправильного его применения) и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, т.е. на правильность его разрешения по существу, в частности на вывод о виновности, на юридическую оценку соде-

янного, назначение судом наказания или применение иных мер уголовно-правового характера и на решение по гражданскому иску (пункт 20).

6.2. В развитие закрепленного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту его прав и свобод часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации предусматривает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (пункт 1), защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пункт 2).

По смыслу приведенных конституционных и уголовно-процессуальных положений, существо уголовного судопроизводства заключается в функционировании правового механизма (процессуальной формы) реализации материально-правовых норм как уголовного, так и - в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом, - гражданского и других отраслей права, а существо уголовного дела - не только в квалификации судом преступления, назначении вида и меры наказания, но и в принятии им всех обусловленных начатым уголовным преследованием решений материально-правового характера, которые суд выносит в совещательной комнате при постановлении приговора. Соответственно, понятие исхода уголовного дела охватывает и решение судом вопроса о конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества, признанного по делу вещественным доказательством.

При таких обстоятельствах признание кассационной инстанцией правильным и оставление без изменения постановления суда первой инстанции о прекращении уголовного дела и конфискации принадлежащего обвиняемому (подсудимому) имущества как орудия или иного средства совершения преступления после того, как оно было изменено в апелляционной инстанции, предписавшей передать данное имущество его законному владельцу, фактически означает возврат к санкции, наложенной судом первой инстанции, но впоследствии отмененной в пользу обвиняемого (подсудимого) апелляционной инстанцией, и, следовательно, может считаться объективно ухудшающим его положение по сравнению с тем, как оно было определено вступившим в законную силу решением апелляционной инстанции, а следовательно, подпадающим под действие установленного статьей 401.6 УПК Российской Федерации предельного (по существу, пресекающего) срока в один год для пересмотра приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

6.3. Таким образом, статья 401.6 УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных

основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в нем положения - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - предполагают, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено - при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

2. Признать статью 401.6 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым имущество, принадлежащее на законных основаниях обвиняемому (подсудимому), уголовное дело в отношении которого было прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанное в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

3. Конституционно-правовой смысл пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной, включая судебную, практике.

4. Судебные решения, вынесенные в отношении гражданина Певзнера Александра Евсеевича на осно-

Постановление Конституционного суда РФ от 10 марта 2017 г. N 6-П

вании пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 УПК Российской Федерации в истолковании, расхождении с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

В случае причинения вреда транспортному средству потерпевшему должны быть возмещены расходы на полное восстановление эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства.

Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции РФ взаимосвязанные положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают - исходя из принципа полного возмещения вреда - возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 10 марта 2017 г. N 6-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТАТЬИ 15, ПУНКТА 1 СТАТЬИ 1064, СТАТЬИ 1072
И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 1079 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ
ГРАЖДАН А.С. АРИНУШЕНКО, Г.С. БЕРЕСНЕВОЙ
И ДРУГИХ**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой, В.А. Реу-

това и О.Н. Середы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г. Ярославцева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю. Барщевского, а также представителей: от Верховного Суда Российской Федерации - судьи Верховного Суда Российской Федерации С.В. Астахова, от Министерства юстиции Российской Федерации - М.А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.А. Васильевой, от Центрального банка Российской Федерации - А.Г. Гузнова, от Всероссийского союза страховщиков - И.Ю. Юргенса, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Заявители по настоящему делу граждане А.С. Аринушенко, Г.С. Береснева, В.А. Реутов и О.Н. Середина оспаривают конституционность пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, согласно которому вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, и статьи 1072 данного Кодекса, согласно которой юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (статья 931, пункт 1 статьи 935 данного Кодекса), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Кроме того, граждане А.С. Аринушенко и Г.С. Береснева оспаривают конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

статьи 15, предусматривающей, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1); под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода); если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы,

право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 2);

пункта 1 статьи 1079, согласно которому юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего; владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 данного Кодекса.

1.1. Ленинский районный суд города Краснодара решением от 8 декабря 2015 года частично удовлетворил исковые требования А.С. Аринушенко к ОАО «Страховое общество «ЖАСО» и гражданину И. о взыскании страхового возмещения и возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 19 июля 2016 года данное решение в части взыскания ущерба с гражданина И. отменено, в иске А.С. Аринушенко в этой части отказано, в остальной части решение оставлено без изменения. Ссылаясь на разъяснения, содержащиеся в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015), в силу которых с причинителя вреда подлежит взысканию дополнительная сумма причиненного потерпевшему ущерба, рассчитываемая в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что оснований для взыскания с гражданина И. суммы причиненного ущерба не имеется, поскольку этот ущерб, исчисленный с учетом такого износа, был полностью возмещен страховой компанией.

Решением Динского районного суда Краснодарского края от 27 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 2 августа 2016 года, были частично удовлетворены исковые требования Г.С. Бересневой к ПАО СК «Росгосстрах» и гражданину Т. о взыскании страхового возмещения и ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, защите прав потребителя и компенсации морального вреда. Оставляя без удовлетворения требования истицы о доплате страхового возмещения и о взыскании с гражданина Т. суммы причиненного ущерба в размере разницы между ущербом, исчисленным без учета износа подлежащих замене деталей, и ущербом, исчисленным с учетом их износа, суды исходили из того, что страховое возмещение выплачено в достаточной для

производства восстановительного ремонта автомобиля истцы сумме, которая не превышает предельный размер страховой суммы, установленный статьей 7 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Прикубанский районный суд города Краснодара решением от 24 декабря 2015 года частично удовлетворил иски требования В.А. Реутова к ООО «Росгосстрах» и гражданке Б. о защите прав потребителя и взыскании ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Основываясь на выводах судебной автотехнической экспертизы, установившей, что сумма восстановительного ремонта автомобиля истца с учетом износа подлежащих замене деталей составляет 81 217,53 руб., а без учета износа - 120 510,74 руб., суд взыскал с ООО «Росгосстрах» (принимая во внимание выплаченное им страховое возмещение в размере 83 000 руб.) 12 017,5 руб. Исковые требования, предъявленные к гражданке Б., суд посчитал необоснованными исходя из того, что в данном случае сумма причиненного ущерба не превышает предельную сумму страхового возмещения, составляющую 120 000 руб., и в силу закона подлежит взысканию со страховой компании. С апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 7 апреля 2016 года, которым решение суда первой инстанции было изменено в части взыскания неустойки и компенсации морального вреда, в остальной части - оставлено без изменения, согласился судья Краснодарского краевого суда, отметивший в определении от 1 августа 2016 года, что суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований В.А. Реутова к гражданке Б., действовал правомерно, поскольку причиненный истцу ущерб в полном объеме взыскан с ООО «Росгосстрах» в пределах лимита ответственности страховой компании.

Решением Прикубанского районного суда города Краснодара от 16 июня 2015 года иски требования О.Н. Середы к ОСАО «Ингосстрах» и ООО «СИНГЕНТА» о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов были удовлетворены частично. Исходя из того что судебной автотехнической экспертизой было установлено, что сумма восстановительного ремонта принадлежащего истцу автомобиля с учетом износа подлежащих замене деталей составляет 170 476,14 руб., утрата товарной стоимости - 14 820 руб., а причиненный истцу ущерб частично возмещен, суд взыскал в его пользу сумму страхового возмещения в виде разницы между размером восстановительного ремонта (с учетом утраты товарной стоимости) и выплаченной страховой суммой. Оснований для удовлетворения исковых требований о взыскании с ООО «СИНГЕНТА» суммы ущерба в размере 19 973,89 руб. суд не нашел, указав, что причиненный истцу ущерб возмещен в полном объеме за счет страховой выплаты. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 25 августа 2015 года решение суда первой инстан-

ции оставлено без изменения. Определением судьи Краснодарского краевого суда от 20 ноября 2015 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2016 года в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции представителю О.Н. Середы отказано.

1.2. Как следует из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение оспариваемыми положениями Гражданского кодекса Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 15 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, граждане А.С. Аринушенко, Г.С. Береснева, В.А. Реутов и О.Н. Середа усматривают в том, что эти положения, допуская в силу присущей им неопределенности возможность возмещения лицом, виновным в совершении дорожно-транспортного происшествия, причиненного им имущественного вреда, исчисленного на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, ограничивают тем самым право собственника транспортного средства требовать полного возмещения вреда с его непосредственного причинителя.

Соответственно, положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности возмещения потерпевшему - владельцу транспортного средства вреда, причиненного ему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в размере, превышающем размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему страховой компанией.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (статья 17, часть 1), право частной собственности охраняется законом (статья 35,

часть 1), гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1), каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (статья 46, часть 1), государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (постановления от 14 мая 2012 года N 11-П и от 24 марта 2015 года N 5-П).

Указанные положения Конституции Российской Федерации обуславливают необходимость создания системы охраны права частной собственности, включая как превентивные меры, направленные на недопущение его нарушений, так и восстановительные меры, целью которых является восстановление нарушенного права или возмещение причиненного в результате его нарушения ущерба, а в конечном счете - приведение данного права в состояние, в котором оно находилось до нарушения, с тем чтобы создавались максимально благоприятные условия для функционирования общества и государства в целом и экономических отношений в частности.

Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий регулирование и защиту права частной собственности (статья 71, пункты «в», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс прав и обязанностей всех участников гражданского оборота в этой сфере с учетом вытекающего из ее статьи 17 (часть 3) требования о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации, называя в числе основных начал гражданского законодательства равенство участников регулируемых им отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (пункт 1 статьи 1), конкретизирует тем самым положения Конституции Российской Федерации, провозглашающие свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (статья 8, часть 1) и гарантирующие каждому право на свободное использование своих

способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1).

К основным положениям гражданского законодательства относится и статья 15 ГК Российской Федерации, позволяющая лицу, право которого нарушено, требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (пункт 1). Обязательства, возникающие из причинения вреда (деликтные обязательства), включая вред, причиненный имуществу гражданина при эксплуатации транспортных средств другими лицами, регламентируются главой 59 данного Кодекса, закрепляющей в статье 1064 общее правило, согласно которому в этих случаях вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1). В развитии приведенных положений Гражданского кодекса Российской Федерации его статья 1072 предусматривает необходимость возмещения потерпевшему разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба в случае, когда гражданская ответственность владельца транспортного средства была застрахована и страхового возмещения недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред.

Статья 1079 ГК Российской Федерации, устанавливающая правила возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, каких-либо специальных положений, отступающих от общего принципа полного возмещения вреда, не содержит, упоминая лишь о возможности освобождения судом владельца источника повышенной опасности от ответственности полностью или частично по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 данного Кодекса, т.е. если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, а также с учетом имущественного положения гражданина, являющегося причинителем вреда. Более того, пункт 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации - в изъятие из общего принципа вины - закрепляет, что ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, наступает независимо от вины причинителя вреда.

Деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, в том числе связанная с использованием источника повышенной опасности, обязывает осуществляющих ее лиц, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 4 октября 2012 года N 1833-О, к особой осторожности и осмотрительности, поскольку многократно увеличивает риск причинения вреда третьим лицам, что обуславливает введение правил, возлагающих на владельцев источников повышенной опасности - по сравнению с лицами, деятельность которых с повышенной опасностью не связана, - повышенное бремя ответственности за наступление неблагоприятных последствий этой деятельности, в основе которой лежит риск случайного причинения вреда.

В силу закрепленного в статье 15 ГК Российской Федерации принципа полного возмещения причиненных убытков лицо, право которого нарушено, может требовать возмещения расходов, которые оно произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, компенсации утраты или повреждения его имущества (реальный ущерб), а также возмещения неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Приведенное гражданско-правовое регулирование основано на предписаниях Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 35 (часть 1) и 52, и направлено на защиту прав и законных интересов граждан, право собственности которых оказалось нарушенным иными лицами при осуществлении деятельности, связанной с использованием источника повышенной опасности.

Применительно к случаю причинения вреда транспортному средству это означает, что в результате возмещения убытков в полном размере потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы его право собственности не было нарушено, т.е. ему должны быть возмещены расходы на полное восстановление эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства.

4. Принятый в целях дополнительной защиты права потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами, Федеральный закон от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» обязывает владельцев транспортных средств на условиях и в порядке, установленных данным Федеральным законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств (пункт 1 статьи 4), и одновременно закрепляет в качестве одного из основных принципов недопустимость использования на территории России транспортных средств, владельцы которых не исполнили установленную данным Федеральным законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности (абзац четвертый статьи 3). Обязанность владельцев транспортных средств осуществлять обязательное страхование своей гражданской ответственности вытекает также из пункта 3 статьи 16 Федерального закона от 10 декабря 1995 года N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

Введение института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, суть которого, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, состоит в распределении неблагоприятных последствий, связанных с риском наступления гражданской ответственности, на всех законных владельцев транспортных средств с учетом такого принципа обязательного страхования, как гарантия возмещения вреда, причиненного

жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», направлено на повышение уровня защиты права потерпевших на возмещение вреда; потерпевший является наименее защищенным из всех участников правоотношения по обязательному страхованию, поэтому - исходя из конституционного принципа равенства и тесно связанного с ним конституционного принципа справедливости - именно его права должны быть обеспечены специальными правовыми гарантиями (Постановление от 31 мая 2005 года N 6-П, Определение от 6 июля 2010 года N 1082-О-О); возлагая на владельцев транспортных средств обязанность страховать риск своей гражданской ответственности в пользу лиц, которым может быть причинен вред, федеральный законодатель тем самым закрепляет возможность во всех случаях, независимо от материального положения причинителя вреда, гарантировать потерпевшему возмещение вреда в пределах, установленных законом (Определение от 21 февраля 2008 года N 120-О-О).

Обязанность по страхованию риска своей гражданской ответственности исполняется владельцем транспортного средства путем заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, т.е., согласно абзацу восьмому статьи 1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», договора страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы). На основании такого договора потерпевший реализует свое право на возмещение вреда, причиненного ему владельцем транспортного средства, путем получения от страховщика страховой выплаты. Для случаев же, когда риск гражданской ответственности в форме обязательного и (или) добровольного страхования владельцем транспортного средства не застрахован, названный Федеральный закон предписывает ему возмещать вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в соответствии с гражданским законодательством (пункт 6 статьи 4), т.е., как следует из пункта 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации, в полном объеме.

4.1. Порядок определения размера страховой выплаты и порядок ее осуществления закреплены в статье 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: так, размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего определяется в случае полной гибели имущества - в размере его действительной стоимости на день наступления страхового случая за вычетом стоимости годных остатков, а в случае повреждения имущества - в размере расходов, необходимых для приведения его в состояние, в котором оно

находилось до момента наступления страхового случая (пункт 18); к указанным расходам относятся также расходы на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, расходы на оплату работ, связанных с таким ремонтом; размер расходов на запасные части определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте; при этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости; размер расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта транспортного средства, расходов на оплату связанных с таким ремонтом работ и стоимость годных остатков определяются в порядке, установленном Банком России (пункт 19).

В целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его восстановительного ремонта статья 12.1 данного Федерального закона предписывает проведение независимой технической экспертизы, которая, как и судебная экспертиза транспортного средства, назначаемая в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях определения размера страховой выплаты потерпевшему и (или) стоимости восстановительного ремонта транспортного средства в рамках договора обязательного страхования, проводится с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утверждаемой Банком России (пункты 1, 3 и 6).

Предусматривая максимальный размер страховой выплаты, на которую вправе рассчитывать потерпевший в случае причинения ему вреда, расчет размера подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае повреждения имущества с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства, порядок определения размера расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, и проведения независимой технической и судебной экспертиз транспортного средства с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, федеральный законодатель - с учетом специфики соответствующих отношений и исходя из принципов эффективности, целесообразности и экономической обоснованности - обозначил пределы, в которых путем осуществления страховщиком страховой выплаты потерпевшему гарантируется возмещение вреда, причиненного его жизни, здоровью или имуществу.

Введение Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» правила, в соответствии с которым страховщик при наступлении страхового случая обязуется возместить потерпевшему причиненный вред не в полном объеме, а лишь в пределах указанной в его статье 7 страховой суммы (в части

возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, - 500 тысяч руб., в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, - 400 тысяч руб.) и с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, направлено на обеспечение баланса экономических интересов всех участвующих в страховом правоотношении лиц, на доступность цены договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также на предотвращение противоправных внеюрисдикционных механизмов разрешения споров по возмещению вреда и не может рассматриваться как не отвечающее вытекающим из статей 17 (часть 3), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требованиям.

4.2. Давая в Постановлении от 31 мая 2005 года N 6-П оценку Федеральному закону «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в целом исходя из его взаимосвязи с положениями главы 59 ГК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: требование потерпевшего (выгодоприобретателя) к страховщику о выплате страхового возмещения (об осуществлении страховой выплаты) в рамках договора обязательного страхования является самостоятельным и отличается от требований, вытекающих из обязательств вследствие причинения вреда; выплату страхового возмещения обязан осуществить непосредственно страховщик, причем наступление страхового случая, влекущее такую обязанность, само по себе не освобождает страхователя от гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим за причинение ему вреда; различия в юридической природе и целевом назначении вытекающей из договора обязательного страхования обязанности страховщика по выплате страхового возмещения и деликтного обязательства обуславливают и различия в механизмах возмещения вреда в рамках соответствующих правоотношений; смешение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, приводит к подмене одного гражданско-правового института другим и может повлечь неблагоприятные последствия для стороны, в интересах которой он устанавливался, в данном случае - потерпевшего (выгодоприобретателя), и тем самым ущемление его конституционных прав и свобод.

Приведенные правовые позиции, из которых следует, что институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, введенный в действующее законодательство с целью повышения уровня защиты прав потерпевших при причинении им вреда при использовании транспортных средств иными лицами, не может подменять собой институт деликтных обязательств, регламентируемый главой 59 ГК Российской Федерации, и не может приводить к снижению размера возмещения вреда, на которое вправе рассчитывать потерпевший на основании общих положений гражданского законодательства, получили свое развитие в последующих решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

В частности, как следует из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года N 855-О-О, от 22 декабря 2015 года N 2977-О, N 2978-О и N 2979-О, положения Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», определяющие размер расходов на запасные части с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, а также предписывающие осуществление независимой технической экспертизы и судебной экспертизы транспортного средства с использованием единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, не препятствуют возмещению вреда непосредственным его причинителем в соответствии с законодательством Российской Федерации, если размер понесенного потерпевшим фактического ущерба превышает размер выплаченного ему страховщиком страхового возмещения. С этим выводом согласуется и положение пункта 23 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», согласно которому с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным Федеральным законом.

4.3. Таким образом, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств является мерой защиты прав потерпевшего при эксплуатации иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности, гарантирующей во всяком случае в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», возмещение потерпевшим причиненного вреда и способствующей более оперативному его возмещению страховой организацией, выступающей в гражданско-правовых отношениях в качестве профессионального участника экономического оборота, обладающего для этого необходимыми средствами.

При этом следует иметь в виду, что законодательство об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулирует исключительно данную сферу правоотношений (что прямо следует из преамбулы Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также из преамбулы Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной Центральным банком Российской Федерации 19 сентября 2014 года) и обязательства вследствие причинения вреда не регулирует: в данном случае страховая выплата, направленная на возмещение причиненного вреда, осуществляется страховщиком на основании договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и в соответствии с его условиями.

Вместе с тем названный Федеральный закон, как специальный нормативный правовой акт, не исключает распространение на отношения между потер-

певшим и лицом, причинившим вред, общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах из причинения вреда. Следовательно, потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие причиненного ему фактического ущерба вправе рассчитывать на восполнение образовавшейся разницы за счет лица, в результате противоправных действий которого образовался этот ущерб, путем предъявления к нему соответствующего требования. В противном случае - вопреки направленности правового регулирования деликтных обязательств - ограничивалось бы право граждан на возмещение вреда, причиненного им при использовании иными лицами транспортных средств.

5. По смыслу вытекающих из статьи 35 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 и 52 гарантий права собственности, определение объема возмещения имущественного вреда, причиненного потерпевшему при эксплуатации транспортного средства иными лицами, предполагает необходимость восполнения потерь, которые потерпевший объективно понес или - принимая во внимание в том числе требование пункта 1 статьи 16 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», согласно которому техническое состояние и оборудование транспортных средств должны обеспечивать безопасность дорожного движения, - с неизбежностью должен будет понести для восстановления своего поврежденного транспортного средства.

Как показывает практика, размер страховой выплаты, расчет которой производится в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов, может не совпадать с реальными затратами на приведение поврежденного транспортного средства - зачастую путем приобретения потерпевшим новых деталей, узлов и агрегатов взамен старых и изношенных - в состояние, предшествовавшее повреждению. Кроме того, предусматривая при расчете размера расходов на восстановительный ремонт транспортного средства их уменьшение с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов и включая в формулу расчета такого износа соответствующие коэффициенты и характеристики, в частности срок эксплуатации комплектующего изделия (детали, узла, агрегата), данный нормативный правовой акт исходит из наиболее массовых, стандартных условий использования транспортных средств, позволяющих распространить единые требования на типичные ситуации, а потому не учитывает объективные характеристики конкретного транспортного средства применительно к индивидуальным особенностям его эксплуатации, которые могут иметь место на момент совершения дорожно-транспортного происшествия.

Между тем замена поврежденных деталей, узлов и агрегатов - если она необходима для восстановления эксплуатационных и товарных характеристик поврежденного транспортного средства, в том числе с учетом требований безопасности дорожного движения, - в большинстве случаев сводится к их замене на новые

детали, узлы и агрегаты. Поскольку полное возмещение вреда предполагает восстановление поврежденного имущества до состояния, в котором оно находилось до нарушения права, в таких случаях - притом что на потерпевшего не может быть возложено бремя самостоятельного поиска деталей, узлов и агрегатов с той же степенью износа, что и у подлежащих замене, - неосновательного обогащения собственника поврежденного имущества не происходит, даже если в результате замены поврежденных деталей, узлов и агрегатов его стоимость выросла.

Соответственно, при исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты).

Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения; размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества (пункт 13).

5.1. Положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации - по их конституционно-правовому смыслу в системе мер защиты права собственности, основанной на требованиях статей 7 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации и вытекающих из них гарантий полного возмещения потерпевшему вреда, - не предполагают, что правила, предназначенные исключительно для целей обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, распространяются и на деликтные отношения, урегулированные указанными законоположениями.

Иное означало бы, что потерпевший лишился бы возможности возмещения вреда в полном объеме с непосредственного причинителя в случае выплаты в пределах страховой суммы страхового возмещения, для целей которой размер стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства определен на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства

с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов. Это приводило бы к несоразмерному ограничению права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, к нарушению конституционных гарантий права собственности и права на судебную защиту. При этом потерпевшие, которым имущественный вред причинен лицом, чья ответственность застрахована в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, ставились бы в худшее положение не только по сравнению с теми потерпевшими, которым имущественный вред причинен лицом, не исполнившим обязанность по страхованию риска своей гражданской ответственности, но и вследствие самого введения в правовое регулирование института страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств - в отличие от периода, когда вред во всех случаях его причинения источником повышенной опасности подлежал возмещению по правилам главы 59 ГК Российской Федерации, т.е. в полном объеме.

5.2. В контексте конституционно-правового предназначения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», как регулирующий иные - страховые - отношения, и основанная на нем Единая методика определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не могут рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера убытков в рамках деликтных обязательств и, таким образом, не препятствуют учету полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, при рассмотрении конкретного дела суд обязан исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением одних лишь формальных условий применения нормы; иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным (постановления от 6 июня 1995 года N 7-П, от 13 июня 1996 года N 14-П, от 28 октября 1999 года N 14-П, от 22 ноября 2000 года N 14-П, от 14 июля 2003 года N 12-П, от 12 июля 2007 года N 10-П и др.). Оценка доказательств, позволяющих, в частности, определить реальный размер возмещения вреда, и отражение ее результатов в судебном решении является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия и вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, что, однако, не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации сами по себе не ограничивают круг доказательств, которые потерпевшие могут предъявлять для определе-

ния размера понесенного ими фактического ущерба. Соответственно, поскольку размер расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства определяется на основании Единой методики лишь в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и только в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а произведенные на ее основании подсчеты размера вреда в целях осуществления страховой выплаты не всегда адекватно отражают размер причиненного потерпевшему фактического ущерба и, следовательно, не могут служить единственным средством для его определения, суды обязаны в полной мере учитывать все юридически значимые обстоятельства, позволяющие установить и подтвердить фактически понесенный потерпевшим ущерб.

5.3. Таким образом, положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования (во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств») предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, потерпевшему, которому по указанному договору страховой организацией выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, имущественного вреда исходя из принципа полного его возмещения, если потерпевшим представлены надлежащие доказательства того, что размер фактически понесенного им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

Иное приводило бы к нарушению гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации прав потерпевших, имуществу которых был причинен вред при использовании иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности.

Вместе с тем, в силу вытекающих из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьи 55 (часть 3), принципов справедливости и пропорциональности (соразмерности) и недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушений прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3) регулирование подобного рода отношений требует обеспечения баланса интересов потерпевшего, намеренного максимально быстро, в полном объеме и с учетом требований безопасности восстановить поврежденное транспортное средство, и лица, причинившего вред, интерес которого состоит в том, чтобы возместить потерпевшему лишь те расходы, необходимость осуществления

которых непосредственно находится в причинно-следственной связи с его противоправными действиями.

Это означает, что лицо, к которому потерпевшим предъявлены требования о возмещении разницы между страховой выплатой и фактическим размером причиненного ущерба, не лишено права ходатайствовать о назначении соответствующей судебной экспертизы, о снижении размера подлежащего выплате возмещения и выдвигать иные возражения. В частности, размер возмещения, подлежащего выплате лицом, причинившим вред, может быть уменьшен судом, если ответчиком будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ исправления таких повреждений подобного имущества. Кроме того, такое уменьшение допустимо, если в результате возмещения причиненного вреда с учетом стоимости новых деталей, узлов, агрегатов произойдет значительное улучшение транспортного средства, влекущее существенное и явно несправедливое увеличение его стоимости за счет лица, причинившего вред (например, когда при восстановительном ремонте детали, узлы, механизмы, которые имеют постоянный нормальный износ и подлежат регулярной своевременной замене в соответствии с требованиями по эксплуатации транспортного средства, были заменены на новые).

Установление подобного рода обстоятельств является прерогативой суда, который в силу присущих ему дискреционных полномочий, необходимых для осуществления правосудия и вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, разрешает дело на основе установления и исследования всех его обстоятельств, что, однако, не предполагает оценку судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают - исходя из принципа полного возмещения вреда - возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

2. Правоприменительные решения по делам граждан Аринушенко Андрея Сергеевича, Бересневой Галины Семеновны, Реутова Валерия Александровича и Середы Олега Николаевича, основанные на положениях статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном законом порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого) не лишает потерпевших возможности защиты их прав и законных интересов.

Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции РФ взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого):

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 2 марта 2017 г. N 4-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 3 ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 24,
ПУНКТА 1 СТАТЬИ 254 И ЧАСТИ ВОСЬМОЙ СТАТЬИ 302
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАН В.Ю. ГЛАЗКОВА И В.Н. СТЕПАНОВА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Заявители по настоящему делу граждане В.Ю. Глазков и В.Н. Степанов оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», согласно которому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования;

пункта 1 статьи 254 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании», согласно которому суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в том числе в случаях, если во время судебного разбирательства будет установлено обстоятельство, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного Кодекса;

части восьмой статьи 302 «Виды приговоров», согласно которой если основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного Кодекса, обнаруживается в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Как следует из приложенных к жалобе материалов, уголовные дела, возбужденные в отношении С.В. Артемова и В.Н. Моторина по факту дорожно-транспортного происшествия, имевшего место в 2007 году, в 2013 году по окончании предварительного расследования были переданы в Приморский районный суд Санкт-Петербурга для рассмотрения по существу. Начатое в ноябре 2013 года судебное разбирательство по каждому из этих дел осуществлялось в течение двух с половиной лет и завершилось их прекращением на основании пункта 3 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации в связи с истечением шестилетнего срока давности уголовного преследования. При этом в отношении С.В. Артемова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи 266 УК Российской Федерации (выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства, повлекший по неосторожности смерть двух лиц), решение было принято в подготовительной части судебного заседания, а в отношении В.Н. Моторина, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью пятой статьи 264 УК Российской Федерации (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц), - в ходе судебного следствия. Признанные по данным уголовным делам потерпевшими В.Ю. Глазков и В.Н. Степанов против прекращения уголовного преследования указанных лиц возражали и, полагая необходимым рассмотреть эти уголовные дела по существу с вынесением приговора, обжаловали решения Приморского районного суда Санкт-Петербурга в апелляционном порядке.

Санкт-Петербургский городской суд постановление о прекращении уголовного дела в отношении С.В. Артемова признал законным и обоснованным (апелляционное постановление от 6 сентября 2016 года), а постановление о прекращении уголовного преследования В.Н. Моторина отменил как незаконное и необоснованное и направил дело на новое рассмотрение

со стадии судебного разбирательства (апелляционное постановление от 7 сентября 2016 года), поскольку пришел к выводу, что в данном деле подлежала применению часть восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации, согласно которой в случае, когда к моменту постановления приговора истекает срок давности уголовного преследования, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания. Президиум Санкт-Петербургского городского суда, рассмотрев кассационную жалобу адвоката В.Н. Моторина и кассационное представление заместителя прокурора Санкт-Петербурга, отменил апелляционное постановление от 7 сентября 2016 и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение. Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 24 января 2017 года решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга о прекращении уголовного преследования В.Н. Моторина в связи с истечением срока давности оставлено без изменения.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 2, 18, 46 (часть 1), 49 (часть 1), 52 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, граждане В.Ю. Глазков и В.Н. Степанов усматривают в том, что они позволяют суду выносить решение о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования на основании ходатайства подсудимого и при возражении потерпевших на стадии судебного разбирательства, не принимая во внимание требование, предписывающее в случае обнаружения оснований для прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. Тем самым, по мнению заявителей, потерпевшие лишаются возможности реализовать свое право на доступ к правосудию и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования на их основании судом разрешается вопрос о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, честь и доброе имя каждого и в этих целях гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 46, части 1 и 2).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предписания Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статьи 2 и 18; статья 19, части 1 и 2; статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 52) предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Такой подход соотносится с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года), закрепляющими право лиц, которым был причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающих национальные уголовные законы («жертвы»), на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (пункты 1 и 4) и обязывающими государство содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункт 6).

Исходя из этого устанавливаемые федеральным законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны, как того требует Конституция Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона; при этом государство - хотя при наличии соответствующих оснований и условий оно может отказаться от осуществления уголовного преследования виновного - не освобождается от возложенной на него Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 52, обязанности гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года N 7-П, от 8 декабря 2003 года N 18-П, от 11 мая 2005 года N 5-П, от 16 октября 2012 года N 22-П и др.).

Вместе с тем - в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 24 апреля 2003 года N 7-П, вытекающая из Конституции Российской Федерации, в частности ее статьи 52, обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обуславливает наделение его правом предопределять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, - такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Равным образом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами; гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, - решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя (Постановление от 11 ноября 2014 года N 28-П; определения от 16 ноября 2006 года N 493-О, от 17 ноября 2009 года N 1427-О-О, от 23 марта 2010 года N 388-О-О, от 10 марта 2016 года N 457-О и др.).

3. Правосудие в Российской Федерации согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, в том числе посредством уголовного судопроизводства, в рамках которого государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, обеспечивая им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами; осуществляя соответствующее правовое регулирование на основании статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, относящей уголовное и уголовно-процессуальное законодательство к ведению Российской Федерации, федеральный законодатель в силу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации вправе как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года N 16-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года N 860-О-О, от 16 июля 2013 года N 1226-О и др.).

В этих целях федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий, предусмотрел в Уголовном кодексе Российской Федерации основания отказа от уголовного преследования определенной категории лиц и прекращения в отношении них уголовного преследования, включая такое нереабилитирующее основание, как истечение сроков давности уголовного преследования. Закрепляя в статье 78 данного Кодекса правило, согласно которому лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, определяемых в зависимости от тяжести преступления и исчисляемых со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу (части первая и вторая), федеральный законодатель, реализуя в уголовном судопроизводстве принцип гуманизма, исходил из нецелесообразности применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года N 1220-О, от 5 июня 2014 года N 1309-О и др.).

Необходимые в таких случаях уголовно-процессуальные условия и порядок применения норм уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела при выявлении оснований, предусмотренных статьей 78 УК Российской Федерации, установлены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, согласно пункту 3 части первой статьи 24 и пункту 1 статьи 254 которого орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, в зависимости от стадии, на которой было выявлено истечение срока давности, отказывают в возбуждении уголовного дела или прекращают его.

3.1. Касаясь вопросов, связанных с последствиями истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 октября 1996 года N 18-П, а также в определениях от 2 ноября 2006 года N 488-О и от 15 января 2008 года N 292-О-О пришел к следующим выводам:

отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. Подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются;

с учетом особенностей правовой природы института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности частью второй статьи 27 УПК Российской Федерации определяется,

что прекращение уголовного преследования по этому основанию возможно лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого (подсудимого), в связи с чем в рамках реализации гарантируемых статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации прав ему должно обеспечиваться продолжение производства по делу и тем самым судебная защита прав и свобод, а при наличии к тому оснований - реабилитация;

получение согласия обвиняемого (подсудимого) является обязательным условием для принятия - до завершения в установленном порядке судебного разбирательства - решения о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности. В противном случае ему должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на судебную защиту, что осуществимо лишь при проведении полноценного судебного разбирательства, в ходе которого должны быть установлены обстоятельства произошедшего, дана их правильная правовая оценка, выявлены конкретный вред, причиненный обществу и отдельным лицам, а также действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Иное - в нарушение статей 49 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации - лишило бы данного участника уголовного судопроизводства возможности добиваться своей реабилитации;

если в результате судебного разбирательства, продолженного по требованию обвиняемого (подсудимого), будет установлена его вина в совершении инкриминируемого ему преступления, вынесение постановления о прекращении уголовного дела ввиду истечения сроков давности становится невозможным и суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в порядке части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации, но не от уголовной ответственности.

Таким образом, осуществляя правовое регулирование института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности, федеральный законодатель, будучи связанным конституционными требованиями о судебной защите прав и свобод человека и гражданина и одновременно наделенный дискреционными полномочиями по определению ее способов и процедур, исходил из того, что положения части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации распространяются исключительно на случаи, когда прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности в порядке статьи 254 данного Кодекса невозможно в силу части второй его статьи 27, не допускающей прекращения уголовного преследования по данному основанию, если обвиняемый (подсудимый) против этого возражает; применение части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации может иметь место, если обвиняемый (подсудимый) настаивает на продолжении производства по уголовному делу, что предполагает проведение полноценного судебного разбирательства, завершающегося постановлением приговора как акта правосудия. Что касается потерпевшего, то его согласие на прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности не является необходимым условием при принятии соответствующего решения.

Основанная на взаимосвязанных положениях пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации судебная практика также исходит из того, что при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, указанного в пункте 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, суд прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование только при условии согласия на это обвиняемого (подсудимого). При этом, как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», не имеет значения, в какой момент производства по делу истекли сроки давности уголовного преследования, если в результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по указанному основанию будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (пункт 25); кроме того, в соответствии с пунктом 1 части второй статьи 389.17 УПК Российской Федерации налицо существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее безусловную отмену приговора, если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование (пункт 27).

3.2. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в ряде его решений, выявление в ходе судебного разбирательства наличия оснований для прекращения уголовного дела, в частности установление того, что с момента совершения преступления прошел срок, указанный в части первой статьи 78 УК Российской Федерации, не препятствует потерпевшему в случае обоснованного сомнения в правильности исчисления этого срока представить свои возражения против прекращения уголовного преследования и не освобождает суд от необходимости исследовать представленные сторонами по данному делу доводы, проверить наличие достаточных для его прекращения условий, в том числе путем обеспечения потерпевшему возможности отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов и доказывать отсутствие оснований для прекращения дела, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела - оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом судебном порядке (постановления от 28 октября 1996 года N 18-П, от 24 апреля 2003 года N 7-П и от 8 декабря 2003 года N 18-П; определения от 24 февраля 2005 года N 91-О, от 19 июня 2007 года N 591-О-О, от 5 июня 2014 года N 1534-О и др.).

Тем самым потерпевшим как лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства, в том числе в отношении соблюдения предусмотренных статьей 6.1 УПК Российской Федерации разумных сроков уголовного судопроизводства

как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства, в случае нарушения которых они не лишены возможности обратиться за компенсацией, предусмотренной Федеральным законом от 30 апреля 2010 года N 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, заявители по настоящему делу также не были лишены возможности изложить свою позицию в ходе судебного разбирательства соответствующих уголовных дел и обжаловали постановления об их прекращении в вышестоящий суд.

При формировании способов защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений федеральным законодателем используется не только механизм уголовно-процессуального регулирования. В частности, применительно к возмещению вреда, причиненного гражданину в результате совершения преступления, в главе 59 ГК Российской Федерации, регламентирующей обязательства вследствие причинения вреда - как материального, так и морального, особо выделена ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (статья 1079).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, а потерпевший имеет возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности (определения от 16 июля 2009 года N 996-О-О, от 20 октября 2011 года N 1449-О-О, от 28 мая 2013 года N 786-О, от 5 марта 2014 года N 589-О, от 24 июня 2014 года N 1458-О и др.). В таких случаях, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 24 апреля 2003 года N 7-П, суд - в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом - обязан обеспечить потерпевшему процессуальные гарантии реализации его прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Кроме того, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в том же Постановлении, потерпевшим - исходя из признания за ними процессуального равенства при восстановлении в правах как путем уголовного судопроизводства, так и путем гражданского судопроизводства - должны обеспечиваться равные условия, включая оказание содействия со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения вреда в результате противоправного деяния. В частности, при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении ущерба, причиненного подвергнутым уголовному преследованию лицом, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся

в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71 ГПК Российской Федерации должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые он обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. При этом оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае несогласия с ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим.

Возможность обратиться в суд с соответствующими исковыми требованиями к владельцу транспортного средства как источника повышенной опасности (Санкт-Петербургскому государственному унитарному дорожному специализированному предприятию «Коломяжское») имелась и у заявителей по настоящему делу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого):

потерпевший, если у него имеются обоснованные сомнения в правильности исчисления срока давности уголовного преследования, вправе представить свои возражения против прекращения уголовного дела, которые должны быть исследованы судом, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела - оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом порядке;

для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности, а обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба; при этом потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения такого ущерба;

суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск о возмещении ущерба, причиненного потерпевшим уголовному преследованию, должен принять данные предварительного расследования, включая сведения, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств, которые - наряду с другими имеющимися в деле доказательствами - он обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании;

потерпевший не лишен возможности обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Доставление в отделение полиции гражданина, осуществляющего одиночное пикетирование, не противоречит Конституции РФ, поскольку направлено на защиту его жизни и здоровья.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 17 марта 2017 г. N 8-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПОЛОЖЕНИЯ ПУНКТА 13 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 13
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОЛИЦИИ»
В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА В.И. СЕРГИЕНКО**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.И. Сергиенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту 13 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывающийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угро-

зы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом, - с составлением протокола в порядке, установленном данным Федеральным законом.

1.1. Гражданин В.И. Сергиенко 1 мая 2015 года в 15.00 начал одиночный пикет, который сотрудники полиции потребовали прекратить в 15.25. В 15.40 сотрудниками полиции было осуществлено принудительное препровождение заявителя в служебное помещение отдела полиции, куда он был доставлен в 15.55 и где был составлен протокол о его доставлении. В 16.50 В.И. Сергиенко был отпущен из отдела полиции без составления протокола об административном правонарушении и без предъявления ему каких-либо обвинений.

Решением Октябрьского районного суда города Белгорода от 4 февраля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Белгородского областного суда от 28 апреля 2016 года, в удовлетворении требований В.И. Сергиенко о признании незаконными действий сотрудников полиции по прекращению проводимого им одиночного пикета путем доставления его в помещение отдела полиции, содержанию в нем, а также о возмещении ему в связи с указанными действиями морального вреда отказано.

Оставляя искивые требования В.И. Сергиенко без удовлетворения, суды исходили из того, что дальнейшее проведение им одиночного пикетирования могло спровоцировать противоправные действия в отношении него со стороны лиц, не разделяющих его взгляды, и создать угрозу безопасности граждан. В своих решениях суды указали, что при проведении заявителем одиночного пикета назревала реальная угроза его жизни и здоровью, возможность расправы с ним и именно с целью устранения такой угрозы он был доставлен в помещение отдела полиции. При этом тот факт, что В.И. Сергиенко не был впоследствии привлечен к административной ответственности, сам по себе не означает, что оспариваемые действия сотрудников полиции были незаконными и нарушили его права и законные интересы, поскольку должностные лица отдела полиции не могли заранее знать результат, которым закончится рассмотрение обстоятельств события.

Нарушение пунктом 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» своих прав, гарантированных статьями 22 (часть 1) и 31 Конституции Российской Федерации, В.И. Сергиенко усматривает в том, что данное законоположение допускает прекращение законного одиночного пикетирования посредством доставления участника пикета в отделение полиции под предлогом защиты от угрозы его жизни и здоровью вместо защиты участника пикета в случае появления такой необходимости в месте проведения пикета.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, применен-

ным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановления только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, пункт 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той части, в какой на его основании разрешается вопрос о возможности доставления сотрудниками полиции гражданина в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение с целью защиты от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасения невозможно избежать иным способом при проведении им одиночного пикетирования.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31). Данное право, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 18 мая 2012 года N 12-П, от 14 февраля 2013 года N 4-П, от 13 мая 2014 года N 14-П и от 10 февраля 2017 года N 2-П; определения от 2 апреля 2009 года N 484-О-П, от 7 июля 2016 года N 1428-О и др.), является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в Российской Федерации как демократическом правовом государстве, в числе основ конституционного строя которого признаются идеологическое и политическое многообразие и многопартийность и на котором лежит обязанность обеспечивать защиту, включая судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 1, часть 1; статья 2; статья 13, части 1 и 3; статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 64 Конституции Российской Федерации).

Во взаимосвязи с иными правами и свободами, гарантированными Конституцией Российской Федерации, прежде всего ее статьями 21, 22, 29, 30, 32 и 33, указанное право обеспечивает гражданам реальную возможность посредством проведения публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на деятельность органов публичной власти и тем самым способствовать поддержанию мирного диалога между гражданским обществом и государством, что не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государ-

ственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом.

Законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному контролю за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. Право на проведение публичных мероприятий может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, предопределяемыми требованиями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, т.е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Такой подход согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе закрепленными во Всеобщей декларации прав человека, согласно пункту 1 статьи 20 которой каждый человек имеет право на свободу мирных собраний, и в Международном пакте о гражданских и политических правах, статья 21 которого, признавая право на мирные собрания, допускает введение обоснованных его ограничений, налагаемых в соответствии с законом и необходимых в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Право на свободу мирных собраний определено также в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод как не подлежащее никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Европейский Суд по правам человека в своей практике исходит из того, что в демократическом обществе свобода собраний является фундаментальным правом и наряду со свободой мысли, совести и религии составляет основу такого общества (постановления от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции», от 20 февраля 2003 года по делу «Джавит Ан (Djavit An) против Турции», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России» и др.); оно касается как закрытых, так и публичных собраний, а равно собраний в определенном месте и публичных шествий и может осуществляться отдельными их участниками и организаторами (постановление от 31 марта 2005 года по делу «Адали (Adali) против Турции»); государство, в свою очередь, должно воздерживаться от применения произвольных мер, могущих нарушить это право (постановление от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России»).

Вмешательство публичных властей в свободу мирных собраний, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько законных целей, упомянутых в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения одной из этих целей, расценивается Европейским Судом по правам человека как нарушение данной статьи (постановление от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России»); более того, реальное уважение свободы собраний не может быть сведено просто к обязанности невмешательства со стороны государства в осуществление права, защищаемого статьей 11 Конвенции, - напротив, оно может быть дополнено позитивным обязательством обеспечивать эффективную реализацию этого права (постановления от 2 июля 2002 года по делу «Уилсон и Национальный союз журналистов (Wilson and the National Union of Journalists) и другие против Соединенного Королевства», от 20 октября 2005 года по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» (Ouranio Toxo) и другие против Греции» и от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России»), при этом органам государственной власти важно проявить надлежащую степень терпимости по отношению к мирным собраниям (постановления от 7 октября 2008 года по делу «Ева Мольнар (Eva Molnar) против Венгрии», от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации», от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против Российской Федерации»).

Таким образом, гарантированное Конституцией Российской Федерации и названными международно-правовыми актами как составной частью правовой системы Российской Федерации (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации) право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, не являясь абсолютным, может быть ограничено федеральным законом, который должен обеспечивать возможность полноценной реализации указанного права и одновременно - соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц - с другой, исходя из необходимости государственной защиты прав и свобод всех лиц (как участвующих, так и не участвующих в публичном мероприятии) путем введения разумных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, а также защиты названных лиц от возникающих угроз их правам, жизни и здоровью.

3. Порядок организации и проведения гражданами одиночного пикетирования, как и других форм публичных мероприятий, определен Федеральным законом от 19 июня 2004 года N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Согласно указанному Федеральному закону пикетирование - форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем

размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстро-возводимые сборно-разборные конструкции (пункт 6 статьи 2); организаторами пикетирований могут быть один или несколько граждан Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет (часть 1 статьи 5); не могут быть организатором пикетирования: лицо, признанное судом недееспособным либо ограниченно дееспособным, а также лицо, содержащееся в местах лишения свободы по приговору суда (пункт 1 части 2 статьи 5); лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления против основ конституционного строя и безопасности государства или преступления против общественной безопасности и общественного порядка либо два и более раза привлекавшееся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.38, 19.3, 20.1 - 20.3, 20.18 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в течение срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (пункт 1.1 части 2 статьи 5); уведомление о пикетировании, осуществляемом одним участником, не требуется, если этот участник не предполагает использовать быстро-возводимую сборно-разборную конструкцию (часть 1.1 статьи 7); пикетирования могут проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если их проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия; условия запрета или ограничения проведения публичного мероприятия в отдельных местах могут быть конкретизированы федеральными законами (часть 1 статьи 8); пикетирование не может начинаться ранее 7 часов и заканчиваться позднее 22 часов текущего дня по местному времени, за исключением публичных мероприятий, посвященных памятным датам России, публичных мероприятий культурного содержания (статья 9). При этом названный Федеральный закон устанавливает исчерпывающий перечень оснований приостановления и прекращения публичных мероприятий (статьи 15 и 16).

Приведенное законодательное регулирование предусматривает достаточные нормативные условия для того, чтобы такая форма публичного мероприятия, как одиночное пикетирование, использовалась гражданами практически без ограничений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года N 4-П).

4. Обязанность по обеспечению надлежащих условий для организации и проведения гражданами публичных мероприятий, прав, свобод, безопасности граждан и общественного порядка при их проведении возложена на соответствующие исполнительные органы государственной власти и органы местного самоуправления (статьи 12 - 14 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»), в том числе на органы внутренних дел, включая полицию, предназначение которой состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных гражд-

дан, лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечении общественной безопасности; полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств (части 1 и 2 статьи 1 Федерального закона «О полиции»).

Полиция защищает права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; ее деятельность, направленная на ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц, допустима только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом (часть 2 статьи 6, часть 1 статьи 7 Федерального закона «О полиции»).

Согласно Федеральному закону «О полиции» действия сотрудников полиции должны быть обоснованными и понятными для граждан; при обращении к гражданину, в том числе проводящему одиночное пикетирование, сотрудник полиции обязан: назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения; в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина; сотрудник полиции в случае обращения к нему гражданина обязан назвать свои должность, звание, фамилию, внимательно его выслушать, принять соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъяснить, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса (части 4 и 5 статьи 5, часть 2 статьи 9).

В соответствии с частью 1 статьи 12 указанного Федерального закона на полицию, в частности, возлагаются следующие обязанности: прибывать незамедлительно на место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов преступления, административного правонарушения, происшествия (пункт 2); обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах (пункт 5); обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок (пункт 6).

Для выполнения возложенных на нее обязанностей полиция предоставляется ряд прав, в числе которых

закрепленное оспариваемым законоположением право доставлять граждан в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом.

Указанная деятельность полиции предполагает надлежащую защиту организаторов и участников мирных публичных мероприятий от возможных неправомерных действий любых лиц, пытающихся оказать на них давление, затруднить или сорвать соответствующее мероприятие.

Согласно Руководящим принципам по свободе мирных собраний (приняты Венецианской комиссией на 83-м пленарном заседании, Венеция, 4 июня 2010 года) действия по охране порядка при проведении собраний должны соответствовать принципам прав человека - законности, необходимости, соразмерности и недискриминации - и должны соответствовать действующим нормам в области прав человека; в частности, государства имеют позитивную обязанность принимать необходимые разумные меры, позволяющие проводить мирные собрания без опасений, что их участники могут подвергнуться физическому насилию; сотрудники правоохранительных органов должны также защищать участников мирного собрания от любого лица или группы лиц (в том числе от агентов-provokаторов и несогласных с демонстрантами), которые пытаются каким-либо способом сорвать данное собрание или затруднить его проведение; задержание следует применять только в наиболее сложных ситуациях, когда неприменение этой меры может привести к совершению тяжких уголовных преступлений (пункт 5.3 раздела А, пункт 108 раздела В).

Данная позиция применима и к мирному одиночному пикетированию, которое порой может вызывать негативную реакцию иных лиц и их попытки, направленные на воспрепятствование проведению пикетирования. При этом действия полиции по защите осуществляющих пикетирование граждан, иных лиц от возникающих угроз их правам, жизни, здоровью, общественному порядку должны быть соразмерны характеру и степени названных угроз.

5. Закрепленное оспариваемым законоположением право полиции доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, с составлением протокола о доставлении в порядке, установленном частями 14 и 15 статьи 14 Федерального закона «О полиции», представляет собой меру административного принуждения, направленную исключительно на защиту прав и законных интересов как доставляемых, так и иных лиц.

Следовательно, применение уполномоченными лицами этой меры к участникам мирных публичных

мероприятий при очевидном отсутствии названных оснований не соответствует конституционно-правовому смыслу данного регулирования и, таким образом, может приводить к неправомерному ограничению конституционного права на проведение указанных мероприятий, влекущему установленную законом ответственность.

5.1. Конституционный Суд Российской Федерации применительно к такой мере обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как доставление, указывал, что эта мера - в контексте содержащихся в законе предписаний об условиях, целях и основаниях ее применения в конкретных обстоятельствах уполномоченными должностными лицами - не может быть произвольной, не учитывающей соразмерность объема ограничений прав лица с действительной необходимостью, диктуемой обстоятельствами дела, а также возможность практического достижения цели, ради которой избирается данная мера, с соблюдением разумных пределов продолжительности ее применения в отношении максимального объема прав, которые могут быть при этом ограничены (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года N 149-О-О).

Приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации полностью распространяется и на предусмотренное оспариваемым законоположением доставление граждан сотрудниками полиции в соответствующее служебное помещение в целях их защиты от непосредственной угрозы их жизни и здоровью в случае, если они не способны позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом. Законодательное закрепление указанной меры, ее толкование и применение на практике должно соответствовать требованиям статей 22, 27 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а иное чревато превращением ее в незаконное лишение лица свободы. Произвольное применение данной меры по отношению к проводящему одиночное пикетирование гражданину, притом что его результатом оказывается фактическое приостановление или даже прекращение этого мероприятия, нарушает конституционное право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31 Конституции Российской Федерации).

Европейский Суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц (постановления от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии» (N 3), от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray)

против Соединенного Королевства» и от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmach) против Франции» (N 3).

Европейский Суд по правам человека считает, что статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит о физической свободе лица; ее цель - гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишен свободы в смысле данной статьи (постановление от 25 июня 1996 года по делу «Амиур (Amuur) против Франции»). В оценке обстоятельств конкретных жалоб Европейский Суд по правам человека исходил из того, что само по себе лишение свободы не обязательно является нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции, но перечень исключений из права на свободу, гарантируемого в данном пункте, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений соответствует цели данного положения, а именно обеспечению того, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (постановления от 25 сентября 2003 года по делу «Василева (Vasileva) против Дании», от 9 марта 2006 года по делу «Менешева против Российской Федерации», от 24 июня 2008 года по делу «Фока (Foka) против Турции», от 21 июня 2011 года по делу «Шимоволос против Российской Федерации», от 3 ноября 2011 года по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации» и др.).

Обосновывая этот подход в постановлении от 12 января 2010 года по делу «Гиллен и Кинтон (Gillan and Quinton) против Соединенного Королевства», Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что при определении того, был ли кто-то «лишен свободы» в смысле статьи 5, точкой отсчета должна быть его конкретная ситуация, при этом следует учитывать весь спектр критериев, таких как вид, длительность, последствия и способ применения рассматриваемой меры; различие между лишением и ограничением свободы состоит тем не менее лишь в степени или суровости, а не в природе или сущности.

Отступление от указанных критериев, в полной мере распространяющихся на институт доставления как меры административного принуждения, направленной на защиту прав и законных интересов как доставляемых, так и иных лиц, создавало бы предпосылки для неправомерного ограничения права на свободу как в контексте статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и статьи 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

5.2. Предусмотренное оспариваемым законоположением доставление граждан сотрудниками полиции в соответствующее служебное помещение в целях их защиты от непосредственной угрозы их жизни и здоровью в случае, если они не способны позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, подразумевает, что угроза жизни и здоровью гражданина в месте его нахождения является реальной, а не предполагаемой, выражаясь в высоком риске причинения вреда его жизни и здоровью в результате его собственных действий, действий иных лиц или проявления природных, техногенных и других факторов. При этом сотруднику полиции должно быть очевидно, что названной угрозы невозможно

избежать иным способом, кроме как посредством доставления гражданина в соответствующее служебное помещение, что подлежит отражению в протоколе доставления.

Так, при возникновении непосредственной угрозы жизни и здоровью гражданина, осуществляющего одиночное пикетирование, сотрудники полиции вправе прибегнуть к указанной мере его защиты только в случае, когда у них отсутствует объективная возможность иными законными действиями устранить данную угрозу или противостоять ей без прекращения пикетирования, притом что гражданин отказывается от перемещения его в другое (помимо служебного помещения территориального органа или подразделения полиции, помещения муниципального органа, иного служебного помещения) безопасное место, либо когда препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является в имеющихся условиях единственным способом избежать причинения вреда его жизни и здоровью.

В то же время в этом случае само по себе несогласие осуществляющего на законных основаниях одиночное пикетирование гражданина с доставлением его сотрудниками полиции в соответствующее служебное помещение в целях защиты его жизни и здоровья не может рассматриваться как его неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, влекущее за собой ответственность, установленную статьей 19.3 КоАП Российской Федерации, если для этого нет иных оснований.

Законодатель не устанавливает конкретный срок предусматриваемого оспариваемым законоположением доставления гражданина в соответствующее служебное помещение с составлением протокола о таком доставлении, поскольку невозможно предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и (или) техническое состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и др.). Вместе с тем указанная мера должна осуществляться в максимально короткий срок.

После составления протокола о доставлении, если основания для применения к нему данной меры отпали, гражданин, с учетом требования части 2 статьи 5 Федерального закона «О полиции», подлежит незамедлительному освобождению. Продолжение его принудительного удержания в таком случае приобретает признаки произвольного лишения лица свободы, нарушающего право каждого на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции Российской Федерации, статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Гражданин, не согласный с применением к нему сотрудниками полиции доставления в соответствующее служебное помещение и (или) полагающий, что этим ему причинен вред, вправе оспорить применение данной меры в судебном порядке. При этом в силу статьи 33 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции, независимо от замещаемой должности, несет ответственность за свои действия (бездействие) и отдаваемые приказы и распоряжения; вред, причинен-

ный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» о доставлении полицией гражданина в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях его защиты от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, в части его распространения на проводящего одиночное пикетирование гражданина не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - в силу предписаний Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, - оно подразумевает, что:

угроза жизни и здоровью такого гражданина в месте проведения пикета является реальной, а не предполагаемой, выражаясь в высоком риске причинения вреда его жизни и здоровью в результате его собственных действий, действий иных лиц или проявления природных, техногенных и других факторов;

у сотрудников полиции отсутствует объективная возможность иными законными действиями устранить данную угрозу или противостоять ей без прекращения пикетирования, притом что гражданин отказывается от перемещения его в другое (помимо служебного помещения территориального органа или подразделения полиции, муниципального органа, иного служебного помещения) безопасное место, либо препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является в имеющихся условиях единственным способом избежать причинения вреда его жизни и здоровью;

указанное доставление осуществляется в максимально короткий срок и после составления протокола о доставлении, если основания для применения к нему данной меры отпали, гражданин подлежит незамедлительному освобождению;

применение полицией данной меры к гражданам, проводящим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии названных оснований к ее применению может расцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий, влекущее установленную законом ответственность.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. В соответствии с частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Сергиенко Владимира Ивановича, основанные на пункте 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

По мнению Конституционного Суда РФ, лишение мужчин старше шестидесяти пяти лет права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных не имеет разумного и достаточного обоснования.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 16 марта 2017 г. N 7-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 2 ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 30
И ПУНКТА 1 ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ 31
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 57
И ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 59 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНИНА В.Д. ЛАБУСОВА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.Д. Лабусова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации суд первой инстанции по ходатайству обвиняемого рассматривает в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, указанных в пункте 1 части третьей статьи 31 данного Кодекса (за исключением ряда составов преступлений из предусмотренных статьями

131, 132, 134, 212, 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации), которым, в свою очередь, устанавливается подсудность уголовных дел верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду.

Регулируя подсудность уголовных дел данным судам, пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 23 июля 2013 года N 217-ФЗ и с учетом изменений, внесенных федеральными законами от 5 мая 2014 года N 130-ФЗ и от 8 марта 2015 года N 47-ФЗ) предписывает им рассмотрение дел об указанных в этом законоположении преступлениях, за исключением уголовных дел, по которым в соответствии с уголовным законом в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Данные виды наказаний в силу части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации не назначаются женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

1.1. Заявитель по настоящему делу гражданин В.Д. Лабусов при ознакомлении по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «в» части второй статьи 105 УК Российской Федерации (убийство при отягчающих обстоятельствах), ходатайствовал о рассмотрении дела в областном суде с участием присяжных заседателей. Уголовное дело было направлено прокурором в Ростовский областной суд для рассмотрения по существу, однако постановлением судьи этого суда от 2 декабря 2015 года передано по подсудности в Ворошиловский районный суд города Ростова-на-Дону.

Принимая такое решение, судья указал, что согласно пункту 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации областному суду подсудны уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, кроме тех, по которым не могут быть назначены в качестве наиболее строгого наказания пожизненное лишение свободы и смертная казнь; к мужчинам, достигшим шестидесятипятилетнего возраста, эти наказания в силу статей 57 и 59 УК Российской Федерации не применяются; на момент же поступления уголовного дела В.Д. Лабусова в суд ему исполнилось шестьдесят семь лет, а потому дело подлежит рассмотрению районным судом по месту совершения преступления.

Приговором Ворошиловского районного суда города Ростова-на-Дону от 6 апреля 2016 года, частично измененным апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 25 мая 2016 года, В.Д. Лабусов осужден по пункту «а» части второй статьи 105 УК Российской Федерации к 12 годам 9 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок один год. 22 июля 2016 года судья Ростовского областного суда отказал стороне защиты в передаче кассационной жалобы для

рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации В.Д. Лабусов утверждает, что положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 данного Кодекса, а также частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, как исключающие возможность рассмотрения судом в составе судьи областного или равного ему по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесяти пяти лет и обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, нарушают права, гарантируемые статьями 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации уже являлся предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации как не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу Уголовного кодекса Российской Федерации не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, и признан соответствующим Конституции Российской Федерации, поскольку им определяется подсудность таких дел исключительно на основании закона, с учетом особенностей производства по делам несовершеннолетних и установленных для них дополнительных процессуальных гарантий, включая право на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей и расширенные возможности апелляционного обжалования (Постановление от 20 мая 2014 года N 16-П). Вместе с тем позднее Конституционный Суд Российской Федерации признал положения данного пункта не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации ими исключается возможность

рассмотрения судом в составе судьи областного или равного ему по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, притом что дело по обвинению мужчины в таком преступлении при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе (Постановление от 25 февраля 2016 года № 6-П).

Применительно же к случаю, когда к уголовной ответственности по части второй статьи 105 УК Российской Федерации привлекается мужчина, достигший шестидесяти пяти лет, а потому ему в силу положений данного Кодекса в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы и смертная казнь, конституционность уголовно-процессуального регулирования в части лишения его возможности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей Конституционный Суд Российской Федерации не оценивал.

Соответственно, положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации они исключают возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации.

2. Право каждого на судебную защиту его прав и свобод, как основное неотчуждаемое право человека, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, части 1 и 2; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации). Одной из основополагающих гарантий права на судебную защиту и его неперменной составляющей является закрепленное статьей 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Право на законный суд, по смыслу статей 20 (часть 2), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, включает и право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в предусмотренных федеральным законом случаях. Регулирование данного права, как следует из указанных статей Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), является дискрецией федерального законодателя, правомочного определять, в каких, помимо закрепленного в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, случаях суд с участием присяжных заседателей может выступать в качестве законного суда по тем уго-

ловным делам, которые отнесены к соответствующей категории федеральным законом.

Исходя из этого и учитывая, что в России сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого - принимая во внимание международно-правовую тенденцию и обязательства, взятые на себя государством, - уже длительное время действует запрет на назначение смертной казни, напрямую связываемое Конституцией Российской Федерации (статья 20, часть 2) с предоставлением обвиняемым в особо тяжких преступлениях против жизни права на суд с участием присяжных заседателей, и происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-П), рассмотрение уголовных дел таким судом не является неперменным условием реализации обвиняемым конституционного права на судебную защиту.

Соответственно, определение федеральным законом подсудности уголовных дел, включая подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, а равно изменение ранее установленной подсудности не могут расцениваться как ограничивающие доступ к правосудию и затрагивающие само существо права на законный суд. Вместе с тем - учитывая, что в силу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 19 апреля 2010 года № 8-П и от 20 мая 2014 года № 16-П) судопроизводство с участием присяжных заседателей как конституционно одобряемый способ участия граждан в отправлении правосудия, в ходе которого не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно разрешает вопрос о виновности подсудимого, - федеральный законодатель не вправе, игнорируя требования статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена, в том числе по отношению к отдельным категориям обвиняемых. В Постановлении от 25 февраля 2016 года № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил высказанную им ранее правовую позицию, согласно которой дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при дифференциации процессуальных форм судебной защиты, конкретизируя предписания статей 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 46 (часть 1), 47 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации относительно суда с участием присяжных заседателей как законного состава суда по уголовным делам той или иной категории, действовать правомерно, с тем чтобы не допустить несоразмерно-ограничения прав и свобод человека и гражданина, сохранить баланс конституционных ценностей при со-

блюденности принципа правовой определенности и безусловном обеспечении гарантированного Конституцией Российской Федерации равноправия.

Именно принцип равенства, как он сформулирован в статье 19 Конституции Российской Федерации, закрепляющей равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств (части 1 и 2), наделяющей мужчину и женщину равными правами и свободами и равными возможностями для их реализации (часть 3), носит универсальный характер, находит свое отражение в международно-правовых актах и оказывает, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений, выступая конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года N 7-П, от 5 апреля 2007 года N 5-П, от 16 июля 2007 года N 12-П, от 26 февраля 2010 года N 4-П, от 25 февраля 2016 года N 6-П и др.).

При этом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в ряде его решений, Конституция Российской Федерации не ограничивает перечень признаков, по которым исключается дискриминация граждан, а, напротив, предполагает его дальнейшую конкретизацию как в законодательстве, так и в правоприменительной практике; возраст также не может расцениваться как основание для дискриминационных ограничений (постановления от 4 февраля 1992 года N 2-П-3, от 23 мая 1995 года N 6-П, от 23 декабря 1999 года N 18-П, от 27 декабря 1999 года N 19-П, от 19 февраля 2002 года N 5-П и др.).

3. Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что предусмотренные частью второй статьи 57 УК Российской Федерации ограничения в назначении пожизненного лишения свободы, связанные с неприменением этого наказания к женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, не исключают их уголовную ответственность, а обеспечивают ее индивидуализацию исходя из принципа гуманизма; данные ограничения не влияют на назначение другим категориям лиц, совершивших преступления, наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляют тем самым их права и, следовательно, не являются дискриминационными (определения от

21 октября 2008 года N 638-О-О, от 23 июня 2009 года N 898-О-О, от 19 октября 2010 года N 1382-О-О, от 18 октября 2012 года N 1925-О, от 25 февраля 2013 года N 294-О, от 16 июля 2013 года N 1145-О, от 24 сентября 2013 года N 1428-О, от 20 февраля 2014 года N 376-О и от 29 сентября 2016 года N 1913-О).

В постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 24 января 2017 года по делу «Хамтоху и Аксенчик против России» также отмечается, что российское законодательство, не предусматривающее назначение уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы мужчинам, достигшим шестидесятипятилетнего возраста, не нарушает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод в части дискриминации по возрастному признаку.

3.1. Право на справедливое судебное разбирательство в равной мере гарантируется всем лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, в том числе достигшим пожилого возраста, который сам по себе не создает препятствий в пользовании правами, но может быть принят во внимание - исходя из объективных и субъективных факторов, с ним связанных, - при законодательном регулировании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации исключает назначение мужчинам, достигшим шестидесяти лет, такого вида наказания, как принудительные работы, а шестидесяти пяти лет - назначение пожизненного лишения свободы и смертной казни (часть седьмая статьи 53.1, часть вторая статьи 57 и часть вторая статьи 59), предполагает возможность признания пожилого возраста обстоятельством, смягчающим наказание (статья 61), его учета при принятии решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (статья 79). Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации прямо предписывает учитывать возраст подозреваемого или обвиняемого при избрании мер пресечения как наиболее строгих ограничений их прав (статья 99), не препятствуя учету пожилого возраста и при изменении или отмене меры пресечения (статья 110). При этом сам по себе пожилой возраст привлекаемого к уголовной ответственности лица не влияет на предмет доказывания по уголовному делу (статья 73 УПК Российской Федерации) и применение иных институтов уголовного процесса.

Нормы международного права также не содержат в качестве общепризнанного требования специальной процессуальной формы в отношении пожилых лиц, в отличие от производства по делам несовершеннолетних. Однако возраст участника судопроизводства признан имеющим процессуальное значение, в частности, Европейским Судом по правам человека в постановлении от 9 марта 2004 года по делу «Яблонская (Jablonska) против Польши», в котором указано, что к началу судебной тяжбы о возвращении заявительнице недвижимого имущества, национализированного у членов ее семьи до Второй мировой войны, она достигла семидесяти одного года и это требовало особого усердия от судов в рассмотрении ее дела; данным решением констатировано нарушение права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного заяви-

тельнице пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Следовательно, обстоятельства, обусловленные пожилым возрастом, такие как ослабленное здоровье, сложности в адаптации к переменам и др., влекут обязанность государства обеспечить поддержку данной категории граждан прежде всего в социальной сфере; пожилой возраст подозреваемых и обвиняемых подлежит учету на основе материально-правовых и процессуальных норм, но сам по себе не обуславливает введение особых процедур государственной защиты их прав, в том числе не предполагает дифференциацию уголовно-процессуальной формы, включая порядок судебного разбирательства по уголовному делу. В этом аспекте лишение мужчин старше шестидесяти пяти лет права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в ситуации, когда лица в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет вправе ходатайствовать о рассмотрении аналогичных дел таким судом, не имеет разумного и достаточного обоснования, в отличие от законодательного решения в отношении лиц, не достигших восемнадцати лет, которое, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 мая 2014 года N 16-П, обусловлено требованиями всестороннего учета особенностей их личности, тщательного исследования всех данных о несовершеннолетнем, что сопряжено с ограничением гласности судопроизводства, соблюдением конфиденциальности судебного процесса и основных процессуальных гарантий на всех его этапах и не может быть в полной мере обеспечено при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, предполагающем согласно части восьмой статьи 335 УПК Российской Федерации исследование данных о личности подсудимого лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, притом что отсутствие возможности рассмотрения дела несовершеннолетнего таким судом компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями.

3.2. В силу предписаний пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации в их системной связи с соответствующими положениями уголовного закона уголовное дело о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК Российской Федерации и совершенном мужчиной, достигшим шестидесятипятилетнего возраста, как не относящееся к подсудности областного или равного ему по уровню суда, ни при каких условиях не может быть рассмотрено судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, в то время как мужчина старше восемнадцати, но моложе шестидесяти пяти лет, а равно женщина в возрасте от восемнадцати лет и старше, в том числе достигшая шестидесятипятилетнего возраста, обвиняемые в совершении такого же преступления, при аналогичных условиях имеют право на рассмотрение их дела данным составом суда. Более того, уголовное дело в отношении мужчины, достигшего шестидесяти пяти лет и обвиняемого в убийстве при отягчающих обстоятельствах, подлежит рассмотрению районным судом, названные же категории подсудимых (мужчины в воз-

расте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет и женщины старше восемнадцати лет) в той же ситуации имеют право выбора между судом с участием присяжных заседателей, судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции либо коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции, причем их уголовные дела любым из этих составов рассматриваются в областном или равном ему по уровню суде.

Данное регулирование влечет лишенную каких-либо конституционно-правовых оснований невозможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, что приводит к его дискриминации как по возрастному, так и по гендерному признаку при осуществлении им права на судебную защиту. Следовательно, подобная дифференциация подсудности уголовных дел, вытекающая из положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, не отвечает принципу юридического равенства, ограничивает мужчин, достигших возраста шестидесяти пяти лет, в реализации права на законный суд и, в конечном счете, права на равную с иными лицами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

4. Таким образом, положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, как исключющие в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 данного Кодекса, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, - притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет, а также женщины старше восемнадцати лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе, - не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4).

Согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 года N 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» часть вторая статьи 30 УПК Российской Федерации дополнена пунктом 2.1, вводящим новый для отечественного законодательства состав суда, а именно судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей. К подсудности суда в таком составе отнесено рассмотрение по ходатайству обвиняемого уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, по которым в соответствии с уголовным законом в каче-

стве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 105 и частью четвертой статьи 111 данного Кодекса. Приведенное положение уголовно-процессуального закона вступает в силу с 1 июня 2018 года (часть 2 статьи 2 Федерального закона от 23 июня 2016 года N 190-ФЗ).

Тем самым федеральный законодатель расширил применение института присяжных заседателей путем предоставления обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений против личности по уголовным делам, которые относятся к подсудности судов районного уровня, права ходатайствовать о рассмотрении их дел судьей такого суда и коллегией из шести присяжных заседателей. К подсудности суда в данном составе отнесены уголовные дела о ряде преступлений, включая предусмотренные частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы и смертная казнь, - безотносительно к половозрастным и иным характеристикам лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

С учетом этого и в целях соблюдения баланса конституционно значимых ценностей, в силу требований правовой определенности и обеспечения стабильности правоотношений в интересах субъектов права, недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), а также принимая во внимание принцип неизменности состава суда (статья 242 УПК Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает необходимым впредь до вступления в силу указанного правового регулирования определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

уголовные дела по обвинению достигших шестидесятипятилетнего возраста мужчин в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления настоящего Постановления в силу, подлежат рассмотрению в соответствии с правилами о подсудности и составе суда, которые применяются к совершеннолетним лицам, не достигшим шестидесяти пяти лет; если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению не подлежат (за исключением уголовного дела гражданина В.Д. Лабусова), в том числе в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет, а также женщины старше восемнадцати лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе.

2. Правоприменительные решения, принятые по уголовному делу гражданина Лабусова Виктора Дмитриевича, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Отказ от наследства с обязательством другого наследника выплатить денежную сумму за причитающуюся долю в наследственном имуществе противоречит закону, так как отказ от наследства под условием не допускается.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 31 января 2017 г. N 41-КГ16-42

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего Кликушина А.А., судей Рыженкова А.М. и Юрьева И.М.

рассмотрела в открытом судебном заседании дело по иску Касьяненко Д.В. к Касьяненко Е.В. о признании недействительным отказа от наследства

по кассационной жалобе Касьяненко Е.В. на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24 марта 2016 года.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Кликушина А.А., объяснения представителей Касьяненко Е.В. - Меншикова А.С. и Тарасенко М.Б., поддержавших доводы кассационной жалобы, возражения относительно доводов кассационной жалобы представителя Касьяненко Д.В. - Гришина Р.В.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Касьяненко Д.В. обратился в суд с иском к Касьяненко Е.В. о признании недействительным отказа от наследства. В обоснование иска Касьяненко Д.В. указал, что 2 сентября 2015 года умер его отец Касьяненко В.М., наследниками после смерти которого являются супруга Касьяненко Е.В., дочь Касьяненко А.В. и он. 6 октября 2015 года Касьяненко Е.В. в нотариальной конторе уговорила истца написать отказ от наследства в ее пользу под условием выплаты стоимости причитающейся ему доли в праве на наследство в денежном выражении. Касьяненко Д.В. написал отказ от наследства, который был зарегистрирован в реестре, и сразу же после этого было нотариально удостоверено и зарегистрировано в реестре обязательство Касьяненко Е.В. о выплате истцу в денежном выражении причитающейся ему доли в наследстве, открывшемся после смерти Касьяненко В.М. В этот же день Касьяненко Д.В., осознав неправомерный характер своего отказа от наследства, направил нотариусу заявление о принятии наследства. Указывая на то, что отказ от наследства был обусловлен выплатой Касьяненко Е.В. стоимости причитающейся ему в наследстве доли, то есть его воля не была направлена на безусловный отказ от наследства, что противоречит требованиям закона, ввиду чего Касьяненко Д.В. обратился в суд с настоящими требованиями.

Решением Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 23 декабря 2015 года в удовлетворении иска отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24 марта 2016 года решение суда первой инстанции отменено и по делу вынесено новое решение об удовлетворении иска.

В кассационной жалобе Касьяненко Е.В. ставится вопрос об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24 марта 2016 года, как незаконного.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Кликушина А.А. от 16 сентября 2016 года кассационная жалоба заявителя с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не находит оснований для ее удовлетворения и отмены обжалуемого судебного постановления в кассационном порядке.

Согласно статье 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений норм права судом апелляционной инстанции при рассмотрении данного гражданского дела не допущено.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 2 сентября 2015 года умер отец истца Касьяненко В.М. (л.д. 8).

Наследниками после смерти Касьяненко В.М. являются его супруга Касьяненко Е.В. (л.д. 33), дочь Касьяненко А.В. (л.д. 31) и сын Касьяненко Д.В. (л.д. 32).

2 октября 2015 года Касьяненко Е.В. обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства (л.д. 27).

В этот же день (2 октября 2015 года) Касьяненко А.В. отказалась от наследства в пользу матери Касьяненко Е.В. (л.д. 28).

6 октября 2015 года Касьяненко Д.В. отказался от наследства в пользу Касьяненко Е.В., которая, в свою очередь, в этот же день (6 октября 2015 года) оформила нотариально заверенное обязательство о выплате Касьяненко Д.В. стоимости доли в наследстве, которая причиталась бы ему по закону в случае принятия им наследства после смерти Касьяненко В.М., а также о приобретении для него на указанные денежные средства автомобиля.

Разрешая спор по существу и отказывая в иске Касьяненко Д.В., суд первой инстанции исходил из того, что в отказе от наследства, оформленном Касьяненко Д.В. у нотариуса 6 октября 2015 г., не были указаны какие-либо условия, при наличии которых истец отказывается от наследства, данный отказ не противоречит закону, не содержит ни условий, ни оговорок, совершен в установленном порядке, доказательств, подтверждающих, что воля Касьяненко Д.В. на отказ

от наследства была нарушена, представлено не было. Кроме того, суд первой инстанции указал на то, что обязательства Касьяненко Е.В. оформлены уже после совершения Касьяненко Д.В. отказа от наследства, в связи с этим указанные истцом обязательства не являются взаимообусловленными.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, и принимая по делу новое решение об удовлетворении заявленного Касьяненко Д.В. требования, исходил из того, что совместные последовательные действия Касьяненко Д.В. и Касьяненко Е.В., совершенные в один и тот же день у одного и того же нотариуса, свидетельствуют о наличии между сторонами предварительной договоренности о том, что отказ Касьяненко Д.В. от наследства будет обусловлен выплатой ему со стороны ответчика денежной компенсации. В связи с этим суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что отказ от наследства был совершен Касьяненко Д.В. под условием, что противоречит требованиям п. 2 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации и является основанием для признания его недействительным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что выводы суда апелляционной инстанции являются правильными.

Статьей 1157 Гражданского кодекса РФ предусмотрено право наследника отказаться от наследства в пользу других лиц (статья 1158) или без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества. Наследник вправе отказаться от наследства в течение срока, установленного для принятия наследства (статья 1154), в том числе в случае, когда он уже принял наследство. Отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно.

Согласно статье 1158 названного кодекса отказ от наследства с оговорками или под условием не допускается.

Из материалов дела видно, что Касьяненко Д.В. совершил отказ от причитающейся доли в наследстве по закону после умершего отца Касьяненко В.М. в пользу супруги наследодателя - Касьяненко Е.В., подав 6 февраля 2015 года соответствующее заявление временно исполняющему обязанности нотариуса Ларионовой А.Ф. - Ларионову Д.А., данное нотариальное действие было зарегистрировано в реестре нотариуса под N 2-4535 (л.д. 10, 37). В этот же день в присутствии нотариуса Касьяненко Е.В. составила письменное обязательство, согласно которому обязалась после получения свидетельства о праве на наследство на имущество умершего Касьяненко В.М. выплатить Касьяненко Д.В. стоимость доли в наследстве, которая причиталась бы ему по закону в случае принятия им наследства после смерти Касьяненко В.М., а также приобрести для него из указанных денежных средств транспортное средство. Это обязательство было удостоверено нотариусом Ларионовым Д.А. и зарегистрировано в реестре под N 2-4537 (л.д. 11, 37).

Принимая во внимание данные обстоятельства, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что совместные последовательные действия Касьяненко Д.В. и Касьяненко Е.В., совершенные в один и тот же день,

у одного и того же нотариуса, свидетельствуют о наличии между сторонами предварительной договоренности о том, что отказ истца от наследства будет обусловлен выплатой ему со стороны ответчика денежной компенсации, то есть волеизъявление Касьяненко Д.В. не было направлено на безусловный и безоговорочный отказ от наследства. Об этом, по мнению суда апелляционной инстанции, свидетельствует буквальное содержание выданного Касьяненко Е.В. письменного обязательства, составленного и зарегистрированного в реестре нотариуса непосредственно после совершения Касьяненко Д.В. отказа от наследства и фактически обусловленного таковым.

В соответствии с пунктом 2 статьи 307 Гражданского кодекса РФ обязательства возникают из договоров и других сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в настоящем кодексе.

Согласно статье 328 Гражданского кодекса РФ встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств (пункт 1).

Таким образом, отказ Касьяненко Д.В. от наследства был обусловлен обязательством Касьяненко Е.В. выплатить истцу денежную сумму за причитающуюся ему долю в наследственном имуществе, тогда как отказ от наследства под условием в соответствии с требованиями статьи 1158 Гражданского кодекса РФ не допускается.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции правомерно отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об удовлетворении требований Касьяненко Д.В.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не находит предусмотренных статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации оснований для отмены обжалуемого судебного постановления по доводам кассационной жалобы Касьяненко Е.В.

Руководствуясь статьями 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24 марта 2016 года оставить без изменения, кассационную жалобу Касьяненко Е.В. - без удовлетворения.

Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 27 февраля 2017 г. N 301-ЭС16-16279

Резолютивная часть определения объявлена 16.02.2017.

Полный текст определения изготовлен 27.02.2017.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего судьи Разумова И.В., судей Капкаева Д.В. и Корнелюк Е.С. -

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационные жалобы Федеральной налоговой службы в лице УФНС России по Владимирской области и общества с ограниченной ответственностью «Теплотека» на определение Арбитражного суда Владимирской области от 26.02.2016 (судья Баганов Д.А.), постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2016 (судьи Протасов Ю.В., Захарова Т.А. и Рубис Е.А.) и постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.09.2016 (судьи Елисеева Е.В., Каширская Н.А., Ногтева В.А.) по делу N А11-9381/2015.

В заседании приняли участие конкурсный управляющий закрытым акционерным обществом «ЭНБИМА Групп» Витчуков Н.М., а также представители:

Федеральной налоговой службы - Лебедева С.Г. (по доверенности от 25.03.2016), Степанов О.С. (по доверенности от 30.03.2016), Чекмышев К.Н. (по доверенности от 11.11.2016);

общества с ограниченной ответственностью «Теплотека» - Варина Н.А. (по доверенности от 10.10.2016), Чекулаев Д.П. (по доверенности от 28.09.2015);

общества с ограниченной ответственностью «ЦТК-ТРАНС» - Кондратьева А.С. (по доверенности от 24.08.2016), Малхасян А.Р. (на основании решения от 23.10.2015 N 4).

Заслушав и обсудив доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Разумова И.В., объяснения конкурсного управляющего закрытым акционерным обществом «ЭНБИМА Групп», представителей Федеральной налоговой службы и общества с ограниченной ответственностью «Теплотека», поддержавших доводы жалоб, а также объяснения представителей общества с ограниченной ответственностью «ЦТК-ТРАНС», просивших оставить обжалуемые судебные акты без изменения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

в рамках дела о банкротстве закрытого акционерного общества «ЭНБИМА Групп» (далее - общество «ЭНБИМА Групп», должник), в процедуре наблюдения, общество с ограниченной ответственностью

«ЦТК-Транс» (далее - общество «ЦТК-Транс») обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требования в сумме 14 988 847 рублей 83 копейки.

Определением Арбитражного суда Владимирской области от 26.02.2016 требование признано обоснованным, 14 143 222 рубля 83 копейки включены в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как требование по основному долгу, обеспеченное залогом имущества должника, 845 625 рублей включены в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как требование, подлежащее отдельному учету и удовлетворению после погашения основной суммы задолженности.

Постановлением Первого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2016 определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа постановлением от 07.09.2016 определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, уполномоченный орган и общество с ограниченной ответственностью «Теплотека» (далее - общество «Теплотека») просят отменить указанные судебные акты в части, касающейся признания за обществом «ЦТК-Транс» статуса залогового кредитора, и включить задолженность перед этим обществом в сумме 14 143 222 рубля 83 копейки в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь на общих основаниях.

В отзыве на кассационные жалобы общество «ЦТК-ТРАНС» просит оставить обжалуемые судебные акты без изменения как соответствующие действующему законодательству.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Разумова И.В. от 19.01.2017 кассационные жалобы переданы на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационных жалобах, отзыве на них, объяснениях представителей участвующих в обособленном споре лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене в части по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов дела, спорное требование общества «ЦТК-Транс» основано на частично неисполненном должником решении Арбитражного суда Владимирской области от 19.03.2015 по делу N А11-10247/2014, которым с общества «ЭНБИМА Групп» в пользу общества «ЦТК-Транс» взыскано 15 947 579 рублей 85 копеек.

В рамках указанного дела Арбитражный суд Владимирской области по заявлению общества «ЦТК-Транс» определением от 30.10.2014 принял обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество общества «ЭНБИМА Групп», установив его общую стоимость (15 391 875 рублей).

Во исполнение данного определения суда судебный пристав-исполнитель вынес постановления от 25.11.2014 и 27.04.2015 о наложении ареста на конкретное имущество, принадлежащее должнику. Акты о наложении ареста на это имущество - здания (цех микропарников, склад карбида, корпус технических занятий, здание конторы, гараж для стоянки тракторов), два земельных участка, три трактора и один комбайн - составлены 01.12.2014 и 27.04.2015.

Решение по делу N А11-10247/2014 о взыскании задолженности вступило в законную силу 09.06.2015.

Заявление о признании должника банкротом принято судом к производству 11.09.2015, процедура наблюдения в отношении общества «ЭНБИМА Групп» введена 07.10.2015.

Признавая за обществом «ЦТК-Транс» в рамках дела о банкротстве должника статус залогового кредитора, суды сочли, что залог возник в силу пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс) со дня вступления в законную силу решения Арбитражного суда Владимирской области от 19.03.2015 по делу N А11-10247/2014. При этом обстоятельства, с которыми действующее законодательство связывает возможность прекращения залога (статья 352 Гражданского кодекса), не наступили. Ссылки общества «Теплотека» на постановление судебного пристава-исполнителя от 11.11.2015 о снятии ареста с имущества общества «ЭНБИМА Групп» в связи с введением в отношении его процедуры наблюдения, отклонены судами как не имеющие правового значения для разрешения настоящего спора.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1 Кодекса), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены.

Неотъемлемой частью приведенной нормы является отсылка при определении лиц, обладающих правами залогодержателя, к статье 174.1 Гражданского кодекса, пункт 2 которой регулирует последствия совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено в судебном или ином установленном законом порядке в интересах кредитора. В соответствии с ранее действовавшим законодательством в ситуации, когда должник в нарушение ареста, наложенного на его имущество в пользу кредитора, отчуждал арестованное имущество третьему лицу, защита прав такого кредитора обеспечивалась посредством признания недействительной сделки по распоряжению имуществом и применением последствий ее недействительности. Согласно же действующим положениям пункта 2 статьи 174.1 Гражданского кодекса соответствующая сделка действительна, что позволяет арестованному имуществу находиться в обороте. Поэтому наделение кредитора правами залогодержателя по правилам пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса обусловлено необходимостью защиты его прав,

прежде всего, путем предоставления кредитору возможности обратиться с взысканием на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете (закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью).

При этом в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса законодатель лишь приравнял права взыскателя к правам залогодержателя, не указав на то, что в связи с введением запрета на распоряжение имуществом возникает полноценный залог. Более того, как следует из буквального смысла указанной нормы, правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога.

Судебная коллегия считает, что иное (отсутствие прав залогодержателя) вытекает из существа отношений залога в ситуации несостоятельности (банкротства) должника.

Так, в силу предусмотренного Законом о банкротстве (статьи 2, 18.1, 138 Закона) регулирования преимущественно по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности обладают кредиторами, обязательства должника перед которыми по выплате определенной денежной суммы по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом основанию, обеспечены залогом. По смыслу названных статей Закона о банкротстве при недостаточности имущества для распределения между всеми кредиторами должника подобный приоритет возникнет при ординарном залоге - залоге на основании договора либо закона (пункт 1 статьи 334.1 Гражданского кодекса), то есть когда используются стандартные гражданско-правовые меры обеспечения самого гражданского обязательства. Права же залогодержателя, указанные в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса, возникают в большей части из процессуальных правоотношений (в том числе вследствие принятия судом обеспечительных мер), при наличии широкого усмотрения со стороны государственного органа (не являющегося стороной материальных отношений) как в вопросе об определении имущества, в отношении которого может быть наложен запрет, так в вопросе о том, имеются ли основания для введения запрета, определенные правовым актом, регулирующим процедуру ареста. Эти права могут быть реализованы лишь после вступления в силу решения, которым удовлетворены требования, обеспечиваемые запретом. Следовательно, названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и они действуют в рамках общих правил исполнения.

Порядок же исполнения актов о взыскании задолженности с несостоятельного должника регулируется нормами законодательства о банкротстве, которые являются специальными по отношению к общим правилам исполнения. Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний

о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест. Наоборот, правоотношения, связанные с банкротством, основаны на принципе равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (пункт 4 статьи 134 Закона о банкротстве), что, в свою очередь, не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от формальных (процедурных) критериев, не связанных с ее материальной правовой природой (в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста). Поэтому запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.

С учетом изложенного судам следовало отказать обществу «ЦТК-Транс» в признании его залогодержателем для целей включения задолженности в реестр требований кредиторов.

Допущенные судами при рассмотрении обособленного спора нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможны восстановление и защита прав и законных интересов должника, его кредиторов и уполномоченного органа, в связи с чем определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа следует отменить на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части признания за обществом «ЦТК-Транс» статуса залогового кредитора, приняв в отмененной части новый судебный акт.

Руководствуясь статьями 291.11 - 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

определение Арбитражного суда Владимирской области от 26.02.2016, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2016 и постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.09.2016 по делу N А11-9381/2015 отменить в части, касающейся признания требования общества с ограниченной ответственностью «ЦТК-Транс» обеспеченным залогом имущества должника.

В отмененной части в удовлетворении требования общества с ограниченной ответственностью «ЦТК-Транс» отказать.

Настоящее определение вступает в законную силу со дня его вынесения и может быть обжаловано в порядке надзора в Верховный Суд Российской Федерации в трехмесячный срок.

Председательствующий судья
И.В. РАЗУМОВ

Судьи
Д.В. КАПКАЕВ
Е.С. КОРНЕЛЮК

Собственник, передавший товар, при неоплате вправе требовать или его возврата, или уплаты стоимости.

Эту позицию, которую занимал в том числе ВАС РФ, обозначил АС Московского округа. Он применил ее в споре продавца с конкурсным управляющим покупателя-банкрота.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД МОСКОВСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 6 марта 2017 г. по делу N А40-106765/14

Резолютивная часть постановления объявлена 02.03.2017

Полный текст постановления изготовлен 06.03.2017
Арбитражный суд Московского округа
в составе:

председательствующего-судьи Голобородько В.Я.,
судей: Михайловой Л.В., Зверевой Е.А.
при участии в заседании:

не явились, извещены
рассмотрев 02.03.2017 в судебном заседании кассационную жалобу

ООО «КБ «ПрессМаш»
на определение от 17.10.2016
Арбитражного суда г. Москвы
вынесенное судьей Мироненко Э.В.,
на постановление от 15.12.2016

Девятого арбитражного апелляционного суда
принятое судьями М.С. Сафроновой, П.А. Порывкиным, Т.Б. Красновой,

об отказе в удовлетворении жалобы ООО «КБ «ПрессМаш» на действия (бездействие) конкурсного управляющего ООО «ЭМЗ ПромЭнерго» Абросимова М.А.,

установил:

Определением Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2016 ООО «КБ ПрессМаш» отказано в удовлетворении жалобы на действия (бездействие) конкурсного управляющего ООО «ЭМЗ ПромЭнерго» Абросимова М.А.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2016 указанное определение оставлено без изменения.

Не согласившись с определением суда первой инстанции и постановлением суда апелляционной инстанции, ООО «КБ «ПрессМаш» обратилось в Арбитражный суд Московского округа с кассационной жалобой, в которой просит отменить обжалуемые судебные акты, дело направить на новое рассмотрение. Как указывает заявитель кассационной жалобы, выводы судов первой и апелляционной инстанций не соответствуют фактическим обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также сделаны при неправильном применении норм материального и процессуального права.

Заявитель кассационной жалобы и иные лица, участвующие в деле, надлежаще извещенные о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы, сво-

их представителей в суд кассационной инстанции не направили, что, согласно ч. 3 ст. 284 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, не является препятствием для рассмотрения дела в их отсутствие.

В соответствии с абзацем 2 части 1 статьи 121 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ) информация о времени и месте судебного заседания была опубликована на официальном интернет-сайте Верховного суда Российской Федерации <http://kad.arbitr.ru>.

Изучив материалы дела, выслушав представителей лиц, явившихся в судебное заседание, обсудив доводы кассационной жалобы, проверив в порядке статей 286, 287, 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) законность обжалованных судебных актов, судебная коллегия суда кассационной инстанции не находит оснований для отмены обжалуемых судебных актов по доводам кассационной жалобы, поскольку они основаны на неправильном толковании заявителем норм права и направлены на переоценку исследованных судами доказательств, что, в силу норм статьи 286 и части 2 статьи 287 АПК РФ, не входит в полномочия суда кассационной инстанции.

Как следует из материалов дела и установлено судами, решением Арбитражного суда г. Москвы от 17.12.2015 ООО «Электромеханический завод Промэнерго» признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство. Конкурсным управляющим утвержден Абросимов М.А.

Как следует из материалов дела и установлено судами, между ООО «КБ ПрессМаш» и ООО «ЭМЗ Промэнерго» 17.01.2013 был заключен договор купли-продажи N 01/13-КП, в связи с неисполнением ООО «ЭМЗ Промэнерго» обязательств по которому ООО «КБ ПрессМаш» обратилось с иском в Арбитражный суд Воронежской области.

Определением суда от 26.12.2013 по делу N А14-12556/2013 между сторонами утверждено мировое соглашение.

В заявлении в суд заявитель указал, что должником обязательства по договору и мировому соглашению не были исполнены в полном объеме. До настоящего момента право собственности на оборудование - Пресс горячештамповочный мод. АККБ8544.32, 1993 г.в., заводской N 1 и Подачу грейферную ПГ-25. 1993 г.в., заводской N 1 - принадлежит ООО «КБ ПрессМаш», которое неоднократно обращалось к конкурсному управляющему с требованием о возврате оборудования. Однако, указанное оборудование, не принадлежащее должнику, включено конкурсным управляющим в инвентаризационную опись имущества от 29.03.2016 за N 317. Конкурсный управляющий незаконно включил в инвентаризационную опись сведения об имуществе, которое должнику ООО «ЭМЗ Промэнерго» никогда не принадлежало. Следовательно, инвентаризация имущества должника была проведена ненадлежащим образом, а действия конкурсного управляющего существенным образом затрагивают права и законные интересы кредитора ООО «КБ ПрессМаш».

Судами установлено, что в связи с невыполнением условий мирового соглашения ООО «КБ ПрессМаш» обратилось в Арбитражный суд Воронежской области с заявлением об изменении порядка и способа исполнения определения об утверждении мирового соглашения, согласно изменениям указать, что ООО «ЭМЗ Промэнерго» обязуется возвратить ООО «КБ ПрессМаш» переданное по договору от 17.01.2013 N 01/13-КП оборудование.

Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда в удовлетворении заявления ООО «КБ ПрессМаш» отказано. Постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 23.06.2016 постановление оставлено без изменения.

Определением Верховного суда РФ от 07.09.2016 ООО «КБ ПрессМаш» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ.

Судами в судебных актах по названному спору установлено, что соглашение исполнено должником на 78 процентов, согласованной в договоре поставки и более 50 процентов от суммы задолженности за оборудование на дату заключения мирового соглашения.

Суды указали, что в соответствии со ст. 491 ГК РФ сохранение за продавцом права собственности на товар не является безусловным основанием для удовлетворения требования о возврате товара. Данная норма является диспозитивной и предусматривает возможность альтернативного способа защиты нарушенного права по выбору поставщика: потребовать возврата товара или уплаты его стоимости. Возможность одновременного использования двух указанных способов защиты законодательством не предусмотрена.

Определением суда от 14.05.2015 по настоящему делу в реестр требований кредиторов должника включены требования ООО «КБ ПрессМаш» в размере штрафных санкций за ненадлежащее исполнение договора - 1 511 902 руб., проценты - 3 010 500 руб. и судебные расходы - 50 000 руб.

Определением суда от 14.03.2016 удовлетворено реализовал требование ООО «КБ ПрессМаш» в сумме 3 150 000 руб. - остаток основного долга по мировому соглашению. Определением суда от 22.08.2015 в реестр требований кредиторов ООО «ЭМЗ Промэнерго» включено требование ООО «КБ ПрессМаш» в сумме 3 150 000 руб. - остаток задолженности по договору купли-продажи.

Таким образом, ООО «КБ ПрессМаш» реализовало свое право по выбору защиты нарушенного права путем включения суммы задолженности по оплате проданного товара в реестр требований кредиторов должника.

В связи с этим конкурсный управляющий правомерно включил спорный пресс в конкурсную массу в целях его последующей реализации и пропорционального распределения среди кредиторов конкурсной массы.

Довод ООО «КБ Прессмаш» о бездействии конкурсного управляющего, выразившейся в допущении нарушения судебного акта, которым было утверждено мировое соглашение от 26.12.2013, правомерно откло-

нен судами первой и апелляционной инстанций как необоснованный, поскольку поставка оборудования в адрес должника осуществлена задолго до введения в отношении ООО «ЭМЗ Промэнерго» процедуры конкурсного производства и утверждения Абросимова М.А. конкурсным управляющим.

Иная оценка заявителем жалобы установленных судом фактических обстоятельств дела и толкование положений закона не означает допущенной при рассмотрении дела судебной ошибки.

Ссылка заявителя кассационной жалобы на то, что судами неверно применены нормы закона, что повлекло за собой вынесение незаконного судебного акта, судом кассационной инстанции отклоняется, поскольку иная оценка заявителем жалобы установленных судом фактических обстоятельств дела и толкование положений закона не означает допущенной при рассмотрении дела судебной ошибки.

Доводы кассационной жалобы изучены судом, однако, они подлежат отклонению как направленные на переоценку выводов суда по фактическим обстоятельствам дела, что, в силу статьи 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, недопустимо при проверке судебных актов в кассационном порядке.

При этом, суд кассационной инстанции отмечает, что в соответствии с положениями статьи 286 АПК РФ суду кассационной инстанции не предоставлены полномочия пересматривать фактические обстоятельства дела, установленные судами при их рассмотрении, давать иную оценку собранным по делу доказательствам, устанавливать или считать установленными обстоятельства, которые не были установлены в определении или постановлении, либо были отвергнуты судами первой или апелляционной инстанции.

Переоценка имеющихся в материалах дела доказательств и установленных судами обстоятельств находится за пределами компетенции и полномочий арбитражного суда кассационной инстанции, определенных положениями статей 286, 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Учитывая изложенное, оснований, предусмотренных статьей 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, для изменения или отмены обжалуемых в кассационном порядке судебных актов, по делу не имеется.

Определение Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2016, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2016 по делу N А40-106765/14 оставить без изменения, кассационную жалобу - без удовлетворения.

Председательствующий судья
В.Я.Г ОЛОБОРОДЬКО

Судьи
Л.В. МИХАЙЛОВА
Е.А. ЗВЕРЕВА